

МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОСТАНАЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ ШРАКБЕКА КАБЫЛБАЕВА

Сарсенбаева Ботагоз Булатовна

**СДЕЛКА О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Монография

Алматы
2025

УДК
ББК

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом Костанайской академии
МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева*

Рецензенты:

Директор НИИ права университета Туран, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД Республики Казахстан, почетный работник образования Республики Казахстан **Акимжанов Т. К.**

Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Костанайской Академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, доктор юридических наук **Корякин И.П.**

Заместитель начальника управления Следственного департамента МВД Республики Казахстан полковник полиции **Омаров А.**

Сарсенбаева Б.Б.

**Сделка о признании вины в уголовном судопроизводстве:
международно-правовой анализ.** Монография. – Алматы,
«ADAL KITAP», 2025. 299 с.

ISBN

Монография посвящена исследованию теоретических и практических аспектов реализации сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве. В работе анализируется зарубежный опыт, в частности, институт «сделки о признании вины» в Соединенных Штатах Америки, анализ его исторических предпочтений и правовая природа. Исследуются сходные правовые институты, проводится сравнительный анализ зарубежного и национального законодательства в области упрощенных форм уголовного судопроизводства. На основе проведенного исследования сформулированы предложения и рекомендации. Данная работа предназначена для преподавателей, докторантов, магистрантов, слушателей высших учебных заведений и практических работников правоохранительных органов Республики Казахстан. Материал изложен на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, практики и современной юридической литературы по пробелам уголовного процесса и криминалистики.

УДК
ББК

ISBN

© Сарсенбаева Б.Б., 2025
© «ADAL KITAP», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА «PLEA BARGAIN» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.....	8
1.1 Детерминированность института «plea bargain» в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки и его правовая характеристика.....	8
1.2 Процессуальная форма сделки о признании вины (plea bargain) в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки (атторнейская и судебная практика)	40
2 СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАНН АЗИИ	70
2.1 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран восточной Азии	70
2.2 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран центральной Азии.....	82
2.3 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран западной Азии	100
3 СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАНН ЕВРОПЫ	116
3.1 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран западной Европы	116
3.2 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран восточной Европы	140
3.3 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран южной Европы	168
3.4 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран северной Европы.....	184

4 ПРОИЗВОДСТВО НА ОСНОВЕ СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В СВЕТЕ ДОКТРИНЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	206
4.1 Анализ института суммарных производств на основе критериев эффективности уголовного судопроизводства и оптимальности уголовно-процессуальной формы.....	206
4.2 Производство на основе соглашения (сделки) о признании вины как выражение принципа процессуальной экономии	242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	258
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	261

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Nolo contendere	— Упрощенная или ускоренная процедура принятия судебного решения, основанная на заявлении об отказе оспаривать предъявленное обвинение
Plea Bargain	— сделка о признании вины в уголовном судопроизводстве США, то есть упрощенная или ускоренная процедура принятия судебного решения, основанная на заявлении о признании вины в совершенном преступлении
МВД	— Министерство внутренних дел
МЮ	— Министерство юстиции
США	— Соединенные Штаты Америки;
РК	— Республика Казахстан
РМ	— Республика Молдова
РФ	— Российская Федерация
ФРГ	— Федеративная Республика Германия
УК	— Уголовный кодекс
УПК	— Уголовно-процессуальный кодекс
ст.	— статья
ч.	— часть
п.	— пункт

ВВЕДЕНИЕ

В своем послании народу Казахстана от 1 сентября 2021 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил постепенное развитие финансовой системы и альтернативных механизмов урегулирования дел, включая институты, содействие процессуальной экономии [1]. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента, также ориентирована на реформирование уголовного судопроизводства. При этом особое внимание уделяется внедрению международных стандартов и институтов адаптации, которые обеспечивают эффективность правосудия и защиту прав граждан [2].

Современная система уголовного судопроизводства сталкивается с новыми вызовами, обусловленными сложностью и многообразием преступлений, увеличением их количества, а также необходимостью обеспечения эффективности и экономичности процессов. Оптимизация уголовного процесса предполагает внедрение полномочий властей по быстрому ведению дел без последствий для прав и свободы личности. Одним из таких критериев является производство на основе соглашения о признании вины.

Институт сделки о признании вины («сделка о признании вины»), широко применяемый в англо-саксонской системе судебного разбирательства, в частности в США, представляет собой инструмент, способствующий процессуальной экономии, уменьшению нагрузки на судебную систему и ускорению принятия решений системой. Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что использование этого института способствует повышению эффективности правосудия, что делает его актуальным для исследований в девятом отечественном уголовном процессе.

Вместе с тем, внедрение зарубежного опыта учитывает национальное законодательство и требует законодательной системы. В Казахстане институт соглашения о признании вины все еще находится на стадии развития, и его полноцен-

ное включение в уголовно-процессуальное законодательство требует научного обоснования, анализа правоприменительной практики и разработки соответствующих правовых принципов [3].

Актуальность данной монографии определяется необходимостью исследования концептуальных и практических аспектов сделки о признанной вине и возможностей ее внедрения в правовую систему Республики Казахстан. Данная работа направлена на изучение зарубежного опыта, сравнительно-правового анализа, а также выявление оптимальных форм адаптации этого института к отечественным условиям. Научная и практическая инновационность исследования заключается в возможности использования его результатов для формирования уголовно-процессуального законодательства и единообразной правоприменительной практики.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА «PLEA BARGAIN» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

1.1 Детерминированность института «plea bargain» в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки и его правовая характеристика

Эволюция института заключения соглашения о признании вины (*plea bargain*) в Соединённых Штатах Америки представляет собой объект значительного научного интереса, поскольку с момента его формирования и до настоящего времени в американском процессуальном сообществе продолжаются дискуссии, касающиеся сущностных характеристик данного института и его влияния не только на судебную практику рассмотрения уголовных дел, но и на развитие североамериканской доктрины уголовно-процессуального права в целом [4,5,6].

Несмотря на различия в интерпретации и оценке роли института *plea bargain* в уголовном процессе США, исследователи едины во мнении, что его формирование следует относить к началу XVIII века [7, 8, 9, 10]. Кроме того, развитие данного института было обусловлено спецификой производства по определённым категориям уголовных правонарушений, в частности, таким, как нарушение антиалкогольного законодательства, преступления против общественного порядка, а также преднамеренные убийства. Именно благодаря рассмотрению дел указанной категории сделка о признании вины (*plea bargain*) получила свою институциональную оформленность.

Правовой фундамент института сделки о признании вины (далее — *plea bargain*) основан на положениях Правила 11 Главы IV Федеральных правил уголовного процесса США (с учетом изменений и дополнений по состоянию на 1 декабря 2008 г.) [11]. Указанные нормы регулируют все уголовно-процессуальные действия, осуществляемые в федеральных судах США. В соответствии с данными положени-

ями, подсудимый вправе заявить о своей невиновности, признать вину либо, с согласия суда, отказаться от оспаривания предъявленного обвинения (*nolo contendere*).

Ввиду отсутствия в отечественной научной литературе доступного анализа и перевода данного источника американского права представляется целесообразным привести перевод отдельных положений, максимально приближенный к оригинальному тексту. Эти положения непосредственно регулируют процедуру заключения сделок о признании вины.

В соответствии с пунктом (а) Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса США, при наличии согласия суда и стороны обвинения, ответчик вправе заключить сделку о признании вины либо заявить об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*), зафиксировав в письменной форме право на апелляционное обжалование судебного решения об отказе в предоставлении данного права. В случае подачи апелляционной жалобы на этом основании подсудимый имеет возможность отозвать свое заявление.

Если ответчик заявляет об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*), но до его принятия судом, суд обязан учесть позиции сторон, а также общественные интересы, связанные с эффективным осуществлением правосудия.

В соответствии с положениями Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса США, если обвиняемый отказывается заявить о своей виновности или не является в судебное заседание по данному вопросу, суд обязан установить, что обвиняемый не признает себя виновным. Данная норма обладает существенным значением, поскольку закрепляет требование добровольного волеизъявления обвиняемого при признании вины. Запрет на интерпретацию отсутствия заявления в качестве признания вины гарантирует обвиняемому право на судебное разбирательство с участием присяжных, предусмотренное VI поправкой к Конституции США.

Пункт (b) Правила 11 также предусматривает, что обвиняемый может быть приведен к присяге, а суд должен рассмотреть данный вопрос в открытом судебном заседании с обязательным участием подсудимого. В ходе этого разбирательства суд обязан удостовериться, что обвиняемый осознает следующие аспекты:

- 1) Право правительства на привлечение его к уголовной ответственности за дачу ложных показаний или заведомо ложных заявлений, сделанных под присягой.
- 2) Возможность настаивать на своей невиновности либо, в случае заявления о виновности, право утверждать о наличии вины.
- 3) Право на судебное разбирательство с участием присяжных заседателей.
- 4) Право на защиту с участием адвоката, включая возможность требовать назначения защитника судом в случае необходимости, как в ходе судебного разбирательства, так и на любой его стадии.
- 5) Право на судебное разбирательство, перекрестный допрос свидетелей, отказ от дачи показаний против самого себя, а также представление доказательств и вызов свидетелей в свою защиту.
- 6) В случае отказа от перечисленных прав суд вправе принять заявление о признании вины или *nolo contendere*.
- 7) Существо каждого предъявленного обвинения, по которому обвиняемый признает вину.
- 8) Максимально возможное наказание, включая лишение свободы, штраф и срок надзора после освобождения.
- 9) Нижний предел обязательного минимального наказания.
- 10) Виды конфискации, которые могут быть применены к обвиняемому.
- 11) Право суда на принудительное взыскание ущерба (*реституцию*).
- 12) Обязанность суда взыскать судебные издержки.
- 13) Обязанность суда учитывать все применимые руководящие принципы при определении меры наказания.

14) Условия сделки о признании вины, включая возможный отказ от права на апелляцию или последующее косвенное оспаривание судебного решения.

Суд также обязан, до принятия заявления о признании вины или *nolo contendere*, удостовериться в его добровольности. Данное разбирательство должно проходить в открытом судебном заседании с обязательным личным участием обвиняемого. Суд должен установить, что признание вины сделано добровольно, без принуждения, угроз или неправомерных обещаний, за исключением тех, которые предусмотрены в соглашении о признании вины.

Кроме того, перед вынесением судебного решения о признании вины суд обязан определить наличие фактической основы для такого заявления, опираясь на представленные материалы дела.

Таким образом, изложенные положения направлены на обеспечение добровольности признания вины, а также на подтверждение виновности обвиняемого на основании объективных доказательств.

Процедура заключения соглашения о признании вины регламентируется пунктом (с) Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса США. Данные положения предусматривают, что представитель стороны обвинения (*attorney for the government*), адвокат защиты либо сам обвиняемый вправе обсудить и заключить соглашение о признании вины. В то же время суд не должен участвовать в этих переговорах.

Если обвиняемый признает себя виновным либо заявляет об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*), соглашение должно содержать следующие положения, отражающие позицию стороны обвинения:

1. Обвинитель обязуется не предъявлять дополнительные обвинения либо отказаться от уже предъявленных.
2. Обвинение соглашается не возражать против ходатайств подсудимого, касающихся диапазона назначения наказания, либо может рекомендовать суду применение или неприменение определенных положений Руководящих

принципов назначения наказаний (однако такие рекомендации не являются обязательными для суда).

3. Обвинение соглашается на применение конкретных видов наказания или определенного диапазона санкций по рассматриваемому делу, а также на применение или неприменение положений Руководящих принципов назначения наказаний. Эти условия становятся обязательными для суда после официального принятия сделки о признании вины.

Таким образом, положения соглашения предполагают два вида уступок со стороны обвинителя:

1) рекомендации прокурора относительно характера и размера наказания, которые не имеют обязательной силы для суда;

2) выраженное мнение прокурора о характере и размере наказания, которое становится обязательным для суда после принятия сделки о признании вины.

В тех случаях, когда прокурор лишь рекомендует суду определенный вид или размер наказания либо обязуется не возражать против ходатайств подсудимого и его защитника по данным вопросам, суд обязан разъяснить обвиняемому, что он не вправе отозвать свое заявление в случае, если суд не последует рекомендациям обвинения.

Соглашение о признании вины заключается сторонами в открытом судебном заседании, за исключением случаев, когда суд, исходя из уважительных причин, разрешает обсуждение данного вопроса в закрытом заседании.

Суд обладает дискреционными полномочиями в отношении соглашения о признании вины или заявления об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*). Он может принять или отклонить их, а также отложить принятие решения до завершения изучения материалов досудебного производства.

В случае отказа суда в принятии соглашения о признании вины или заявления *nolo contendere* он обязан, как правило, в открытом судебном заседании, а при наличии веских оснований — в закрытом заседании, выполнить следующие процессуальные действия:

1. Проинформировать стороны о своем решении об отклонении соглашения о признании вины.

2. Разъяснить обвиняемому, что суд не связан условиями соглашения и не обязан его принимать, предоставив ему возможность отозвать заявление о признании вины.

3. Разъяснить обвиняемому, что в случае отказа от отзыва заявления о признании вины суд может рассмотреть дело с учетом менее благоприятных для него обстоятельств, чем те, которые были предусмотрены соглашением о признании вины.

Обвиняемый обладает правом отозвать заявление о признании вины или заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*) в следующих случаях:

1. До принятия судом заявления – в этом случае обвиняемый вправе как указать причины своего решения, так и отказаться от их разъяснения.

2. После принятия судом заявления, но до вынесения судебного решения по делу, если: а) суд отклоняет соглашение о признании вины; б) обвиняемый способен доказать обоснованность своего ходатайства о его отзыве.

После вынесения приговора подсудимый утрачивает возможность отозвать заявление о признании вины или заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*). В этом случае пересмотр решения возможен исключительно в порядке прямой апелляции или косвенного оспаривания судебного акта путем подачи дополнительного иска.

Как отмечалось ранее, соглашение о признании вины может содержать специальное положение, предусматривающее отказ обвиняемого от права на апелляцию и косвенное оспаривание судебного решения. В таком случае обвиняемый полностью лишается возможности пересмотра приговора, что, с одной стороны, обеспечивает окончательность судебного акта, но, с другой, ограничивает право на обжалование возможного неправосудного решения.

Несмотря на данные ограничения, представляется целесообразным положительно оценить подобный подход, основанный на принципе окончательности судебного решения,

вынесенного в упрощенном порядке в рамках сделки о признании вины. Это повышает ответственность обвиняемого при принятии решения о вступлении в данную процедуру. Более того, такой механизм представляется логичным и необходимым в контексте утилитарного подхода к институту сделки о признании вины. Если упрощенная процессуальная форма не исключает последующих апелляционных разбирательств и иных видов оспаривания, затраты на их проведение могут значительно превысить выгоды, полученные от самого упрощенного порядка.

Следовательно, данный аспект требует тщательного учета при имплементации института сделки о признании вины в национальную правовую систему.

Судебный секретарь обязан зафиксировать ход судебного разбирательства, в рамках которого обвиняемый (подсудимый) заявляет о признании вины. Фиксация может осуществляться как в письменной форме, так и с использованием технических средств записи. Соответствующая запись или протокол должны содержать вопросы и разъяснения, предусмотренные пунктами (б) и (с) Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса США.

Примечательно, что указанные правила включают положение о так называемой «безобидной ошибке» (*Harmless Error*). Согласно данному принципу, нарушение предписанных процессуальных норм при заключении сделки о признании вины не влечет правовых последствий, если оно не затрагивает существенные права обвиняемого. В уголовном судопроизводстве Республики Казахстан аналогичный институт отсутствует, хотя УПК Республики Казахстан содержит нормы о «существенном нарушении уголовно-процессуального закона», что предполагает возможность признания допустимыми нарушений, не являющихся существенными. Однако отсутствие в отечественном законодательстве аналогии принципа *Harmless Error* играет дисциплинирующую роль для правоприменителя.

Введение подобной нормы в казахстанский УПК может привести к серьезным негативным последствиям, затрагивающим деятельность органов уголовного преследования и

судебной системы. В этой связи представляется целесообразным придерживаться четкого и однозначного законодательного регулирования процессуального порядка заключения соглашения о признании вины, исключающего возможность признания незначительных процессуальных нарушений безвредными.

Фактически судебное разбирательство в США может не завершиться назначением наказания, значительно более строгого, чем то, которое могло бы быть вынесено в случае признания вины подсудимым. Однако обвиняемый лишен возможности достоверно предвидеть исход дела, что создает элемент неопределенности.

Более того, институт сделки о признании вины в определенной степени приобретает характер договоренности между прокурором и адвокатом защиты. Это обусловлено тем, что профессиональные юристы — как представители обвинения, так и защитники — заинтересованы в минимизации правовой неопределенности, что не всегда соответствует интересам самого подсудимого. В американской юриспруденции данная проблема получила широкое освещение [12, 13], и в ряде исследований подчеркивается риск фактического исключения обвиняемого из процесса принятия решений, когда его роль в сделке о признании вины полностью замещается адвокатом.

Этот аспект заслуживает особого внимания при имплементации института сделки о признании вины в национальную правовую систему. Важно избежать подмены ролей, обеспечив, чтобы право инициирования сделки принадлежало исключительно обвиняемому, а не его адвокату-защитнику. Функция профессионального защитника должна оставаться в рамках консультативной помощи, включая оценку целесообразности заключения сделки и разъяснение ее возможных правовых последствий.

В конечном счете, аргументы «за» и «против» института сделки о признании вины сводятся к фундаментальному выбору между утилитарным и деонтологическим подходами к его правовой детерминации.

Утилитарный подход, получивший в теории уголовного процесса США название «аргумент о необходимости и эффективности» (*the necessity/efficiency based argument*) [14], является наиболее распространенным обоснованием института сделки о признании вины. Этот подход исходит из того, что сделки являются экономически выгодным и эффективным инструментом, поскольку они позволяют существенно сократить расходы на судебные разбирательства, одновременно обеспечивая принцип неотвратимости уголовного наказания.

Сторонники утилитарного подхода обосновывают его необходимость с различных позиций. Научное сообщество обычно ссылается на невозможность предоставить каждому обвиняемому право на полноценное судебное разбирательство с участием присяжных заседателей, тогда как представители обвинения аргументируют необходимость сделок защитой публичных интересов. Основная логика обвинительной власти заключается в том, что применение сделки о признании вины гарантирует привлечение преступника к ответственности, пусть даже и в форме более мягкого наказания, чем то, которое могло бы быть назначено в результате судебного разбирательства.

В рамках утилитарного подхода доминирующее значение придается именно неотвратимости наказания, тогда как его справедливость и соответствие фактическим обстоятельствам дела отодвигаются на второй план.

Следует отметить, что принцип объективной истины изначально не присущ англосаксонскому уголовному процессу состязательного типа. В данной правовой системе основной целью уголовного судопроизводства является не установление истины, а разрешение правового спора между сторонами. Именно поэтому в современных исследованиях, посвященных институту сделки о признании вины (*plea bargain*), доминирует точка зрения, основанная преимущественно на экономической и процессуальной целесообразности. Этот подход широко распространен среди американских ученых, анализирующих данное явление.

В противоположность утилитарному подходу, сторонники деонтологического подхода рассматривают сделку о признании вины с точки зрения морально-этических аспектов правосудия. Они утверждают, что основное достоинство этого института заключается в том, что обвиняемый признает свою вину не из страха перед более суровым наказанием, а потому, что осознает свою ответственность и заслуживает общественного порицания. Согласно данной концепции, если правонарушитель действительно считает себя виновным, он соглашается понести наказание в силу угрызений совести, а государственная власть, представленная федеральными и местными судами, лишь фиксирует эту добровольную готовность к наказанию как акт раскаяния.

При этом как утилитарный, так и деонтологический подходы не рассматривают институт сделки о признании вины как противоречащий этическим нормам, хотя их обоснование его допустимости существенно различается.

Необходимо сразу обозначить нашу позицию в отношении роли и природы института сделки о признании вины (*plea bargain*), поскольку дальнейшее исследование строится на основе утилитарного подхода. Деонтологические аспекты, на наш взгляд, не могут служить методологической основой анализа данного института, поскольку представляют собой скорее результат утопического восприятия правовой реальности, нежели практически применимую концепцию. В отличие от этого, наша позиция ориентирована на максимально возможное прикладное изучение сделки о признании вины, что определяет общий вектор исследования.

Очевидность утилитарного подхода в рамках данного исследования прослеживается уже на уровне структуризации работы, а также в используемой терминологии, вынесенной в заголовки разделов и подразделов.

В то же время существуют исследователи, критикующие утилитарный подход к детерминированности сделки о признании вины, указывая на его неспособность оправдать ее повсеместное применение в формате «конвейерного правосудия». Некоторые ученые полагают, что причины сложившейся ситуации в американской юриспруденции следуют

искать не в особенностях уголовного процесса, а в политических факторах [15].

До начала XIX века случаи заключения сделок о признании вины были единичными. Так, исследования, посвященные уголовному преследованию за совершение тяжких преступлений в XVIII веке в Олд-Бейли (*Old Bailey*, Лондон), не содержат упоминаний о применении института сделки о признании вины. Напротив, судьи Олд-Бейли нередко призывали подсудимых, признавших себя виновными, пересмотреть свое решение и предстать перед судом [15].

Несмотря на редкость сделок о признании вины в делах о тяжких преступлениях (*felony cases*) вплоть до XIX века, возможность вынесения решений без полноценного судебного разбирательства существовала в отношении малозначительных преступлений. В таких случаях допускались прямые или косвенные соглашения. В частности, дела о малозначительных преступлениях (*misdemeanors*) могли разрешаться с применением института *nolo contendere*, который позволял обвиняемому принять обвинительный приговор и выплатить штраф без формального признания вины.

Тем не менее, судьи избегали применения *nolo contendere* по серьезным делам. В начале XIX века в американской судебной практике признание вины оставалось редким явлением среди осужденных за тяжкие преступления. Таким образом, в этот исторический период судебная практика не рассматривала признание вины как необходимый элемент уголовного процесса, а его наличие никоим образом не предопределяло вынесение обвинительного приговора, в отличие от современной системы уголовного судопроизводства США.

На протяжении длительного времени институт сделки о признании вины оставался вне активных правовых дискуссий и не привлекал значительного внимания. Однако исследования преступности в США в 1920-е годы продемонстрировали широкое распространение данной практики. Когда во второй половине XX века в судебных отчетах начали появляться упоминания об отдельных случаях заключения сделки о признании вины, судьи апелляционных инстанций

США выразили категорическое осуждение этого явления. Тем не менее, несмотря на первоначальное неприятие, уже к концу XX века сделки о признании вины стали доминирующей формой разрешения уголовных дел.

Исторический анализ развития данного института показывает, что его распространение не было напрямую обусловлено высокой нагрузкой на суды и органы уголовного преследования. Применение сделки о признании вины в делах о тяжких преступлениях (*felony cases*) стало активно развиваться уже в середине XIX века [10], когда судебная система, как правило, имела достаточно ресурсов для обеспечения полноценного разбирательства по всем делам [16].

К 1920-м годам сделки о признании вины стали наиболее распространенным способом разрешения дел о тяжких преступлениях [17], а данная практика продолжала неуклонно расширяться. К 1970-м годам около 90% дел о фелониях в США рассматривались судами на основе признания вины. В настоящее время сделки о признании вины заключаются приблизительно в 96% уголовных дел, при этом доля рассмотрений в судах без участия присяжных составляет около 3%, а в судах присяжных — лишь 2% от общего числа рассмотренных дел [18]. Приведенные статистические данные относятся к судам штатов, однако в федеральных судах США наблюдается аналогичная тенденция [19].

Таким образом, можно констатировать определенный парадокс: распространенное в современной научной литературе мнение о том, что институт сделки о признании вины (*plea bargain*) возник и получил развитие в связи с чрезмерной нагрузкой на судебную систему и неспособностью судов обеспечивать суд присяжных по всем уголовным делам, на момент его становления не соответствовало объективной действительности. Более того, данный фактор не являлся определяющим при формировании и институционализации этой практики.

Этот парадокс побудил некоторых исследователей обратиться к вопросу о том, почему сделки о признании вины стали столь широко применяться, если объективная нагрузка

на суды в тот период не диктовала необходимости в таком механизме.

Ряд ученых связывают рост значимости сделки о признании вины с повышением профессионального уровня прокуроров и полиции. На определенном этапе правоохранительные органы начали четко выполнять свои узкопрофессиональные функции, тогда как ранее они занимались значительно более широким спектром задач, что американские юристы с долей иронии называли принципом "*jack-of-all-trades*" («мастер на все руки») [20, 21].

Формирование профессиональной судебной системы, небольшая численность адвокатского корпуса и выработка устойчивой судебной практики привели к тому, что стороны обвинения и защиты получили возможность с высокой степенью вероятности прогнозировать исход разбирательства в случае, если дело пройдет через стандартную судебную процедуру. В свою очередь, осознание обвиняемыми высокой предсказуемости судебного процесса, особенно в профессиональном суде или суде присяжных, в котором вероятность неблагоприятного исхода возрастила, побуждало их к заключению сделок о признании вины [22].

Данный тезис, но уже с акцентом на нормативный подход, подтверждается в исследовании Д. Фишера, который проанализировал период с 1780 по 1900 годы. Основываясь на детальном изучении первого зафиксированного случая заключения сделки о признании вины в суде штата Массачусетс, Фишер утверждает, что именно законодательные нормы способствовали развитию данной практики [8].

В отличие от вышеупомянутой теории, объясняющей распространение сделки о признании вины преимущественно управленческими и организационными факторами, подход Фишера выходит за эти рамки и фокусируется на положениях уголовно-процессуального законодательства. В сочетании с ростом профессиональной специализации прокуроров, которые впервые начали разделяться по категориям преступлений в начале XIX века, развитие сделки о признании вины во многом предопределялось самим законом.

Особое влияние оказали нормы, устанавливавшие, что судебный приговор выносился не только на основании обвинения, предъявленного прокурором, но и в пределах за-прашиваемой им санкции. Впервые это положение применялось в делах о нарушениях антиалкогольного законодательства, однако вскоре распространилось и на дела об убийствах. В этих случаях квалификация преступления по степени тяжести (убийство первой или второй степени) напрямую определяла наказание: обязательное применение смертной казни либо её отсутствие. В результате обвиняемые, вынужденные выбирать между признанием вины и судебным разбирательством с участием присяжных, фактически оказывались перед экзистенциальной дилеммой — вопросом жизни и смерти.

Таким образом, прокурорская власть начала выполнять функции, ранее свойственные исключительно суду первой инстанции, что привело к появлению элемента предопределенности судебного приговора [8].

Историческая детерминированность института сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве США неразрывно связана с нарушением антиалкогольного законодательства. Характер этих преступлений и особенности доказывания по делам данной категории способствовали склонению обвиняемых к признанию вины в обмен на определенные процессуальные преференции.

Одним из наиболее цитируемых исследователей сделки о признании вины является Д. Фишер, который, анализируя историю уголовного судопроизводства графства Миддлсекс (*Middlesex Ct.*), штат Массачусетс, в период с 1780 по 1900 годы, отмечает, что первые сделки о признании вины были заключены именно по делам, связанным с нарушением антиалкогольного законодательства.

В качестве примера Фишер приводит одно из самых ранних зафиксированных дел, завершившихся сделкой о признании вины, — дело Джошуа Стивенса (*Josiah Stevens*) из Тингсборо (*Tyngsborough*), рассмотренное в декабре 1808 года. Стивенс обвинялся в нарушении закона штата от 1787 года, регулирующего лицензирование торговли алкогольной

продукцией. Данный закон обязывал всех распространителей спиртных напитков иметь соответствующую лицензию [23].

Прокурор Сэмюэл Дана (*Samuel Dana*), первый атторней графства Миддлсекс, предъявил обвиняемому четыре пункта обвинения:

1. торговля спиртными напитками без лицензии;
2. нарушение правил торговли алкоголем;
3. допущение распития алкоголя покупателем в доме продавца;
4. нарушение запрета на употребление спиртных напитков на прилегающей территории.

В результате сделки о признании вины прокурор снял три из четырех пунктов обвинения (1, 2 и 4) в обмен на заявление Стивенса о неоспаривании оставшегося обвинения (*nolo contendere*). В итоге подсудимый был приговорен к уплате штрафа в размере 6,67 долларов США, а также выплате 47,12 долларов США в качестве судебных издержек [24].

Этот случай демонстрирует раннюю практику сделки о признании вины, которая уже в начале XIX века использовалась как инструмент процессуальной экономии и регулирования уголовной ответственности.

Как видно из приведенных источников, решение по делу основывалось не на признании вины, а на заявлении об отказе оспаривать обвинение, что соответствует институту *nolo contendere*. Однако разграничение этих понятий в теории уголовного процесса произошло значительно позже описанных случаев.

Следует отметить, что процессуальный порядок заключения сделки о признании вины (*plea bargain*) регулируется теми же нормами, что и порядок принятия судом заявления обвиняемого о неоспаривании обвинения (*nolo contendere*), а именно положениями Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса США. Это означает, что процессуальные процедуры для данных институтов идентичны. Однако их правовые последствия различны: в случае *nolo contendere* отсутствует преюдициальное значение вынесенного судом

решения в отношении возможных гражданско-правовых требований.

Более детальный анализ соотношения этих институтов представлен в первом подразделе третьего раздела настоящего исследования.

Рассмотрим ряд факторов, обусловивших активное развитие института сделки о признании вины (*plea bargaining*) и его широкое распространение в судебной практике.

1. Усложнение судебного процесса. Одним из ключевых факторов, способствовавших распространению института сделки о признании вины, стало усложнение судебных процедур. Вероятно, данная тенденция привела к увеличению использования внесудебных механизмов урегулирования уголовных дел как по экономическим причинам, так и в связи со стремлением должностных лиц минимизировать издержки, связанные с соблюдением формальных процессуальных требований судебного разбирательства.

Очевидно, что с ростом сложности и процессуальной громоздкости судебного производства усиливается стремление сторон избежать длительного разбирательства. Однако данный вывод не следует интерпретировать как попытку ограничить развитие состязательных начал в уголовном процессе или поставить под сомнение их эффективность. Напротив, обращение к данной проблематике обусловлено необходимостью анализа взаимосвязи между процессуальной детализацией и ее возможным чрезмерным усложнением.

Любая правовая система, рассматриваемая в широком смысле, подвержена процессам самоорганизации. Ее гибкость и универсальность обеспечиваются балансом между детально регламентированными процессуальными нормами и возможностью их исключения в отдельных случаях.

Нормативность как фундаментальный признак права предполагает такую регламентацию уголовного судопроизводства, которая охватывает максимальное число процессуальных ситуаций, одновременно учитывая их индивидуальные особенности. В данном контексте правоприменительная практика должна обеспечивать рациональное распределение

ресурсов органов уголовного преследования и судебной системы в зависимости от сложности рассматриваемых дел.

Таким образом, объективными предпосылками развития упрощенного порядка судебного производства стали необходимость процессуальной экономии и оптимизация судебного разбирательства в случаях, когда обвиняемый признает свою вину либо не оспаривает предъявленные ему обвинения. Это явление можно рассматривать как проявление диалектической взаимосвязи между ростом процессуальной формализации уголовного процесса и его статичностью.

2. Расширение сферы действия материального уголовного права и криминализация ранее непреступных деяний. Одним из значимых факторов стало развитие уголовного законодательства, направленного на установление ответственности за новые категории правонарушений. В частности, речь идет о регламентации оборота алкогольной продукции, введении уголовной ответственности за его незаконное распространение, а также о дифференциации ответственности за умышленные убийства и иные тяжкие преступления.

3. Рост уровня преступности. Общее увеличение числа преступлений привело к объективному увеличению количества уголовных дел, поступающих в суды. Это, в свою очередь, способствовало трансформации механизмов уголовного судопроизводства, включая расширение практики заключения сделок о признании вины.

4. Увеличение нагрузки на суды. Хотя данный фактор не играл определяющей роли в зарождении института *plea bargaining*, он неизменно присутствовал и со временем приобрел доминирующее значение. В этом контексте заслуживает внимания позиция профессора Кэндис МакКой, которая критикует распространенное объяснение высокой популярности сделки о признании вины исключительно перегруженностью судебной системы. По ее мнению, подобный аргумент, выраженный в форме риторического вопроса «*А как еще мы могли бы рассмотреть столько дел?*», является поверхностным и неприемлемым для научного анализа. МакКой утверждает, что такой подход закрепляет институциональную инерцию, воспринимая *plea bargaining* как неиз-

бежное зло, препятствующее проведению реформ в сфере уголовного судопроизводства [25].

5. Повышение роли профессиональных юристов в уголовном правосудии. Возрастание значения профессионального участия полиции, прокуроров и адвокатов в уголовном процессе также способствовало развитию сделки о признании вины. В этот период юридическая профессия, особенно адвокатская деятельность, приобретает более четкие корпоративные черты, формируя устойчивую профессиональную среду. В результате понятия «адвокат» и «судебное разбирательство» становятся неразрывно связанными, а ход и исход уголовного процесса все в большей степени определяется стратегиями защиты и обвинения.

6. Расширение полномочий прокурора. С развитием уголовного судопроизводства наблюдается существенное усиление роли прокурора в определении исхода дела. В этом контексте показателен анализ Д. Фишера, демонстрирующий, как представители публичного обвинения (прокуроры/атторнеи), используя свои дискреционные полномочия, могут фактически предопределять судебное решение. Расширение прокурорских полномочий позволяет им не только формулировать обвинение, но и влиять на конечный приговор, что делает *plea bargaining* эффективным инструментом процессуальной оптимизации.

Обобщая мнения американских правоведов, можно выделить несколько альтернативных позиций относительно факторов, детерминирующих развитие института сделки о признании вины (*plea bargaining*). Согласно данным взглядам, решающее влияние оказывают следующие обстоятельства:

1. Характер и процедура судебного заседания – особенности организации судебного процесса, включая его сложность, состязательность и формализованность, играют значительную роль в распространении практики заключения сделок о признании вины [26].

2. Рост преступности и усиление наказаний – увеличение уровня преступности, наряду с ужесточением санкций за уголовные правонарушения, способствует активному ис-

пользованию механизмов *plea bargaining* как средства процессуальной оптимизации [22].

3. Политические мотивы – среди прочих факторов указывается влияние государственной политики, направленной, например, на контроль над социально уязвимыми группами, включая иммигрантов. В этом контексте сделка о признании вины рассматривается как инструмент правоприменительной практики, позволяющий эффективно регулировать уголовное преследование отдельных категорий населения [10].

4. Макрополитическое давление на суды – влияние со стороны государственных институтов, общественных движений и политических элит, оказывающее давление на судебную систему, в том числе в целях ускорения рассмотрения уголовных дел и снижения нагрузки на суды [7, 9].

Как отмечалось ранее, среди американских процессуалистов достаточно распространена точка зрения, согласно которой практика заключения сделок о признании вины (*plea bargaining*) развивается под влиянием макрополитического давления на судебную систему [14]. В основе данного подхода лежит предположение о том, что суды, традиционно воспринимаемые американским обществом в качестве гаранта конституционных прав и свобод, постепенно оказываются зависимыми от данной процедуры.

Особенность макрополитического давления заключается в том, что оно не проявляется в форме непосредственного влияния со стороны конкретных должностных лиц или государственных органов в отношении отдельных дел. Вместо этого давление осуществляется на системном уровне посредством культивирования идеологии сделки о признании вины как универсального и эффективного механизма уголовного судопроизводства.

Опасность данной тенденции заключается в том, что суды утрачивают способность эффективно противостоять нарушениям законности, превращаясь в элемент упрощенной процессуальной системы, где ключевую роль в определении судебной судьбы обвиняемого играет сторона обвинения. Сторонники данной позиции указывают, что сам факт рассмотрения более 95% уголовных дел в США путем за-

ключения сделки о признании вины является свидетельством серьезного кризиса всей системы правосудия.

Следует признать, что данный аргумент содержит рациональное зерно. В связи с этим, при изучении возможности имплементации института сделки о признании вины в отечественное уголовно-процессуальное законодательство необходимо учитывать потенциальные риски и принимать меры для предотвращения подобных системных последствий.

Этимологический анализ термина *plea bargain* с лингвистической точки зрения позволяет сделать ряд выводов относительно его смыслового содержания.

Термин *plea* имеет несколько значений:

1. заявление оснований иска или обвинения, а также оснований защиты против них;
2. аргумент, довод;
3. заявление, сделанное ответчиком или его защитником [27].

В контексте нормативных правовых актов термин *plea* используется в значении «заявление».

Термин *bargain* означает:

1. сделку, соглашение, договор; а также заключение сделки, договоренность, переговоры;
2. выгодную сделку, например, *bargain and sale* — договор купли-продажи [27].

Таким образом, *plea bargain* может быть переведен как «сделка по заявлению» или «сделка на основе заявления». Однако с точки зрения юридической науки лингвистический анализ имеет лишь вспомогательное значение, поскольку в американском уголовном процессе и в отечественной юридической доктрине термин *plea bargain* трактуется именно как «сделка о признании вины», обозначая конкретный правовой институт и вид производства.

Следует также разграничивать термин *plea bargain* и понятие *guilty plea* или *plea of guilty*, которые означают официальное признание вины, т. е. заявление обвиняемого о своем виновном отношении к предъявленному обвинению [27]. В отличие от сделки о признании вины, данные термины при-

меняются исключительно для обозначения позиции обвиняемого в отношении инкриминируемого преступления.

Следует отметить, что широко применяемый в средствах массовой информации термин *«cop a plea»* [28, 29] является сленговым обозначением и синонимом юридического понятия *«plea bargain»* [30, 31]. Однако последний термин используется как для обозначения соглашений о признании вины, так и для соглашений по принципу *«nolo contendere»*, предполагающих согласие с предъявленным обвинением без формального признания вины. В журналистской практике этот термин, как правило, применяется без должного учета юридической специфики и различий между указанными правовыми институтами.

Сделки о признании вины (*plea bargain*) заключаются обвиняемым в обмен на определенные уступки со стороны обвинения, которые могут носить как реальный, так и формальный характер. В то же время в юридической практике США данный термин иногда употребляется в ином значении, охватывая различные правовые ситуации. В частности, прокурор может рассматривать в качестве сделки о признании вины предложение смягчения наказания в обмен на свидетельские показания обвиняемого против других лиц, подозреваемых в совершении преступления. Аналогичным образом адвокат, инициирующий переговоры с прокурором с целью прекращения уголовного преследования и снятия обвинений с клиента, также может характеризовать этот процесс как обсуждение условий сделки о признании вины. Однако такое расширительное толкование термина является некорректным, поскольку безусловное прекращение уголовного преследования не предполагает признания вины или обмена уступками. Более того, обещание прокурора о предоставлении смягчающих мер в отношении обвиняемого в обмен на его свидетельские показания может иметь место и вне рамок процедуры признания вины.

Кроме того, помимо вышеуказанных случаев, сделка о признании вины (*plea bargain*) не охватывает замену уголовной ответственности альтернативными мерами исправительного воздействия. Хотя применение таких мер нередко явля-

ется результатом соглашения между сторонами и может предусматривать определенные уступки со стороны обвиняемого (например, его согласие на прохождение программы реабилитации, установленной в рамках договоренности), они не приводят к осуждению на основании заявления о признании вины. Напротив, при условии полного выполнения обвиняемым установленных обязательств уголовное преследование может быть полностью прекращено, а дело исключено из системы уголовного правосудия.

Таким образом, в подобных случаях вопрос о виновности обвиняемого не поднимается и не обсуждается. Объектом соглашения между стороной обвинения и защитой является согласие обвиняемого на выполнение определенных условий в рамках альтернативных мер (например, медиация, лечение от алкогольной или наркотической зависимости, прохождение индивидуальной или групповой психотерапии) в обмен на прекращение уголовного преследования и отказ от предъявления обвинительных требований.

Кроме того, в юридической практике принято различать прямую и косвенную сделку о признании вины (*plea bargain*). Прямая сделка предполагает, что обвиняемый или его представитель ведет переговоры непосредственно с прокурором, судьей или, в редких случаях, иным должностным лицом относительно возможных льгот, предоставляемых в обмен на заявление о признании вины. Косвенная сделка, напротив, осуществляется без проведения очных переговоров.

В рамках официальной судебной практики сложилась определенная модель вынесения приговоров, предполагающая более мягкое отношение к подсудимым, признавшим себя виновными, по сравнению с теми, кто реализует право на судебное разбирательство. В связи с этим обвиняемые вправе рассчитывать на то, что признание вины приведет к определенному смягчению наказания. Однако в данной ситуации отсутствуют четкие нормативные критерии, позволяющие подсудимому прогнозировать строгость назначенного ему наказания.

Следует отметить, что косвенная сделка о признании вины, в отличие от прямой, не представляет собой самостоятельную процессуальную форму и существует, по всей видимости, в рамках общих правил уголовного судопроизводства и судебной практики. Данный механизм можно сопоставить с институтом смягчающих обстоятельств, предусмотренным в отечественном уголовном законодательстве, в частности, статьей 53 Уголовного кодекса Республики Казахстан, согласно которой основанием для применения смягчающих мер выступает чистосердечное раскаяние обвиняемого. Таким образом, указанная правовая норма носит поощрительный характер, поскольку предполагает возможность смягчения наказания при наличии определенных обстоятельств, свидетельствующих о раскаянии подсудимого.

Признание вины рассматривалось в качестве достаточного основания для осуждения с момента становления системы общего права. В результате отношение к соглашениям о признании вины в странах, принадлежащих к данной правовой семье, существенно отличается от подходов, принятых в большинстве государств континентальной Европы. В делах, относящихся к категории тяжких или особо тяжких преступлений, национальные системы уголовного судопроизводства не признают ни одну из форм признания вины в качестве достаточного основания для отказа от судебного разбирательства. Однако, несмотря на это, в подобных случаях судебные процедуры могут упрощаться за счет дифференциации процессуальных механизмов, если подсудимый не оспаривает предъявленные ему обвинения.

По сравнению с длительной англо-американской традицией использования признания вины (*guilty plea*), институт сделки о признании вины (*plea bargain*) как самостоятельная правовая конструкция имеет сравнительно недолгую историю. Уголовное судопроизводство на протяжении длительного времени поощряло определенные формы сотрудничества с обвиняемыми, прежде всего в тех случаях, когда такое взаимодействие было направлено на привлечение к уголовной ответственности иных предполагаемых преступников, включая соучастников или организаторов преступных групп.

Однако подобная практика взаимодействия правоохранительных органов с обвиняемыми не может рассматриваться в качестве *plea bargain* в строгом юридическом смысле. В современной юриспруденции данный термин обозначает четко регламентированную процедуру, обладающую всеми признаками самостоятельного процессуального института.

Институт сделки о признании вины широко представлен в уголовном судопроизводстве таких стран, как Англия, Канада и большинство других государств, входящих в состав Британского Содружества. В то же время в странах континентальной Европы его распространение является более поздним явлением. Так, еще в 1979 году Германия, по мнению ряда исследователей, рассматривалась как государство, не признающее сделку о признании вины [32].

Согласно анализу Джона Лангбейна, в тот период официальное признание вины в Германии не только не допускалось по тяжким уголовным делам, но и исключало саму возможность ведения переговоров между сторонами обвинения и защиты. Прокуроры и судьи были лишены права обсуждать или обещать какие-либо уступки в обмен на признание вины обвиняемым. Этот вопрос не подлежал переговорам на любой стадии процесса, а любые попытки заключения неявных или косвенных соглашений относительно объема обвинения или его квалификации признавались незаконными. По мнению исследователя, одной из причин подобного запрета была простота и меньшая формализованность немецкого уголовного процесса по сравнению с англо-американской моделью, что делало уступки в обмен на признание вины излишними и ненужными [32].

Однако данный вывод Лангбейна, основанный на анализе судебной практики ФРГ 1979 года, был актуален лишь на тот момент. С тех пор ситуация претерпела существенные изменения. В результате процессов правовой глобализации европейская и американская системы уголовного судопроизводства приобрели ряд общих черт, однако наибольшей трансформации, по нашему мнению, подверглась именно континентальная модель. Европейское уголовное право постепенно эволюционировало в сторону усиления состяза-

тельных начал, что привело к его сближению с англосаксонской системой. Безусловно, этот процесс носил взаимный характер, однако именно континентальное право испытывало наиболее значительное влияние, что, в свою очередь, способствовало развитию института сделки о признании вины в странах Европы.

С усилением состязательных элементов в судебном разбирательстве Германии и других стран, а также в связи с увеличением числа экономических преступлений, расследование которых требует сложных доказательственных процедур, немецкие прокуроры все чаще стали предлагать подсудимым уступки в обмен на отказ от оспаривания вины. Дополнительным фактором, способствовавшим распространению данного механизма, стало возросшее процессуальное бремя на судебную систему. Впоследствии Германия официально закрепила институт сделки о признании вины в своем уголовно-процессуальном законодательстве. Аналогичный процесс наблюдался и в Италии, где механизм *plea bargain* также получил нормативное признание.

Несмотря на это, сделки о признании вины в континентальной Европе остаются значительно менее распространеными, чем в Великобритании и США. Так, немецкий исследователь Иоахим Германн указывает, что подобные соглашения заключаются лишь примерно в 20–30% случаев [33]. Кроме того, если в США дискуссия о правомерности сделок о признании вины фактически утратила актуальность, то в Германии этот вопрос по-прежнему остается предметом юридических споров.

Интересно отметить, что практика компромиссных соглашений между правонарушителями и государственными органами власти имеет глубокие исторические корни. Хотя подобные договоренности не являлись сделками о признании вины в их современном институциональном смысле, они тем не менее демонстрируют устойчивую тенденцию к взаимовыгодному компромиссу между государством и преступниками.

Одним из ярких примеров подобного взаимодействия является деятельность Эжена Франсуа Видока, основателя

Сюртэ (французской уголовной полиции) в XVIII веке. Видок, обладая преступным прошлым, сумел превратить накопленный в ходе заключения опыт и знания криминального мира в инструмент борьбы с преступностью. Ю. Торвальд описывает этот процесс следующим образом:

«В третий раз бежав из тюрьмы, десять лет он прожил в Париже. Но все эти годы бывшие сокамерники угрожали Видоку, что выдадут его властям. Возненавидев шантажистов, он сделал самый решительный шаг в своей жизни: отправился в префектуру полиции Парижа и предложил использовать для борьбы с преступностью приобретенный им за долгие годы заключения богатый опыт и знание уголовного мира. Взамен он просил избавить его от угрозы ареста за прежние дела. Было принято беспрецедентное решение: Видок возглавил борьбу с преступностью в Париже» [34, 35].

В 1723 году Галилео Галилей, один из величайших ученых своего времени, столкнулся с преследованием со стороны католической церкви за поддержку гелиоцентрической теории Николая Коперника и утверждение о том, что физический мир состоит из неделимых атомов. Конфликт между коперниканской космологией и католической теологией обострился до предела. В конечном итоге Галилей был вынужден публично заявить, что поддержал теорию Коперника по ошибке, и, с молчаливого согласия Папы, избежал судебного преследования по более серьезным обвинениям в ереси [36].

Спустя несколько веков, в конце 1990-х годов, сделки о признании вины стали доминирующим механизмом вынесения обвинительных приговоров в США. Согласно статистическим данным, в 94% случаев по делам, связанным с тяжкими преступлениями, рассмотренных в судах штатов, обвиняемые предпочли сделку о признании вины судебному разбирательству. Такая же тенденция наблюдалась в федеральных судах США, где 94% обвинительных приговоров выносились на основании соглашений о признании вины [37, 38].

По мнению Джона Лангбейна, известного критика данного института, широкомасштабное использование сделки о

признании вины привело к подрыву базового конституционного принципа, согласно которому каждое уголовное дело должно рассматриваться с участием присяжных заседателей. Исследователь утверждает, что эта норма Конституции США фактически превратилась в декларативное утверждение, лишенное реального содержания [39]. В результате, институт сделки о признании вины придал американской системе уголовного правосудия административный характер, превратив судебный процесс в инструмент процессуальной эффективности, а не гарантию справедливого разбирательства.

Попытаемся определить, насколько институт сделки о признании вины соответствует основным принципам вынесения приговоров в США, поскольку в противном случае его следует рассматривать не как полноценный правовой механизм, а как аномалию или деформацию установленного порядка уголовного судопроизводства.

Законодательным актом, принятым в 1984 году, в США была создана Комиссия по назначению наказаний. В ее обязанности входила разработка рекомендаций относительно судебного одобрения или отказа в заключении сделок о признании вины. Само наличие данного предписания на законодательном уровне подтверждает, что Конгресс США осознавал риск нарушения принципа равенства при вынесении приговоров, который мог возникнуть вследствие широкомасштабного использования данного механизма.

Тем не менее, в представленных в 1987 году «Руководящих принципах вынесения приговоров» Комиссия указала следующее:

«Комиссия решила, что эти первоначальные руководящие принципы в целом не должны затронуть текущей практики ведения переговоров о заключении сделок о признании вины и не повлекут значительных изменений... Комиссия будет собирать данные о практике заключения сделок и анализировать эту информацию... В свете этих данных и анализа, в случае необходимости, Комиссия будет стремиться к дальнейшему совершенствованию и регулированию процесса заключения соглашений о признании вины» [40].

Однако спустя более двадцати лет после этого заявления каких-либо значительных изменений в регулировании данного института не произошло. Таким образом, в настоящее время в уголовном судопроизводстве США отсутствуют существенные ограничения на использование механизма *plea bargain*, что делает его одним из ключевых элементов функционирования американской системы правосудия.

Одним из показательных примеров применения сделки о признании вины является дело об убийстве Трэвиса Кэмпбелла (Travis Campbell), который был застрелен на глазах своих малолетних детей двумя вооруженными преступниками в масках. Виновными в преступлении были признаны Кори Тарасофф (Cory Tarasoff) и Дин Крэйси (Dean Krasey), однако, заключив сделку о признании вины, они избежали максимально строгого наказания: Тарасофф был осужден на 12 лет лишения свободы за убийство второй степени, а Крэйси получил 10 лет по обвинению в непредумышленном убийстве [41]. Родственники погибшего были возмущены столь мягким приговором, однако именно такие реалии уголовного судопроизводства в условиях преобладания института *plea bargain*.

В современной американской системе уголовного правосудия наблюдается тенденция передачи полномочий по определению наказания от судов к прокурорам, что фактически дает последним широкую дискрецию в установлении меры наказания. Более того, действующие руководящие принципы вынесения приговоров формируют двойственную систему, которая, с одной стороны, предполагает суровые наказания, а с другой — предоставляет возможность заключения сделки о признании вины в обмен на смягчение приговора.

Этот механизм напоминает классическую психологическую тактику манипулирования, известную как «хороший полицейский — плохой полицейский» (*good cop, bad cop*). В данном случае Комиссия по назначению наказаний играет роль «кнута», угрожая обвиняемому высоким сроком наказания, в то время как прокурор, в роли «пряника», предлагает уменьшение срока или переквалификацию обвинения в

обмен на добровольное признание вины. В результате такая практика не только размывает принцип судебного контроля, но и фактически превращает процесс уголовного преследования в переговорную стратегию, в которой решающее значение имеют интересы обвинения, а не объективные обстоятельства дела.

Проведенные выше аналогии подчеркивают морально-этическую неоднозначность института сделки о признании вины (*plea bargain*) в уголовном судопроизводстве США. Данный механизм, по своей сути, предполагает замещение судебного разбирательства переговорным процессом, что вызывает дискуссии о его соответствии фундаментальным принципам правосудия.

Далее будет рассмотрен моральный аспект данной проблемы, однако уже на данном этапе можно сделать важный вывод: устранение фактора «устрашения» в виде жестких процессуальных угроз, которые создаются путем судебной практики вынесения приговоров, могло бы позволить имплементировать данный институт без сопутствующих негативных последствий. В таком случае вопросы моральной ущербности сделки о признании вины могли бы быть разрешены.

Некоторые исследователи указывают на этическую несостоятельность данного механизма, поскольку он отстраивает уголовное судопроизводство от задачи установления объективной истины. Так, профессор Джордж Фишер отмечает: «Нет ничего славного в заключении сделок о признании вины. Там, где ведется благородная битва за истину, сделка о признании вины предлагает опасный компромисс. Она может сыграть роль варварского вторжения в сферу правосудия и иметь такие же плачевые последствия, но, тем не менее, пока она побеждает» [42].

Однако данная точка зрения представляется довольно парадоксальной. Дело в том, что в странах континентального права ученые-правоведы единодушно признают, что установление объективной истины не является целью англо-саксонского уголовного процесса. Следовательно, связывать вопросы истины с моральной оценкой сделок о признании

вины в рамках данной системы представляется не совсем корректным.

В то же время нельзя не отметить, что институт *plea bargain* не воспринимается однозначно даже в пределах правовой системы США, а его социальная и морально-правовая предопределенность остается предметом дискуссий.

Одним из наиболее заметных примеров попыток отмены института сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве США является реформа, проведенная на Аляске в 1975 году. Спустя пятнадцать лет после введения запрета на заключение подобных соглашений Судебный совет Аляски представил оценку результатов реформы, согласно которой ожидаемые сбои в функционировании системы уголовного правосудия не произошли. Напротив, запрет на *plea bargain* способствовал повышению качества полицейских расследований и укреплению доказательной базы по уголовным делам [43].

Однако данная реформа привела к росту нагрузки на суды: за десятилетний период действия запрета количество судебных разбирательств увеличилось на 30%. В то же время абсолютное число уголовных дел, рассматриваемых в суде, оставалось относительно небольшим. Важным последствием реформы стало и существенное ужесточение наказаний по отдельным категориям преступлений, однако на общий уровень вынесенных приговоров запрет повлиял незначительно. В 1993 году официальный запрет на сделки о признании вины был отменен, и в настоящее время большинство обвиняемых по-прежнему предпочитают заключать подобные соглашения [44].

Попытки реформирования института *plea bargain* демонстрируют единое направление изменений - пересмотр роли суда в процессе заключения сделок. В этом контексте можно выделить различные подходы реформаторов. Одни выступают за значительное сокращение участия суда в переговорах о сделках, чтобы исключить влияние судебной власти на переговорный процесс. Другие, напротив, предлагают усилить судебный контроль над заключением сделок, чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны про-

куроров. Также предпринимаются попытки сгладить разницу в назначаемых наказаниях между теми подсудимыми, кто соглашается на сделку, и теми, кто настаивает на полномасштабном судебном разбирательстве.

Таким образом, несмотря на доминирующее положение сделок о признании вины в уголовном процессе США, дискуссия о необходимости их реформирования продолжает оставаться актуальной, поскольку затрагивает фундаментальные принципы правосудия и баланс процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве.

Ряд прокуратур штатов разработали внутренние руководящие принципы для регулирования переговоров о заключении сделок о признании вины, а также для контроля других дискреционных решений прокуроров. Основной целью этих мер было сужение диапазона прокурорского усмотрения и усиление надзора вышестоящих прокуратур за деятельностью подчиненных в данной сфере. Однако практика показывает, что количество факторов, влияющих на заключение сделок о признании вины, настолько велико и сложно, что универсальная модель совершенствования этого института до сих пор не выработана.

Многие руководящие принципы, включая документы Министерства юстиции США, были сформулированы настолько общо, что на практике обеспечивали лишь минимальные ограничения дискреционных полномочий прокуратуры [45]. Кроме того, даже когда предписания носили более конкретный характер, они нередко оказывались неэффективными при их применении.

Таким образом, в обозримом будущем институт сделки о признании вины сохранит ключевую роль в системе американского уголовного судопроизводства. В то же время, едва ли в уголовном процессе США существует другой правовой механизм, вызывающий столь масштабные и многоугранные дискуссии - от вопросов о самом праве его существования до дебатов о деталях его процессуального оформления. Следует отметить, что именно активное использование сделки о признании вины побудило американских юристов и законодателей к пересмотру фундаментальных вопросов.

сов уголовной политики. В частности, ведутся дискуссии о правомерности применения государственных стимулов, направленных на отказ граждан от реализации своих конституционных прав. Это свидетельствует о неоднозначности института *plea bargain* и необходимости его дальнейшего теоретического и практического осмысления.

1.2 Процессуальная форма сделки о признании вины (plea bargain) в уголовном судопроизводстве США

В начале анализа данного подраздела необходимо подчеркнуть, что повседневное функционирование института сделки о признании вины не может быть полностью и исчерпывающе отражено в рамках уголовного судопроизводства США. Это обусловлено спецификой прецедентной системы общего права, которая предполагает непрерывную эволюцию не только теоретических представлений о природе данного института, но прежде всего практики его применения.

Поскольку судебное правотворчество является фундаментальной основой англо-саксонской правовой системы, процессуальная форма сделки о признании вины подвергается постоянным изменениям. Эти трансформации обусловлены развитием судебной практики, а также воздействием новых правовых интерпретаций, что делает институт *plea bargain* динамичной и изменяющейся правовой конструкцией.

Следует отметить, что в современной отечественной, преимущественно русскоязычной, научной литературе, посвященной уголовному судопроизводству, отсутствуют обстоятельные исследования данного американского института. В большинстве случаев рассмотрение сделок о признании вины ограничивается фрагментарными сведениями, которые не основаны на комплексном анализе судебной практики США и не отражают полной картины функционирования данного механизма [46].

Однако даже среди американских юристов существует мнение, что не все специалисты в области уголовного процесса способны концептуально осмыслить правовую природу и разнообразие судебной и атторнейской практики, связанной с сделками о признании вины. Так, один из ведущих исследователей данного института Альберт Альшулер довольно иронично описывает сложившуюся ситуацию: «*Я был поражен, насколько люди, которые, казалось бы, долж-*

ны понимать эту тему, высказываются словно слепые, описывающие слона» [66, с. 691].

Этот вывод подчеркивает необходимость углубленного анализа процессуальной формы сделки о признании вины (*plea bargain*) в уголовном судопроизводстве США, особенно в контексте практики прокуроров (атторнеев) и судей. Несмотря на распространенное мнение, что сделка о признании вины преимущественно выгодна стороне обвинения, нельзя игнорировать аргумент Л. Уайнреба, который считает, что она выгодна и профессиональному защитнику-адвокату. На практике сделка заключается непосредственно между прокурором и защитником, при этом обвиняемый фактически отстранен от переговорного процесса. Обвинитель, как правило, даже не обсуждает сделку с самим обвиняемым, поскольку последний едва ли откажется от предложения о признании вины, если его адвокат убедит его в том, что это наилучший исход.

«Именно такой совет дает защитник, полагая, что проделал свою работу удовлетворительно. Если же обвиняемый отвергает предложение, защитник может снова обратиться к обвинителю, но условия сделки от этого вряд ли изменятся. И тот и другой знают, что, поразмыслив, обвиняемый, скорее всего, в конечном итоге согласится» [67].

Для виновного обвиняемого сделка о признании вины действительно может быть выгодной, поскольку она гарантирует более мягкий приговор, чем в случае судебного разбирательства. Однако даже невиновные лица зачастую вынуждены соглашаться на сделку, поскольку трудно предугадать, какие процессуальные стратегии и доказательные тактики использует сторона обвинения в стремлении добиться осуждения.

В результате механизм *plea bargain* создает ситуацию, в которой обвиняемые предпочитают признание вины не потому, что действительно совершили преступление, а из-за страха перед возможными последствиями судебного разбирательства. Такая система, как отмечают исследователи, прежде всего, на руку опытным и опасным преступникам, поскольку они умеют использовать сделки в своих интересах

и получать более мягкие наказания, несмотря на тяжесть совершенных преступлений [68].

В данном контексте следует привести позицию В.В. Хан, который впервые в отечественной уголовно-процессуальной науке подробно исследовал англо-саксонский уголовный процесс и институт сделки о признании вины. Ученый отмечает, что признание вины является предпочтительной целью для стороны обвинения, однако именно это делает данный механизм опасным с точки зрения возможных злоупотреблений.

Фактически, атторнейская служба США имеет прямую заинтересованность в добровольном признании вины обвиняемым и заключении сделки, поскольку это значительно упрощает процесс уголовного преследования. В этом случае обвинение освобождается от необходимости сбора доказательств, что экономит ресурсы прокуратуры и судебной системы. Именно поэтому в практике правосудия США активно применяются различные тактики, направленные на принуждение обвиняемого к заключению сделки.

Одним из наиболее распространенных методов давления является искусственное завышение обвинения со стороны прокурора. Так, обвинение может изначально предъявить более тяжкие статьи, чем позволяют реальные обстоятельства дела, с целью оказания давления на обвиняемого и вынуждения его признать вину [69, 70, 71].

Подобная практика получила официальное одобрение со стороны Верховного суда США, который не только признал завышение обвинения законным, но и допустил право прокурора угрожать предъявлением более тяжкого обвинения в том случае, если обвиняемый не соглашается на сделку.

Так, в деле «Боденкехер против Хэйза» (Bordenkircher v. Hayes, 1978) Верховный суд США постановил, что такое поведение прокурора не нарушает 14-ю Поправку к Конституции США, гарантирующую равную защиту закона. Суд мотивировал свое решение тем, что обвиняемый имеет право либо принять, либо отклонить предложение прокурора, а угрозы предъявить более тяжкое обвинение являются частью

законных полномочий прокурора, направленных на убеждение обвиняемого признать вину [72].

Суть дела «Боденкехер против Хэйза» (Bordenkircher v. Hayes, 1978) заключалась в следующем: Полу Льюису Хэйзу (Paul Lewis Hayes) было предъявлено обвинение в использовании поддельного документа, что по законам штата Кентукки каралось лишением свободы на срок от 2 до 10 лет [73].

После предъявления обвинения Хэйз, его адвокат и прокурор штата встретились в присутствии секретаря суда для обсуждения возможности заключения сделки о признании вины. В ходе переговоров прокурор предложил Хэйзу признать себя виновным, обещая в таком случае рекомендовать наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Однако прокурор также предупредил, что если Хэйз откажется от сделки и будет настаивать на судебном разбирательстве, то он представит дело перед большим жюри и потребует пожизненного заключения на основании закона о рецидиве, поскольку у Хэйза уже было две предыдущие судимости.

Хэйз отказался признавать вину, после чего прокурор реализовал свою угрозу, предъявил обвинение по более тяжкой статье, и в результате суд присяжных вынес Хэйзу пожизненный приговор [74].

Данное дело стало ключевым прецедентом, в котором Верховный суд США узаконил практику прокурорского давления в виде угрозы усиления обвинения в случае отказа от сделки. Суд постановил, что поскольку обвиняемый имел возможность либо принять, либо отклонить предложение, действия прокурора не нарушили 14-ю Поправку к Конституции США, гарантирующую равную защиту закона.

Вообще судебно-прецедентную основу института «plea bargain» составляют решения по следующим делам, в которых Верховный Суд США очертил фундаментальные условия заключения сделок о признании вины:

- Боденкехер против Хэйза (1978) [72].
- Соединенные штаты против Брейди (1970) [75].
- МакМэн против Ричардсона (1970) [76].
- Северная Каролина против Элфорда (1970) [77].

- Сантобелло против Нью-Йорка (1971) [78].
- Соединенные штаты против Джексона (1968) [79].
- Блэклидж против Пэрри (1974) [80].
- Бойкин против Алабамы (1969) [81].
- Годинез против Морана (1993) [82].
- Хендерсон против Моргана (1976) [83].
- Хилл против Локхарта (1985) [84].
- Холлэвэй против Арканзаса (1978) [85].
- Керчиваль против Соединенных Штатов (1927) [86].
- Лефковиц против Ньюсома (1975) [87].
- МакКарти против Соединенных Штатов (1969) [88].
- Мэнна против Нью-Йорка (1975) [89].
- Паркер против Северной Каролины (1970) [90].
- Рикетц против Адамсона (1987) [91].
- Соединенные Штаты против Хайда (1997) [92].
- Соединенные Штаты против Тиммерика (1979) [93].
- Толлет против Хендерсона (1973) [94].
- Соединенные Штаты против Броуса (1989) [95].
- Уайт против Мэриленда (1963) [96].

Решения Верховного суда США сыграли ключевую роль в формировании фундаментальных принципов применения института сделки о признании вины в практике судов и прокуратуры. Однако рамки настоящего исследования не позволяют рассмотреть все прецеденты, поэтому целесообразно проанализировать лишь некоторые из них.

Одним из наиболее значимых является дело «Сантобелло против Нью-Йорка» (Santobello v. New York, 1971), в котором Верховный суд США постановил, что обвиняемый, заключивший сделку о признании вины, имеет право требовать исполнения условий соглашения. В случае невыполнения условий сделки по вине стороны обвинения суд обязан принять меры по восстановлению справедливости [78].

Обстоятельства дела: В 1969 году обвиняемый Сантобелло был привлечен к ответственности за две фелонии первой степени, связанные с организацией азартных игр [97]. В ходе переговоров с помощником окружного прокурора он согласился отозвать свое первоначальное заявление об отказе от признания вины и признал себя виновным в фелонии

второй степени. В обмен прокурор обязался не давать суду рекомендаций по назначению наказания.

Однако рассмотрение дела затянулось на несколько месяцев, и к моменту судебного разбирательства в прокуратуре произошли кадровые изменения. Новый прокурор отказался учитывать ранее достигнутые договоренности и рекомендовал суду максимальное наказание, которое и было назначено.

Сантобелло и его адвокат обжаловали приговор, но его обоснованность была подтверждена в апелляционной инстанции.

Однако Верховный суд США отменил это решение, указав, что: «Сделка о признании вины налагает на стороны юридические обязательства, и если прокурор нарушает условия соглашения, обвиняемый должен получить право на судебную защиту».

Суд постановил, что дело должно быть возвращено на новое рассмотрение, при этом возможны два варианта:

1. Служение должно проводиться перед другим судьей с учетом первоначально заключенного соглашения.

2. Обвиняемому должно быть предоставлено право отозвать заявление о признании вины.

Данный прецедент закрепил принцип добросовестности при заключении сделки о признании вины и установил, что прокурорская служба обязана исполнять взятые на себя обязательства. Это решение послужило важным ограничением для стороны обвинения, исключив возможность манипуляций с условиями сделок и обеспечив дополнительные гарантии прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве США.

Мотивируя свое решение в деле «Сантобелло против Нью-Йорка», Верховный суд США подчеркнул значимость института сделки о признании вины для системы уголовного правосудия, отметив следующее: «Реализация уголовной ответственности на основании соглашения между прокурором и обвиняемым, называемая «сделкой о признании вины», является важнейшим компонентом системы отправления правосудия. Надлежащее соблюдение и применение этого института следует поощрять, так, как если бы каждое уго-

ловное обвинение проходило через полномасштабное судебное разбирательство, то штатам и федеральному правительству пришлось бы умножить в несколько раз количество судей и судебных помещений» [78].

В деле «Соединенные Штаты против Брэйди» (United States v. Brady, 1970) Верховный суд США постановил, что обвинительный приговор, вынесенный на основе добровольного и легитимного признания вины обвиняемым, не подлежит отмене, если при заключении сделки соблюдена процессуальная форма, установленная Правилом 11 Федеральных Правил уголовного процесса США [11, 75].

В 1959 году Роберт Брэйди (Robert M. Brady) был обвинен в похищении человека, преступлении, предусмотренном статьей 1201 Кодекса США о преступлениях и уголовном судопроизводстве [98]. Поскольку потерпевший не был освобожден невредимым и пострадал, обвинение настаивало на смертной казни, если дело будет рассмотрено судом присяжных.

Первоначально Брэйди и его адвокаты придерживались позиции невиновности и не предпринимали попыток заключить сделку о признании вины, несмотря на риск вынесения смертного приговора. Однако обстоятельства изменились, когда его соучастник согласился признать вину и заключить сделку с обвинением, что дало прокурору возможность использовать его в качестве свидетеля против Брэйди.

Узнав об этом, Брэйди изменил свою позицию и признал вину, чтобы избежать наказания в виде смертной казни. Судья дважды допрашивал его относительно добровольности участия в сделке, после чего заявление о признании вины было принято.

Верховный суд США подтвердил, что:

- Приговор, вынесенный на основе добровольного признания вины, не может быть оспорен, если процедура заключения сделки соответствовала требованиям закона.

- Угроза более сурового наказания, в том числе смертной казни, не делает признание вины недействительным, если оно осуществлено добровольно и осознанно.

- Если обвиняемый осознавал все последствия сделки и его право на судебное разбирательство, то отмена приговора не допускается.

Данное дело стало одним из важнейших прецедентов, подтвердивших законность сделок о признании вины в американской судебной системе. Оно также закрепило правило, согласно которому обвиняемый несет ответственность за свое решение признать вину, если суд убедился в его добровольности, осознанности и легитимности заключенного соглашения.

После заключения сделки Роберт Брэйди был приговорен к 50 годам тюремного заключения, однако позднее срок был сокращен до 30 лет.

В 1967 году Брэйди подал жалобу, утверждая, что его признание вины не было добровольным. Он заявлял, что на это его вынудило желание сократить срок наказания и добиться потенциального помилования. Кроме того, он утверждал, что судья не в полной мере соблюдал требования Правила 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства США.

Однако Верховный суд США не удовлетворил жалобу, поддержав позицию апелляционного суда. В своем решении суд указал, что:

- Брэйди изначально заявлял о своей невиновности, однако его решение признать вину не было результатом давления, угроз или обещаний со стороны обвинения;

- Он имел квалифицированную юридическую защиту и полностью осознавал возможные преимущества и недостатки отказа от судебного разбирательства в пользу сделки;

- Решение признать вину не носило импульсивного характера, поскольку Брэйди имел достаточно времени для его обдумывания;

- Судебное разбирательство проходило в открытом режиме, а судья точно соблюдал все процессуальные требования, предусмотренные законом.

Несмотря на то, что одним из факторов, повлиявших на решение Брэйди, было его стремление избежать смертного приговора, Верховный суд США пришел к выводу, что его

заявление о признании вины было сделано добровольно, осознанно и без нарушений процессуальных норм. В результате приговор был оставлен в силе, поскольку не было оснований сомневаться в том, что признание вины было правдивым и законным [75].

Этот прецедент стал одним из ключевых в развитии института сделки о признании вины в США. Верховный суд подтвердил, что:

1. Признание вины остается действительным, даже если обвиняемый пошел на сделку из страха перед более суровым наказанием;

2. Процессуальные гарантии, предусмотренные законом, обеспечивают справедливость сделки, если обвиняемый добровольно и осознанно принимает решение;

3. Сам факт стремления обвиняемого минимизировать свое наказание не является основанием для отмены приговора.

2 декабря 1963 года Генри Элфорд (Henry Alford) был обвинен в убийстве первой степени, за которое в соответствии с законами штата Северная Каролина предусматривалась смертная казнь. Суд назначил ему адвоката, который порекомендовал настаивать на невиновности, рассчитывая на показания свидетеля, который, по его мнению, мог подтвердить алиби Элфорда.

Однако в ходе судебного разбирательства свидетели не только не подтвердили версию защиты, но, напротив, дали показания, прямо уличающие Элфорда в совершении преступления. Оказавшись перед лицом неопровергимых доказательств и полным отсутствием аргументов в свою защиту, Элфорд получил рекомендацию от своего адвоката заключить сделку о признании вины, но окончательное решение осталось за ним.

Прокуратура предложила переквалифицировать обвинение в убийство второй степени в обмен на признание вины, что позволило бы избежать риска смертной казни. В результате 10 декабря 1963 года Элфорд согласился на сделку и признал себя виновным в менее тяжком преступлении.

Верховный суд США оставил в силе обвинительный приговор, установив, что:

- Признание вины в рамках сделки *plea bargain* остается действительным, даже если оно было мотивировано желанием избежать более сурового наказания;
- Сделка о признании вины может быть заключена обвиняемым, даже если он продолжает заявлять о своей невиновности;
- В данном случае обвиняемый осознавал все юридические последствия сделки, получал адвокатскую поддержку, и его признание не было вынужденным.

Этот прецедент внес важное уточнение в практику применения сделки о признании вины:

1. Закрепил так называемое «Признание Элфорда» (*Alford plea*) — ситуацию, при которой обвиняемый соглашается на сделку и признает вину, но при этом продолжает настаивать на своей невиновности;
2. Подтвердил, что давление со стороны обвинения, связанное с риском более сурового наказания, не делает признание вины недействительным;
3. Признал правомерность заключения сделки в условиях, когда у обвиняемого нет надежных доказательств своей невиновности, а представленные обвинением улики являются убедительными.

До того, как сделка о признании вины была окончательно утверждена судом первой инстанции, в судебном заседании под присягой были заслушаны показания:

- офицера полиции, который вел расследование дела,
- двух свидетелей, дававших показания против Элфорда.

Хотя не было очевидцев преступления, из их показаний следовало, что Элфорд незадолго до убийства взял из дома пистолет, открыто заявлял о намерении убить жертву, а после возвращения признался в совершении преступления.

Несмотря на это, в ходе судебного разбирательства Элфорд заявил, что не считает себя виновным, но соглашается с обвинением в убийстве второй степени с целью избежать смертной казни, предусмотренной за убийство первой степени.

Таким образом, в данном случае имело место соглашение по принципу «*nolo contendere*», при котором обвиняемый не признает себя виновным, но не оспаривает предъявленное обвинение.

Суд назначил Элфорду максимальное наказание за убийство второй степени - 30 лет лишения свободы.

После вынесения приговора Элфорд подал апелляцию, утверждая, что его согласие с обвинением было недействительным, поскольку было вынужденным и обусловленным страхом смертной казни. В 1965 году суд штата постановил, что признание было добровольным, поскольку оно было сделано по рекомендации компетентного адвоката и в условиях существенной доказательной базы против него. Однако Апелляционный суд принял иную позицию и признал, что признание вины не могло считаться добровольным, поскольку было продиктовано исключительно страхом перед смертной казнью.

Тем не менее, Верховный суд США отменил это решение и поддержал вывод о законности приговора.

Суд постановил, что:

- Элфорду были предоставлены все процессуальные гарантии для принятия обоснованного и осознанного решения;
- Признание вины остается действительным, даже если оно мотивировано непосредственным страхом перед более суровым наказанием;
- Процедура заключения сделки была проведена в строгом соответствии с законом, что делает приговор законным и обоснованным [77].

Закрепление «Признания Элфорда» (*Alford plea*) — возможности признания вины без фактического признания вины. Обвиняемый может заявить о своей невиновности, но при этом согласиться с обвинением ради смягчения наказания. Подтверждение правомерности сделок, мотивированных страхом перед более суровым приговором. Если обвиняемый осознает последствия и добровольно соглашается на сделку, она считается действительной. Закрепление дисcretionных полномочий судов при назначении наказания в рамках сделок о признании вины. Суд не обязан учитывать

продолжающиеся заявления обвиняемого о невиновности, если сделка была заключена с соблюдением процессуальных норм.

Приведенный анализ ключевых судебных прецедентов, которые определили и легализовали основные принципы применения сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве США, демонстрирует, что суды играют центральную роль в поддержке и защите этого института. Судебная практика не только закрепила механизм *plea bargain*, но и способствовала его институциональному развитию, что подтверждается последовательной позицией Верховного суда США.

Вместе с тем, рассмотренные дела опровергают утверждение о том, что сделки о признании вины заключаются без учета фактических обстоятельств дела. Судьи, как показывают прецеденты, достаточно тщательно исследуют доказательства, прежде чем утвердить сделку. Однако сами обвиняемые часто пытаются использовать процедуру сделки о признании вины в качестве основания для пересмотра решений, что объясняется упрощенным и ускоренным характером судебного разбирательства в рамках этого механизма.

Стоит также учитывать, что в судебной системе США существуют значительные гарантии добровольности, истинности и осознанности признания вины. Эти процессуальные гарантии обеспечивают защиту обвиняемого, минимизируя риск принуждения.

Таким образом, основные критические замечания ученых в отношении сделки о признании вины в американском уголовном правосудии должны быть направлены не столько на сам институт, сколько на систему назначения наказаний. Мы пришли к выводу, что в уголовном судопроизводстве США именно дискреционные полномочия судов при определении меры уголовного наказания вызывают больше нареканий, чем дискреция прокуроров при формулировании обвинений.

Следовательно, дальнейшее совершенствование института сделки о признании вины требует не столько реформы процессуального механизма, сколько пересмотра политики

уголовных наказаний, направленной на устранение возможных дисбалансов в уголовной юстиции.

Прокуроры (государственные атторнеи) играют ключевую роль в процессе заключения сделок о признании вины, однако их деятельность подвержена влиянию множества факторов.

Одним из основных стимулов для прокуроров является необходимость максимально увеличить количество заявлений о признании вины, что позволяет снизить нагрузку на систему уголовного правосудия и оптимизировать судебные процессы.

В сложных делах, где судебное разбирательство требует значительных ресурсов и времени, административные соображения заставляют прокуроров идти на серьезные уступки. Это особенно актуально в случаях, когда доказательная база не является безупречной или существует риск оправдательного приговора.

При ведении переговоров о сделке прокуроры опираются на состояние доказательств по делу. Как показывает практика, если доказательства являются слабым звеном обвинения, то обвинители действуют по принципу: «Лучше хоть что-нибудь, чем ничего».

В результате подсудимые, имеющие шанс на оправдательный приговор, получают наиболее выгодные условия сделки, тогда как обвиняемые с меньшей вероятностью доказать свою невиновность могут рассчитывать на менее значительные уступки.

Одной из наиболее спорных практик является эскалация предмета торга, в роли которого выступает юридическая квалификация деяния.

Когда доказательная база недостаточно сильна, прокуроры используют переговорный процесс как способ давления, чтобы добиться признания вины. В результате наибольшее давление испытывают те обвиняемые, которые потенциально могут быть невиновны, поскольку им приходится делать выбор между риском жесткого наказания и перспективой получения более мягкого приговора в результате сделки [99].

Как отмечалось ранее, главным мотивом прокуроров при заключении сделок о признании вины является оптимизация работы системы уголовного правосудия. Данный механизм позволяет разгрузить суды, уменьшить расходы на длительные судебные разбирательства и обеспечить прогнозируемость наказания.

Однако в некоторых случаях инициатива сделки исходит от прокурора по личным мотивам. В частности, прокурор может стремиться избежать трудоемкой подготовки к судебному процессу, предпочитая быстрое разрешение дела через сделку. Это подтверждает тезис о том, что в уголовном процессе США прокуроры обладают широкими дискреционными полномочиями, особенно при формулировании обвинения и определении условий сделки.

Аналогичный подход к расширенной дискреции прокурора прослеживается и в отечественном уголовном законодательстве, в частности в Казахстане.

Согласно УПК Республики Казахстан, прокурор наделен следующими полномочиями:

1. Начало или продолжение уголовного преследования даже при отсутствии жалобы потерпевшего в делах частного и частно-публичного обвинения (ч. 4 ст. 32 УПК РК);

2. Отзыв уголовного дела из суда и его прекращение по основаниям, предусмотренным ст. 35 УПК РК, до начала рассмотрения дела в суде;

3. Право предъявлять гражданские иски в интересах потерпевших или государства (ч. 2 ст. 58 УПК РК), в частности:

- в защиту потерпевшего, если он не способен самостоятельно подать иск по причине беспомощного состояния или зависимости от обвиняемого;

- в защиту интересов государства.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве как США, так и Казахстана прокурор наделен значительными дискреционными полномочиями, включая возможность определения хода судебного разбирательства.

В США, в рамках *plea bargain*, прокурор может фактически определять исход дела, выбирая наиболее удобную для

обвинения стратегию. В Казахстане прокурор также обладает широкими процессуальными правами, позволяющими начинать и прекращать уголовные дела, изменять объем обвинения и подавать гражданские иски в защиту государства или потерпевших.

В ходе судебного разбирательства прокурор может отказаться от обвинения полностью или частично, однако только при наличии внутреннего убеждения в его неподтвержденности.

Данная норма, однако, имеет декларативный характер, поскольку:

- Отсутствуют четкие критерии, определяющие, что именно считается «неподтвержденным обвинением».
- Отсутствуют правовые последствия и механизмы ответственности прокурора в случае, если он продолжает поддерживать обвинение, несмотря на очевидные доказательства его несостоинственности.

Таким образом, решение об отказе от обвинения остается на усмотрение прокурора, что создает возможности для субъективных трактовок и в отдельных случаях — для злоупотреблений.

Особый интерес представляет институт частичного отказа от обвинения и изменение его квалификации, поскольку именно эти механизмы наиболее близки к англо-саксонской сделке о признании вины (plea bargain).

В США, как показывают судебные прецеденты, прокурор может изменять обвинение в ходе сделки с целью добиться признания вины по менее тяжкому преступлению. В отечественном правосудии аналогичная практика возможна в случаях, когда:

- обвинение корректируется в сторону менее тяжкого состава преступления;
- происходит отказ от некоторых пунктов обвинения;
- обвиняемому предлагаются смягчающие условия при определенных обстоятельствах.

Несмотря на схожесть концепции, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве дискреция прокурора гораздо уже, чем в правовой системе США.

В США прокурор имеет фактически полное усмотрение в вопросах формулирования обвинения, его изменения и заключения сделки с обвиняемым.

В отечественном уголовном процессе полномочия прокурора более ограничены, что связано с более жестким судебным контролем и отсутствием аналогичного института сделки о признании вины.

Мы проанализировали специальный раздел, посвященный вопросам применения института *plea bargain* в своде правил, адресованном прокурорам и принятом Ассоциацией Окружных Прокуроров в г. Александрия (США, штат Вирджиния), который получил название «Национальные стандарты судебного преследования (обвинения)» ((ст.ст. 66-72) — далее Стандарты). В этом документе более адресно описана роль органов прокуратуры в процедуре сделки о признании вины. Согласно пункту 66.2 прокуратура при достижении соглашения о признании вины обвиняемым может согласиться с одним или несколькими решением по делу, в зависимости от обстоятельств:

- выступать или не выступать против определенных рекомендаций относительно приговора, который может быть вынесен, если обвиняемый признает свою вину;

- добиваться отказа или не выступать против отказа от предъявленного обвинения или обвинений, если обвиняемый признает свою вину относительно другого обвинения или обвинений, которые заявлены обвиняемого;

- добиваться отказа или не выступать против отказа от предъявленных обвинений или потенциальных обвинений против обвиняемого, если обвиняемый признает свою вину; или добиваться отказа или не выступать против отказа от предъявленных обвинений или потенциальных обвинений против обвиняемого, если обвиняемый по рекомендации своего адвоката, соглашается не предъявлять возможные гражданские иски против потерпевшего, свидетелей, правоохранительных органов и их сотрудников, или прокурора или его помощников и агентов.

Процесс заключения сделки о признании вины в уголовном судопроизводстве США представляет собой многофак-

торный механизм, требующий комплексного анализа обстоятельств дела и строгого соблюдения процессуальных норм. Согласно «Национальным стандартам судебного преследования», прокурор обязан организовать переговорный процесс в соответствии с установленными требованиями, учитывая ряд факторов, определяющих правомерность и целесообразность заключения сделки. В рамках подготовки к переговорам прокурор должен заранее назначить время и место их проведения, обеспечив личное присутствие сторон, так как дистанционный формат общения, например по телефону, не допускается. Это подчеркивает значимость непосредственного взаимодействия в процессе обсуждения условий сделки.

Перед заключением соглашения о признании вины прокуратура должна провести всесторонний анализ дела, опираясь на ключевые критерии. В первую очередь оцениваются характер и степень общественной опасности преступления, его правовая квалификация и возможные смягчающие обстоятельства. Важным аспектом является изучение персональных характеристик обвиняемого, включая его возраст, уровень образования, профессиональный статус, наличие судимостей, а также его психофизическое состояние в момент совершения преступления, во время ареста и в ходе переговорного процесса. Особое внимание уделяется анализу доказательной базы, поскольку заключение сделки возможно только в том случае, если прокуратура обладает достаточным объемом доказательств для поддержания обвинительного вердикта в суде.

Кроме того, принимаются во внимание социальные и экономические обстоятельства обвиняемого, степень важности сдерживающего фактора, направленного на предупреждение аналогичных преступлений в будущем, а также интересы государства, не связанные с предъявлением обвинения (например, возможное сотрудничество обвиняемого в расследовании других преступлений). Прокуратура также анализирует судебную практику по аналогичным преступлениям, возможность передачи дела в другую юрисдикцию и обязательства обвиняемого по реституции. Дополнительно

оценивается готовность обвиняемого отказаться от права на обжалование судебных действий, включая жалобы против потерпевшего, свидетелей, сотрудников правоохранительных органов или представителей обвинения.

Анализ приведенных положений свидетельствует о том, что процесс заключения сделки о признании вины в США регулируется строгими нормами, направленными на обеспечение законности и справедливости принимаемых решений. Переговорный процесс не является формальностью, он требует детальной оценки обстоятельств дела и личности обвиняемого. Запрещение дистанционных переговоров подчеркивает их критическую значимость в уголовном судопроизводстве. Важным аспектом сделки является возможность отказа обвиняемого от права на обжалование, что делает *plea bargain* не только инструментом правоприменения, но и механизмом процессуального контроля. Таким образом, институт сделки о признании вины в США выступает не просто средством процессуальной экономии, а сложной юридической конструкцией, регулируемой детальными процессуальными стандартами и предполагающей многоуровневую оценку всех обстоятельств дела.

В процессе рассмотрения возможности заключения сделки о признании вины прокуратура обязана тщательно анализировать характеристики свидетелей и потерпевших, а также учитывать специфические обстоятельства каждого конкретного дела.

При оценке достоверности и надежности свидетелей, прокуратура должна учитывать следующие факторы:

- Готовность и способность давать показания, включая возможное нежелание свидетельствовать по делу;
- Наличие физических или психических нарушений, которые могут повлиять на восприятие событий и точность показаний;
- Подтверждение личности свидетеля и степень доверия к нему со стороны суда и стороны обвинения;
- Степень связи свидетеля с обвиняемым, включая родственные или личные отношения, которые могут повлиять на объективность показаний;

- Наличие возможных незаконных мотивов у свидетеля, таких как личная заинтересованность, месть или конфликт интересов;

- Возраст свидетеля, что особенно важно в случаях участия несовершеннолетних;

- Риски и трудности, которые могут возникнуть у свидетеля после дачи показаний, в том числе возможные угрозы безопасности или давление со стороны обвиняемого.

При рассмотрении показаний потерпевшего, кроме вышеуказанных факторов, прокуратура должна дополнительно учитывать:

- Наличие и степень физических и эмоциональных нарушений, вызванных преступлением;

- Размер имущественного ущерба, нанесенного потерпевшему в результате преступных действий обвиняемого.

Прокуратура должна гарантировать, что каждое уголовное дело рассматривается на основе его индивидуальных фактов и доказательств, а не исключительно в рамках общей уголовной политики или предвзятых установок в отношении определенных категорий преступлений или обвиняемых.

Согласно «Национальным стандартам судебного следования», прокуратура при рассмотрении дела и возможном заключении сделки о признании вины должна учитывать роль полиции в процессе расследования, а также соблюдать установленные ограничения в своих действиях.

Прокуратура обязана изучить и принять к рассмотрению обстоятельства ареста обвиняемого, в том числе:

- Время и место ареста – соответствие процессуальным нормам и правомерность действий сотрудников полиции;

- Основания для ареста – был ли он произведен на основании ордера или в результате непосредственного задержания;

- Предшествующие попытки задержания – имели ли место многочисленные попытки разыскать обвиняемого;

- Явка с повинной – если обвиняемый добровольно прибыл в полицию, это может быть учтено при рассмотрении дела;

- Отношение офицера, проводившего арест – не имело ли место нарушение процессуальных норм, что могло бы повлиять на законность обвинения.

Дополнительно подчеркивается, что прокурор всегда должен учитывать возможность невиновности обвиняемого, что требует от прокуратуры непредвзятого и объективного подхода при заключении сделки.

Несмотря на широкие дискреционные полномочия, у прокуратуры существуют определенные ограничения, направленные на обеспечение справедливости судебного процесса:

- Запрещено давать гарантии относительно вынесенного приговора или возможности назначения условного наказания;

- Прокуратура может лишь информировать защиту о своей позиции в суде, включая возможное ходатайство о наказании, но не может определять окончательное решение суда;

- Изменение фактических обстоятельств может повлиять на позицию обвинения: если в ходе следствия появляются новые доказательства, прокуратура не несет ответственности за ранее сделанные заявления о предполагаемом наказании.

В случае, если прокуратура не может выполнить ранее согласованные условия сделки о признании вины, она обязана немедленно уведомить об этом обвиняемого. Кроме того, прокурор должен предпринять все возможные меры для освобождения обвиняемого от ранее принятых обязательств и восстановления его процессуального статуса, который существовал до заключения сделки.

Дополнительно подчеркивается, что прокурор не вправе ограничивать право потерпевшего и офицера, проводившего арест, делать заявления в суде в ходе обсуждения сделки или во время вынесения приговора, если они изъявят такое желание.

Согласно «Национальным стандартам судебного предследования» и Комментариям к статье 443 Унифицированных правил уголовного процесса США, судья может участвовать в обсуждении сделки о признании вины. Если сторо-

нам не удается достичь соглашения, они могут обратиться к судье, который вправе созвать согласительную встречу (*agreement conference*), в ходе которой:

- Судья может высказать свои соображения относительно условий соглашения.

- Потерпевшие могут участвовать в процессе по требованию судьи.

- Стороны обязаны учитывать замечания судьи, хотя окончательное решение остается за ними.

Таким образом, в США механизм *plea bargain* предполагает активное, но ограниченное участие судьи, что позволяет сторонам получить независимое мнение по сделке, но не нарушает принцип разделения полномочий между обвинением и судом.

В отличие от англо-саксонской модели, казахстанская уголовно-процессуальная система носит континентальный характер, что исключает возможность активного участия судьи в переговорах о сделке о признании вины.

Подход, при котором судья может непосредственно участвовать в переговорах между прокуратурой и защитой, может поставить под сомнение его нейтральность и объективность. В континентальной системе судопроизводства суд рассматривается как независимый арбитр, который оценивает законность и обоснованность доказательств, а не как сторона переговорного процесса.

Согласно «Национальным стандартам судебного следования», если прокуратура не может выполнить ранее согласованные условия сделки о признании вины, она обязана незамедлительно уведомить об этом обвиняемого и предпринять меры для восстановления его прав. В частности, прокурор должен:

- Сообщить обвиняемому о невозможности выполнения условий сделки;

- Предпринять шаги для освобождения обвиняемого от принятых им обязательств в рамках соглашения;

- Восстановить правовой статус обвиняемого, существовавший до заключения сделки.

Кроме того, прокурор обязан разъяснить, что он не ограничивает права потерпевшего и офицера полиции, проводившего арест, делать заявления в суде во время обсуждения сделки или приговора.

Согласно Унифицированным правилам уголовного процесса США, судья может участвовать в обсуждении сделки, если стороны не смогли достичь соглашения. В частности, статья 443 предусматривает возможность проведения согласительной встречи (*agreement conference*) по запросу сторон [100].

Основные аспекты участия суда в данном процессе:

- Судья может созвать согласительную встречу, если стороны не пришли к соглашению;
- По требованию судьи в переговорах могут участвовать потерпевшие;
- Судья вправе высказывать свои соображения по соглашению, которые стороны должны учитывать при формировании окончательной сделки.

Вопрос о возможном включении подобной модели в уголовно-процессуальное законодательство Казахстана требует отдельного анализа. Однако, с учетом континентальной правовой системы Казахстана, участие судьи в переговорах о сделке не представляется целесообразным.

Наша позиция основана на следующем:

1. Суд должен сохранять нейтралитет в уголовном процессе и не вмешиваться в процессуальные соглашения между сторонами;
2. Континентальная правовая система Казахстана предполагает, что судья выносит решения исключительно на основе представленных доказательств, а не участвует в их обсуждении с прокуратурой и защитой;
3. Вмешательство судьи в переговоры может создать конфликт интересов и поставить под сомнение его объективность при вынесении окончательного решения.

В условиях уголовного судопроизводства Республики Казахстан суд должен сохранять независимость и беспристрастность в процедуре заключения соглашений о признании вины. Непосредственное участие суда в данной процес-

дуре противоречит принципам отечественного уголовного процесса, так как неизбежно приведет к совмещению функций обвинения и направления правосудия.

Кроме того, если суд принимает активное участие в переговорах о сделке, возникает ситуация предрещения виновности обвиняемого до вынесения окончательного судебного решения. Это подрывает фундаментальный принцип презумпции невиновности и может исказить процесс доказательной оценки.

Для англо-саксонской модели правосудия характерна иная концепция судебного разбирательства, где суд зачастую принимает участие в процедуре заключения сделки о признании вины. Однако даже в этой системе судья не является обязательным элементом переговорного процесса, поскольку сама сделка заключается между прокуратурой и защитой без вмешательства суда.

Таким образом, если даже в англо-саксонском праве участие суды не всегда обязательно, то в континентальной системе Казахстана это тем более необоснованно.

Встает логичный вопрос: каковы аргументы в пользу участия суда в переговорах о сделке в условиях казахстанской уголовно-процессуальной системы, и какова его реальная роль в данном процессе?

На данный момент не существует убедительного ответа, который бы доказывал необходимость вмешательства суда на стадии договора между обвиняемым и прокуратурой. Суд должен оставаться независимым арбитром, который рассматривает доказательства в уже сформированном уголовном деле, а не участвует в его создании на этапе соглашения сторон.

Роль суда в процессе утверждения сделки о признании вины заключается в обеспечении законности и справедливости соглашения между сторонами. Хотя сам процесс переговоров между обвинением и защитой остается вне компетенции суда, в рамках общего порядка уголовного производства он играет ключевую роль в рассмотрении достигнутого соглашения и вынесении окончательного решения. Суд должен проверить, соответствует ли сделка интересам правосудия, и

принять независимое решение относительно приемлемости ее условий. Несмотря на достигнутую договоренность между сторонами, судья сохраняет полную независимость при рассмотрении вопроса об уступках по обвинению и приговору.

Согласно Стандартам и Правилу 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства США, суд может отложить или отказать в принятии сделки, если не располагает достаточными данными расследования или обнаруживает несоответствия, противоречащие общественным интересам. В случае отклонения сделки суд обязан разъяснить свое решение сторонам в судебном заседании, а обвиняемому предоставить возможность либо подтвердить намерение заключить соглашение на измененных условиях, либо отказаться от сделки и продолжить процесс в общем порядке.

Когда сделка становится основанием для вынесения обвинительного приговора, прокурор обязан оформить соглашение в письменном виде и зафиксировать его условия, обеспечив, чтобы обвиняемый осознанно и добровольно подтвердил свое согласие в суде. В процессе заключения сделки прокуратура обладает широкими дискреционными полномочиями, включая возможность предлагать условия соглашения и устанавливать сроки его заключения, что позволяет избежать длительной подготовки к рассмотрению дела в суде.

Эффективное разбирательство по уголовному делу является одним из ключевых факторов соблюдения государственных интересов, так как оно предполагает оперативность и экономичность уголовного преследования. В то же время, ни один нормативно-правовой акт США не обязывает прокуратуру проводить переговоры о сделке о признании вины, но предоставляет ей право инициировать и вступать в переговоры с целью достижения соответствующего соглашения.

Несмотря на это, практика *plea bargain* приобрела настолько широкое распространение, что некоторые обвиняемые воспринимают ее как обязательную процедуру со стороны обвинения. Так, в деле «США против Джона Басса»

ответчик утверждал, что отказ прокуратуры предложить ему сделку был обусловлен расовой дискриминацией [101]. Он аргументировал свою позицию тем, что представитель Генерального прокурора ранее упоминал статистические данные, согласно которым афроамериканцы составляют подавляющее большинство осужденных по делам, где предусмотрена смертная казнь. По мнению ответчика, именно это обстоятельство стало причиной отказа в предложении сделки.

Этот случай наглядно демонстрирует, что даже упоминание расовой принадлежности в негативном контексте может быть воспринято как дискриминационная практика, что создает дополнительные правовые риски при применении сделки о признании вины. Таким образом, несмотря на то что *plea bargain* остается правом, а не обязанностью стороны обвинения, в ряде случаев обвиняемые могут интерпретировать отказ от сделки как несправедливый или дискриминационный шаг, что требует особой осторожности при формулировании оснований для принятия или отклонения сделки.

Приведенные ответчиком доводы о дискриминации были легко опровергнуты стороной обвинения, поскольку, согласно статье 66-1 «Национальных стандартов судебного преследования», предложение о заключении сделки о признании вины является правом, а не обязанностью прокурора. Более того, сам характер предъявления обвинения в уголовном судопроизводстве США исключает возможность обязать прокурора учитывать пожелания обвиняемого относительно правовой квалификации деяния или пределов санкций.

Прокурор, выступая официальным представителем государства, обладает полной дискрецией в вопросах уголовного преследования, что делает его единственным уполномоченным лицом, имеющим право принимать процессуальные решения в каждом конкретном деле. Таким образом, отказ в предложении сделки не может рассматриваться как нарушение прав обвиняемого, поскольку он не обладает процессуальным правом требовать заключения сделки.

Тем не менее, в данном случае обвинение, вероятно, не проигнорировало доводы ответчика, поскольку вопросы ра-

совой дискриминации вызывают широкий общественный резонанс в США. Обвиняемые нередко используют фактор расовой принадлежности в качестве инструмента дискредитации действий государственных органов или иных инициаторов исковых требований.

Следует отметить, что перенос акцента уголовного разбирательства с предмета преступления на дискредитацию одной из сторон является существенной тенденцией в американском правосудии. Этот феномен можно объяснить идеализацией состязательности судебного процесса, когда ключевое значение приобретает не объективное установление истины, а сам исход процессуального противостояния между обвинением и защитой. В условиях такой модели правосудия целью сторон становится не столько достижение справедливости, сколько одержание процессуальной победы, что может приводить к смещению акцентов в судебных разбирательствах и использованию дополнительных тактических приемов, не всегда связанных с существом обвинения.

Основное значение признания вины в рамках уголовного судопроизводства США заключается в том, чтобы создать правовую основу для вынесения окончательного судебного решения по уголовному делу. После того как обвиняемый заявляет о признании вины, прокурор утрачивает право представлять дополнительные доказательства виновности подсудимого, что подчеркивает закрытый характер процедуры *plea bargain*.

Заявление о признании вины, как правило, включает обязательство обвиняемого отказаться от права на апелляционное обжалование действий и решений, направленных против полицейских, прокуроров и судей, а также отказ от оспаривания обстоятельств, которые могли бы стать предметом апелляции после вынесения приговора. Однако, несмотря на это, обвиняемый сохраняет возможность подачи апелляции по ограниченному кругу вопросов, в частности:

- По процедуре заключения сделки о признании вины, если были допущены нарушения;

- По событиям, произошедшим после заключения сделки, например, если при вынесении приговора были допущены процессуальные ошибки.

В большинстве случаев основания для апелляции жестко ограничены и сводятся к так называемым «конституционным нарушениям». В этом контексте Верховный суд США столкнулся с проблемой разграничения тех конституционных нарушений, которые могут быть предметом апелляции после сделки о признании вины.

Апелляционный суд США, в свою очередь, подтвердил право прокуратуры требовать в рамках сделки отказа от обжалования отдельных аспектов наказания. Это свидетельствует о том, что судебная система США отдает приоритет принципу окончательности судебного решения, вынесенного на основе *plea bargain*, и ограничивает возможности пересмотра дел после заключения соглашения. Таким образом, сделки о признании вины рассматриваются как средство процессуальной экономии, обеспечивающее стабильность приговоров и снижение нагрузки на судебную систему.

Наиболее распространенной альтернативой сделке о признании вины в уголовном судопроизводстве США является процедура *nolo contendere*. Она предоставляет подсудимому возможность принять правовые последствия обвинительного приговора, не признавая свою вину в совершении преступления. По своим последствиям *nolo contendere* во многом аналогична *plea bargain*: суд может предложить те же условия, а итоговое решение также считается осуждением.

Однако процедура *nolo contendere* имеет два важных отличия от сделки о признании вины:

- Запрет на использование результатов *nolo contendere* в гражданских делах – если подсудимый соглашается с обвинительным приговором по этой процедуре, данные обстоятельства не могут быть использованы против него в гражданском судопроизводстве как доказательство его виновности. Это особенно важно в случаях, когда преступление связано с потенциальными гражданскими исками, например, в делах о причинении вреда или финансовых махинациях.

- Сохранение публичного отрицания вины – несмотря на то что подсудимый принимает последствия осуждения, он не обязан признавать свою вину и может продолжать отрицать совершение преступления в публичном пространстве.

Отдельного изучения требует вопрос о статусе потерпевшего в процедуре заключения сделок о признании вины. В уголовном судопроизводстве США отсутствует отдельная правовая конструкция, закрепляющая процессуальный статус потерпевшего. В отличие от континентальных правовых систем, где потерпевший может иметь обособленный процессуальный статус, в США этот статус охватывается общим понятием «жертва преступления» (victim).

Анализ правоприменительной практики США позволяет сделать вывод о фактическом устраниении потерпевшего из процедуры заключения сделки о признании вины. Данный аспект неоднократно становился предметом обсуждения на уровне Министерства юстиции США, что подтверждается докладом Национального центра жертв преступлений, опубликованным в 1999 году в рамках Бюллетеня юридической серии [102]. В этом документе подчеркивается отсутствие централизованной и унифицированной практики участия потерпевших в судебных разбирательствах, связанных с заключением сделок о признании вины.

Тем не менее, в ряде случаев потерпевшие обладают ограниченными возможностями повлиять на процесс заключения сделки. Их участие, как правило, возможно на двух основных стадиях уголовного судопроизводства:

1. На этапе переговоров о сделке – потерпевший может консультироваться с прокурором, высказывая свое мнение о целесообразности заключения сделки.

2. На стадии утверждения сделки судом – потерпевший вправе обратиться к суду устно или в письменной форме до официального рассмотрения соглашения о признании вины.

Законодательство различных штатов по-разному регулирует объем процессуальных прав потерпевшего. В одних юрисдикциях ему предоставляется возможность выразить свою позицию на обеих стадиях рассмотрения сделки, в других – только на одной из них.

Большинство штатов предоставляет потерпевшим определенный уровень доступа к процессу заключения сделки о признании вины, однако степень их участия значительно варьируется в зависимости от юрисдикции.

При этом ни в одном штате право потерпевшего совещаться с обвинителем не интерпретируется как право определять судьбу уголовного преследования или накладывать вето на решения прокуратуры. Например, в штате Висконсин закон прямо указывает, что «обязанность совещаться... не ограничивает право окружного прокурора осуществлять свои полномочия по собственному усмотрению относительно любого преступного обвинения против ответчика» [103].

В рядах штатов участие потерпевшего сводится к простому уведомлению о заключенной сделке, без реальной возможности повлиять на ее условия [104-111]. В то же время, в штате Вермонт прокурор обязан не только информировать потерпевшего, но и консультироваться с ним на протяжении всего процесса переговоров [112].

По меньшей мере, в 22 штатах законодательство обязывает прокурора учитывать мнение потерпевшего при рассмотрении сделки [113-134]. Однако существуют различия в процессуальной форме их участия:

1. Некоторые штаты не определяют форму участия потерпевшего, предоставляя прокурору дискреционные полномочия в этом вопросе.

2. В других штатах предусмотрено обязательное документирование участия потерпевшего. Например, в штате Джорджия мнение потерпевшего должно быть приложено к материалам дела и может использоваться представителем обвинения на любой стадии слушаний по сделке о признании вины [118].

3. В Нью-Джерси потерпевший имеет право направить письменные рекомендации прокурору, выражая свое мнение относительно меры наказания, которую он считает справедливой [126].

Одной из моделей участия потерпевшего в процессе заключения сделки о признании вины является его косвенное

или опосредованное участие, когда прокурор представляет суду мнение потерпевшего по поводу сделки.

Например, в штате Миннесота, если потерпевший отсутствует в суде, прокурор обязан озвучить любые известные возражения потерпевшего перед судом [124]. В Аризоне и штате Мэн прокуроры обязаны сообщить суду мнение потерпевшего даже в случае его личного присутствия в судебном заседании [114, 122]. В Вашингтоне обвинитель должен предпринять разумные усилия для информирования потерпевшего о сути сделки и ее причинах, а также обеспечить ему возможность высказать возражения или комментарии [133].

Анализ законодательства и судебной практики США позволяет сделать вывод о высокой степени децентрализации и неоднородности применения сделок о признании вины в разных юрисдикциях. Отсутствие унифицированных стандартов и различия в подходах, как со стороны судов, так и со стороны прокуратуры, не позволяют сформировать целостную картину процессуальной формы данного института.

Однако для сравнительного правового исследования такая ситуация представляет особую ценность, поскольку она позволяет оценивать степень приемлемости различных элементов *plea bargain* для возможной адаптации в правовые системы стран континентального права.

В то же время, анализ американской уголовно-правовой системы подтверждает гибкость и адаптивность сделки о признании вины, что делает этот институт перспективным для имплементации в отечественное уголовное судопроизводство. Вопрос лишь в том, какие элементы процедуры могут быть заимствованы без ущерба для основополагающих принципов национального уголовного процесса.

2. СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН АЗИИ

2.1 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран восточной Азии

Современный уголовный процесс в странах Восточной Азии активно эволюционирует, ориентируясь как на традиционные правовые принципы, так и на инновационные подходы, заимствованные из западных правовых систем. Одним из таких новшеств являются соглашения о признании вины, которые представляют собой договорённости между обвиняемым и обвинением, направленные на упрощение судебного разбирательства и смягчение наказания в обмен на признание вины. Это явление, несмотря на свою относительную новизну, активно внедряется в уголовные процессы ряда стран региона, таких как Китай, Япония и Республика Корея, и вызывает интерес как с точки зрения правовой теории, так и с точки зрения практики.

Соглашения о признании вины (или сделки с правосудием) представляют собой юридический механизм, посредством которого обвиняемый признаёт свою вину в обмен на смягчение наказания или другие льготы. Данный процесс является важным инструментом, позволяющим разгрузить судебные органы и ускорить судебное разбирательство. В странах Восточной Азии использование таких соглашений стало популярным в последние десятилетия, что объясняется высоким уровнем загруженности судебных органов и желанием сократить время на рассмотрение уголовных дел.

В частности, в Китае концепция соглашений о признании вины была внедрена в рамках реформы уголовного судопроизводства в 2012 году [134]. В Японии такие соглашения получили распространение в последние годы благодаря законодательным инициативам, направленным на улучшение функционирования уголовной системы [135]. В Республике Корея сделка о признании вины была введена в судебную практику как средство ускорения расследования и судебного разбирательства [136].

Введение соглашений о признании вины в Китайской Народной Республике является частью более широких судебных реформ, инициированных в последние десятилетия с целью повышения эффективности и прозрачности судебного процесса. Эти реформы связаны с попыткой модернизировать и упростить уголовное судопроизводство, а также снизить нагрузку на судебные органы, которые сталкиваются с огромным числом уголовных дел.

Соглашения о признании вины в Китае регулируются рядом законодательных актов, в том числе Уголовно-процессуальным кодексом КНР, который был значительно реформирован в 2012 году. Соглашение о признании вины стало возможным благодаря изменениям, направленным на облегчение нагрузки на судебные органы, в частности, в рамках процесса правосудия в уголовных делах. Появление подобных механизмов частично объясняется желанием китайских властей улучшить эффективность правосудия, снижая количество судебных разбирательств, что в свою очередь позволяет ускорить процесс правосудия и снизить расходы на расследования и судебные процессы. Важно отметить, что в китайской системе уголовного судопроизводства прокуроры играют ключевую роль в процессе заключения таких сделок [137].

Соглашения о признании вины в Китае касаются тех обвиняемых, которые признают свою вину и согласны на смягчение наказания в обмен на сотрудничество с правосудием. Это касается, в частности, таких инструментов, как соглашения с прокурорами, направленные на уменьшение срока наказания за признание вины или за содействие расследованию преступлений. Кроме того, для обвиняемых, которые признают свою вину и оказывают содействие расследованию, возможно уменьшение наказания, если они предоставляют информацию о более крупных преступлениях, например, коррупционных схемах. Это связано с особенностями китайской правовой системы, где внимание уделяется борьбе с коррупцией, в частности среди государственных служащих. Признание вины и сотрудничество с правосудием

могут стать важными факторами для снижения наказания в таких случаях [138].

Соглашения о признании вины нацелены на упрощение процесса расследования и судебного разбирательства. Обычно такие сделки заключаются на стадии предварительного следствия, до того, как дело перейдёт в суд. В результате, обвиняемые могут получить более мягкое наказание, а судебные органы — ускорить процесс рассмотрения дела. Таким образом, сделка о признании вины помогает разгрузить судебную систему и повысить её эффективность.

Применение соглашений о признании вины в Китае имеет несколько ключевых преимуществ. Во-первых, это сокращение времени судебного разбирательства. В китайской судебной системе дела, в том числе уголовные, могут длиться долго из-за загруженности судов. Соглашения о признании вины позволяют ускорить процесс и снижать количество судебных заседаний, что важно в условиях перегруженности судов. Во-вторых, такие соглашения снижают нагрузку на судебную систему. Признание вины и сотрудничество обвиняемого с правосудием позволяют снизить потребность в проведении полноценного судебного разбирательства. В-третьих, соглашения о признании вины могут содействовать раскрытию тяжких преступлений, таких как коррупция, что является важным аспектом в борьбе с коррупцией в стране. Предоставление обвиняемыми информации о более высоко профильных преступлениях может быть вознаграждено смягчением наказания. В-четвёртых, соглашения могут снизить вероятность судебных ошибок, поскольку обвиняемые сознательно признают свою вину, что способствует более точному правосудию [139].

Однако использование соглашений о признании вины в Китае вызывает и ряд серьёзных критических замечаний. Во-первых, существует опасение, что в некоторых случаях обвиняемые могут быть вынуждены признать свою вину под давлением. Особенно это актуально в тех случаях, когда обвиняемые не полностью осведомлены о своих правах и последствиях признания вины. В некоторых ситуациях обвиняемые могут быть принуждены признать свою вину, чтобы

избежать более суровых наказаний, что приводит к нарушениям прав человека. Во-вторых, есть мнение, что такие соглашения могут привести к неправомерным признаниям. В китайской правовой системе, где долгие годы существовала практика "признания вины на допросах", обвиняемые могут быть подвергнуты давлению со стороны следователей, что увеличивает риск получения ложных признаний [140].

Кроме того, заключение соглашений о признании вины иногда сопровождается недостаточной прозрачностью. Сделки могут заключаться без должного контроля со стороны судов или общественности, что создаёт пространство для коррупции и манипуляций. В то время как процесс признания вины часто оформляется в виде официального соглашения, существует риск, что эти сделки могут быть заключены без должного соблюдения правовых норм. Также стоит отметить, что в некоторых случаях обвиняемые, заключающие соглашение о признании вины, могут быть лишены права на полноценную защиту, так как сделка заключается на стадии предварительного следствия, когда обвиняемый ещё не имеет возможности получить квалифицированную юридическую помощь [141].

Тем не менее, в китайской судебной системе продолжается активное внедрение соглашений о признании вины, несмотря на существующие проблемы. В перспективе ожидается, что эта практика будет развиваться, возможно с введением новых механизмов защиты прав обвиняемых, а также с повышением прозрачности в процессе заключения соглашений. Важно, чтобы дальнейшие реформы в области уголовного правосудия учитывали риски неправомерных признаний и обеспечивали баланс между эффективностью правосудия и соблюдением прав человека в рамках заключения таких сделок [142].

Соглашения о признании вины в Японии начали получать популярность в последние годы, что связано с попытками реформировать систему уголовного правосудия для повышения её эффективности и справедливости. Японская судебная система, которая исторически характеризовалась высокой степенью осуждения обвиняемых, долгое время не

использовала такие механизмы, как сделки о признании вины, которые широко распространены в западных правовых системах. Однако в последние годы было принято несколько законодательных актов, направленных на внедрение подобных механизмов в систему уголовного судопроизводства.

До 2018 года в Японии не было официально закреплённой практики соглашений о признании вины. Однако в 2018 году был принят новый закон, который разрешил использование сделок о признании вины в ограниченных случаях, что стало важным шагом в реформировании японской судебной системы. Суть реформы заключалась в том, чтобы предоставить возможность обвиняемым признать свою вину в обмен на смягчение наказания. Этот закон стал первым шагом к легализации и институционализации соглашений о признании вины в Японии [143].

Японская судебная система долгое время не использовала сделки о признании вины по двум основным причинам. Во-первых, в Японии традиционно считается, что правосудие должно быть абсолютно независимым и объективным, и любые механизмы, которые могут снизить прозрачность судебного разбирательства, воспринимались как угроза. Во-вторых, японская культура и правовая система ориентированы на строгое соблюдение норм и высокую степень ответственности каждого индивида, что делало использование сделок о признании вины менее приемлемым [144].

Тем не менее, в 2018 году японское правительство решило изменить этот подход, введя ограниченные и строго регламентированные условия для использования соглашений о признании вины. В соответствии с новым законодательством, такие соглашения могут быть использованы только в случаях, когда обвиняемый активно сотрудничает с правоохранительными органами и предоставляет существенные доказательства в рамках расследования. Это позволяет ускорить процесс расследования и судебного разбирательства, а также облегчить нагрузку на судебную систему [145].

Соглашения о признании вины в Японии были введены с целью улучшения функциональности судебной системы. Одним из основных преимуществ введения такой практики

является сокращение времени судебного разбирательства. Японская судебная система известна своим высоким уровнем осуждения, при этом большое количество дел остаётся нерешёнными из-за длительности судебных процессов. Использование соглашений о признании вины позволяет ускорить процесс, особенно в тех случаях, когда обвиняемый признаёт свою вину и готов к сотрудничеству с правоохранительными органами. Это помогает избежать долгих судебных процедур, ускоряя рассмотрение дела и снижая количество судебных заседаний [146].

Кроме того, соглашения о признании вины способствуют улучшению взаимодействия между обвиняемым и правосудием. В Японии, как и во многих других странах, судебная система перегружена, и количество дел в судах постоянно растёт. Введение соглашений о признании вины позволяет снизить нагрузку на суды и правоохранительные органы, ускоряя рассмотрение дел, а также даёт обвиняемому возможность получить смягчение наказания за сотрудничество с правоохранительными органами.

Одним из важных аспектов, который подчеркнули японские законодатели при внедрении соглашений о признании вины, является стимулирование обвиняемых к сотрудничеству с властями. В некоторых случаях это сотрудничество может включать предоставление информации о других преступлениях или участниках преступной деятельности. В таких ситуациях обвиняемый, предоставляя ценную информацию, может рассчитывать на более мягкое наказание, что служит дополнительным мотиватором для признания вины и сотрудничества с правосудием [147].

Несмотря на очевидные преимущества, практика соглашений о признании вины в Японии вызывает определённые опасения, особенно с точки зрения защиты прав обвиняемых. Чтобы избежать возможных злоупотреблений и обеспечить защиту прав обвиняемых, японское законодательство установило строгие ограничения на применение сделок о признании вины. Такие соглашения могут быть использованы только в ограниченных случаях, и они должны заклю-

чаться исключительно с участием квалифицированных юридических представителей обвиняемого [148].

Кроме того, японские законы требуют, чтобы сделки о признании вины заключались только в тех случаях, когда обвиняемый сознательно признаёт свою вину и активно сотрудничает с властями. Это позволяет минимизировать случаи, когда обвиняемые могут быть вынуждены признать вину под давлением или в результате манипуляций со стороны следствия. Правозащитники подчеркивают, что важным элементом защиты является наличие адвоката, который будет контролировать весь процесс заключения сделки и гарантировать, что обвиняемый не будет подвергнут давлению со стороны прокуроров или следователей [149].

Публичная дискуссия в Японии о применении соглашений о признании вины также фокусируется на вопросах этики. Некоторые критики считают, что использование таких сделок может привести к подрыву принципа правосудия, так как правосудие может быть воспринято как нечто, что можно «купить» через признание вины. В этом контексте важно, чтобы использование соглашений о признании вины не нарушало основные принципы прав человека, такие как право на справедливое судебное разбирательство и отсутствие принуждения к признанию вины [150].

Хотя соглашения о признании вины в Японии уже начали использоваться, их практика сталкивается с рядом проблем. Во-первых, в японской культуре традиционно существует сильный акцент на честности и личной ответственности, и некоторые общественные группы считают, что соглашения о признании вины могут негативно повлиять на восприятие правосудия. Это связано с опасением, что сделка о признании вины может привести к увеличению числа обвинений, которые не всегда обоснованы, и могут быть заключены по настоянию следственных органов.

Во-вторых, существует опасение, что в некоторых случаях сделка о признании вины может быть использована для давления на обвиняемых. Несмотря на существование строгих норм, защищающих права обвиняемых, существует риск, что некоторые обвиняемые могут быть вынуждены признать

вину, чтобы избежать более тяжёлых последствий, что ставит под вопрос соблюдение принципа добровольности.

Однако, несмотря на эти проблемы, использование соглашений о признании вины в Японии будет развиваться. Важно, чтобы правовая система продолжала совершенствовать механизмы защиты прав обвиняемых и внедряла дополнительные гарантии, которые позволят минимизировать риски неправомерных признаний и повысить эффективность судебного процесса.

Таким образом, соглашения о признании вины стали важной частью судебной системы Японии в последние годы, представляя собой инструмент для ускорения расследований и судебных разбирательств, а также для облегчения нагрузки на суды. Несмотря на потенциальные проблемы, такие как опасение давления на обвиняемых или подрыва принципа справедливости, законодательство Японии строго регулирует использование таких соглашений, что способствует защите прав обвиняемых. В дальнейшем, с учётом опыта других стран и особенностей японской культуры правосудия, практика соглашений о признании вины, вероятно, будет развиваться и адаптироваться к новым условиям.

В Республике Корея практика сделок о признании вины, известная также как соглашения о признании вины, начала развиваться в последние десятилетия в рамках реформы уголовного правосудия. В корейской системе уголовного правосудия, как и в других странах Восточной Азии, основное внимание уделяется обеспечению справедливости, однако в последние годы наблюдается тенденция к внедрению механизмов, которые позволяют ускорить судебный процесс и снизить нагрузку на судебную систему. Сделки о признании вины являются важной частью этих реформ, поскольку они позволяют сторонам достичь соглашения, минимизируя необходимость проведения долгих судебных разбирательств.

Применение сделок о признании вины в Республике Корее было официально разрешено в рамках реформы уголовного правосудия, проведенной в 2007 году. Согласно новым положениям, обвиняемые могут заключать соглашения с прокурором, признавая свою вину в обмен на смягчение

наказания или другие правовые льготы. Это изменение было обусловлено необходимостью сокращения времени судебных разбирательств, повышения эффективности уголовного правосудия и обеспечения более быстрого разрешения дел. Принятие Закона о процессуальных соглашениях в 2007 году позволило значительно изменить практику применения соглашений о признании вины, предоставив прокурорам и адвокатам возможность заключать такие сделки без обязательного участия суда. Этот закон стал важным шагом в развитии судебной практики, ориентированной на эффективность и снижение судебных издержек [151].

Практика сделок о признании вины в Корее предполагает, что обвиняемый признаёт свою вину в обмен на более мягкое наказание, что может включать сокращение срока заключения или перевод в более мягкие условия. При этом важно отметить, что прокуроры играют ключевую роль в процессе заключения таких сделок. Сотрудничество обвиняемого с прокуратурой может быть решающим фактором для заключения соглашения о признании вины и смягчения наказания. Также существует возможность использования сделок для содействия расследованию и раскрытию других преступлений, что, в свою очередь, может способствовать более существенному снижению наказания для обвиняемого [152].

Основным преимуществом использования сделок о признании вины является значительное сокращение времени судебного разбирательства. В Республике Корее, как и в других странах Восточной Азии, судебная система перегружена, и дела могут затягиваться на длительное время. Соглашения о признании вины позволяют ускорить процесс, поскольку обвиняемые, признавая свою вину, избавляют суды от необходимости проводить длительные расследования и слушания. Это значительно снижает нагрузку на суды, что особенно актуально в условиях высокой загруженности судей и прокуроров [153].

Кроме того, сделки о признании вины способствуют более точному правосудию, так как они дают обвиняемым возможность признать свою вину и избежать долгих судеб-

ных разбирательств, что способствует быстрому разрешению дела. В некоторых случаях сделки могут помочь раскрыть более серьёзные преступления, такие как коррупция, что также играет важную роль в усилении борьбы с преступностью в стране. При этом обвиняемые, сотрудничая с прокуратурой, могут получить более лёгкие условия содержания или более короткие сроки наказания в обмен на предоставление информации, которая имеет ценность для следствия [154].

Кроме того, сделки о признании вины играют важную роль в оптимизации судебной практики, снижая риски судебных ошибок и обеспечивая баланс между эффективностью правосудия и защитой прав обвиняемых. Это позволяет снизить количество дел, которые могут быть решены ошибочно, и предотвратить возможные злоупотребления в процессе обвинений [155].

Несмотря на очевидные преимущества, использование сделок о признании вины в Республике Корея вызывает ряд юридических и этических вопросов. Во-первых, важным моментом является защита прав обвиняемых. Заключение сделки о признании вины должно быть строго добровольным и происходит с полным осознанием всех последствий. Прокуроры и адвокаты должны тщательно объяснить обвиняемому все условия сделки, чтобы гарантировать, что обвиняемый не будет вынужден признать вину под давлением. В Корее особое внимание уделяется обеспечению того, чтобы обвиняемые не были лишены права на полноценную защиту, и чтобы их признание вины не было результатом принуждения или манипуляций со стороны следователей или прокуроров [156].

Другим важным аспектом является соблюдение принципа справедливости и недопущение возможных злоупотреблений со стороны прокуратуры. Важно, чтобы прокуроры не использовали сделки о признании вины для того, чтобы обвинить обвиняемого в более тяжких преступлениях, чем те, которые он действительно совершил. Сделки о признании вины должны быть прозрачными, и их заключение должно происходить с соблюдением всех правовых норм и с участии-

ем защитника обвиняемого. Проблема злоупотреблений может возникнуть в тех случаях, когда обвиняемый, не полностью осознавая своих прав, соглашается на сделку в надежде на более лёгкие условия, хотя на самом деле его права могут быть нарушены [157].

С точки зрения этики, практика сделок о признании вины также вызывает некоторые вопросы. Одна из главных проблем заключается в возможности злоупотреблений с целью снижения наказания. Некоторые критики утверждают, что использование сделок о признании вины может привести к ситуациям, когда обвиняемые признают свою вину не потому, что они действительно виновны, а чтобы избежать более строгого наказания или тяжёлых условий содержания. Это может привести к неправомерным признаниям и судебным ошибкам, что ставит под вопрос справедливость судебного процесса [158].

Практика сделок о признании вины в Республике Корея также должна учитывать вопросы справедливости и минимизации рисков для обвиняемых. Важно, чтобы обвиняемые могли оценить все последствия своего признания и имели возможность получить квалифицированную юридическую помощь на всех этапах заключения сделки.

Практика сделок о признании вины в Республике Корея продолжает развиваться. В будущем можно ожидать, что законодательство будет совершенствоваться, чтобы обеспечить большую прозрачность и защиту прав обвиняемых. Учитывая опыт других стран и внутренние потребности судебной системы, Республика Корея, вероятно, продолжит использовать сделки о признании вины как эффективный механизм для ускорения судебного процесса, при этом тщательно регулируя процесс для предотвращения возможных злоупотреблений и обеспечения правовой справедливости [159].

Можем подытожить, что в Республике Корея представляют собой важный инструмент уголовного правосудия, который способствует ускорению судебных разбирательств и снижению нагрузки на судебную систему. Практика сделок о признании вины позволяет обвиняемым получить более

мягкие условия наказания в обмен на признание своей вины и сотрудничество с правосудием. Однако важным моментом остается защита прав обвиняемых и предотвращение возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. В перспективе Республика Корея продолжит совершенствовать правовые механизмы, направленные на развитие практики сделок о признании вины, обеспечивая баланс между эффективностью правосудия и соблюдением прав человека.

Таким образом можно сделать общий вывод о том, что соглашения о признании вины стали важной частью уголовного процесса в странах Восточной Азии, таких как Китай, Япония и Республика Корея. Эти механизмы направлены на ускорение судебных разбирательств, снижение нагрузки на суды и повышение эффективности правосудия. Введение подобных соглашений позволило сократить длительность рассмотрения уголовных дел, минимизировать судебные издержки и облегчить процесс раскрытия более серьёзных преступлений, таких как коррупция.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, практика соглашений о признании вины сопровождается рядом юридических и этических вызовов. Среди основных проблем - риск давления на обвиняемых, возможность неправомерных признаний, недостаточная прозрачность сделок и потенциальные злоупотребления со стороны правоохранительных органов. Каждая из стран региона выработала собственные механизмы регулирования этой практики, стремясь найти баланс между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением прав обвиняемых.

В перспективе можно ожидать дальнейшего развития института соглашений о признании вины, в том числе совершенствования механизмов защиты прав обвиняемых, повышения прозрачности сделок и внедрения дополнительных гарантий справедливости судебного процесса. Это позволит странам Восточной Азии укрепить доверие общества к системе уголовного правосудия, сохранив её эффективность и справедливость.

2.2 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран центральной Азии

Соглашения о признании вины, или сделки с правосудием, являются важной составляющей современных уголовных процессов во многих странах мира. Эти механизмы, позволяющие обвиняемому признать свою вину в обмен на смягчение наказания, становятся всё более популярными, включая в страны Центральной Азии. В последние десятилетия, с развитием правовых систем стран этого региона, сделки о признании вины начали применяться как средство повышения эффективности правосудия, ускорения судебных разбирательств и снижения нагрузки на судебную систему. При этом каждое государство Центральной Азии, включая Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию и Таджикистан, имеет свою специфику в применении таких соглашений, отражающую как национальные правовые традиции, так и особенности развития правового государства.

В уголовном процессе Республики Казахстан институт процессуальных соглашений о признании вины (сделок о признании вины) является относительно новым механизмом, введённым в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства, сокращения сроков рассмотрения дел и снижения нагрузки на судебную систему. Данный механизм закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (УПК РК) и позволяет обвиняемому признать свою вину в обмен на смягчение наказания или применение особого порядка рассмотрения дела. Однако, несмотря на свою практическую пользу, данный инструмент требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, поскольку он затрагивает основные права обвиняемого [160].

Согласно казахстанскому законодательству, соглашение о признании вины может быть заключено между обвиняемым и прокурором, но подлежит обязательному утверждению судом. Во-первых, сделка возможна только в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, а также отдельных категорий тяжких преступлений, при этом её заключение недопустимо в случаях особо тяжких преступле-

ний. Во-вторых, обязательным условием является добровольное признание вины обвиняемым, а также его согласие с назначенным наказанием. В-третьих, участие защитника обязательно на всех этапах заключения соглашения, что обеспечивает соблюдение прав обвиняемого и исключает давление со стороны следствия или прокуратуры. В-четвёртых, суд проверяет законность и обоснованность заключённого соглашения, а также соответствие назначенного наказания принципам справедливости [161].

Система процессуальных соглашений в Казахстане основана на нескольких ключевых принципах, обеспечивающих баланс между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением прав обвиняемого.

Добровольность заключается в том, что обвиняемый принимает осознанное решение о признании вины и заключении сделки, без какого-либо принуждения со стороны следственных органов или прокуратуры. Важным аспектом этого принципа является право обвиняемого отказаться от заключения соглашения на любом этапе, а также наличие достаточного времени для оценки всех правовых последствий.

Судебный контроль играет центральную роль в системе процессуальных соглашений. Суд обязан проверить не только законность и обоснованность заключённого соглашения, но и соответствие назначенного наказания принципу справедливости. Суд также оценивает, не было ли оказано давление на обвиняемого при заключении сделки, и вправе отказать в её утверждении, если выявит нарушения процессуальных гарантий.

Ограниченнность применения означает, что процессуальные соглашения могут заключаться только по определённым категориям преступлений, которые не представляют особой общественной опасности. В Казахстане сделки о признании вины применяются в делах о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также в отдельных случаях тяжких преступлений, если они не связаны с насилием или угрозой национальной безопасности. Таким образом, законодатель исключает возможность злоупотребления механизмом со-

глашений в ситуациях, где смягчение наказания недопустимо.

Обязательное участие защитника является гарантией того, что обвиняемый получает полную правовую информацию о последствиях заключаемого соглашения. Адвокат обязан разъяснить клиенту все условия сделки, возможные альтернативы, а также убедиться, что обвиняемый не подписывает соглашение под давлением или в ущерб своим интересам. Это особенно важно в случаях, когда обвиняемый не обладает достаточными юридическими знаниями и может ошибочно полагать, что сделка является единственным выходом [162].

Как участник международных договоров о защите прав человека, Казахстан обязан соблюдать требования статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека, обеспечивающей право каждого обвиняемого на справедливый суд. Данная статья устанавливает, что любое лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, имеет право на независимое и беспристрастное разбирательство, включая возможность представления своей защиты, доступ к адвокату и защиту от принуждения к признанию вины. Применительно к процессуальным соглашениям это означает, что любая сделка о признании вины должна быть заключена добровольно, в условиях процессуальной защиты и под судебным контролем [163].

Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по вопросам процессуальных соглашений подтверждает, что их использование допустимо только при наличии чётких процессуальных гарантий. В своих решениях Суд подчёркивает, что процессуальные соглашения не должны становиться инструментом принуждения обвиняемого к признанию вины под давлением со стороны правоохранительных органов. Например, в деле *Natsvlishvili and Togonidze v. Georgia* (2014) Суд указал, что отказ от права на полноценный судопроизводственный процесс должен быть сознательным, добровольным и сопровождаться адекватной правовой помощью. Таким образом, в международной практике ключевыми критериями законности процессуальных согла-

шений являются добровольность, наличие эффективной защиты и судебный контроль [164].

В Казахстане эти стандарты реализуются через установленные законодательством процедуры проверки и утверждения процессуальных соглашений судом. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан, суд не может автоматически утверждать заключённое соглашение о признании вины, а обязан проверить его на соответствие принципам законности и справедливости. В частности, суд должен удостовериться, что:

- обвиняемый осознаёт последствия заключаемого соглашения, включая юридические последствия признания вины;
- сделка заключена добровольно, без принуждения со стороны органов следствия и прокуратуры;
- участие защитника обеспечено на всех этапах, и обвиняемый имел возможность проконсультироваться с адвокатом;
- назначенное наказание соответствует принципу соразмерности и не является чрезмерно мягким или, наоборот, несправедливо строгим [160].

Верховный Суд Республики Казахстан играет важную роль в развитии судебной практики, связанной с процессуальными соглашениями, разъясняя их применение и устанавливая судебные стандарты. В одном из своих постановлений Суд указал, что судебное утверждение процессуального соглашения не должно быть формальным. Суды обязаны проверять не только соответствие заключённого соглашения формальным требованиям, но и его справедливость и добровольность. Это означает, что суд должен удостовериться, что обвиняемый действительно понимает юридические последствия сделки, осознаёт возможные альтернативы и что его решение не было вынужденным или обусловленным давлением со стороны следствия [165].

Кроме того, Верховный Суд отметил, что если в ходе судебного разбирательства возникают сомнения в добровольности или обоснованности соглашения, суд вправе отказать в его утверждении и назначить полноценное судебное

разбирательство. Этот подход направлен на предотвращение возможных злоупотреблений со стороны органов следствия и прокуратуры, а также на обеспечение того, чтобы процессуальные соглашения соответствовали принципу справедливости.

На практике процессуальные соглашения в Казахстане чаще всего заключаются по делам, связанным с экономическими преступлениями, коррупцией, мошенничеством, налоговыми правонарушениями и другими преступлениями, не сопряжёнными с насильственными действиями. В таких случаях механизм соглашений позволяет сократить сроки расследования и судебного разбирательства, что особенно важно в условиях высокой загруженности судов и значительного объёма уголовных дел экономической направленности.

Использование процессуальных соглашений в этой категории преступлений также связано с возможностью возмещения ущерба государству или пострадавшей стороне, что является одним из приоритетов уголовной политики Казахстана. В ряде случаев заключение сделки о признании вины сопровождается обязанностью обвиняемого полностью или частично компенсировать причинённый ущерб, что делает данный механизм эффективным инструментом для возврата похищенных или неправомерно использованных денежных средств в бюджет.

В то же время в отношении тяжких преступлений, преступлений против личности, а также преступлений против государственной безопасности процессуальные соглашения не применяются. Такой подход обусловлен принципиальной позицией казахстанского законодательства, направленной на недопустимость смягчения наказания за особо опасные деяния, включая убийства, терроризм, насильственные преступления, преступления против половой неприкосновенности и преступления, угрожающие основам государственного устройства.

Жёсткие ограничения на использование процессуальных соглашений в таких делах отражают требования уголовной политики Казахстана, ориентированной на защиту обще-

ственных интересов и прав потерпевших. Это также соглашается с международными стандартами, согласно которым сделки о признании вины могут использоваться только в тех случаях, когда они не противоречат основным принципам справедливости и законности.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, этот механизм подвергается критике со стороны правоохранительных организаций, которые указывают на ряд серьёзных рисков, связанных с его применением. Одной из ключевых проблем является возможность злоупотреблений со стороны органов следствия и прокуратуры, что может выражаться в оказании давления на обвиняемого с целью получения признательных показаний. В условиях, когда лицо сталкивается с перспективой долгого судебного разбирательства, следственные органы могут использовать процессуальные соглашения как инструмент для принуждения к признанию вины, даже если у обвиняемого есть основания оспаривать предъявленные обвинения.

Кроме того, существует риск, что обвиняемые соглашаются на сделку, не осознавая всех правовых последствий. В ряде случаев лица, находящиеся под следствием, могут недостаточно понимать последствия процессуального соглашения, особенно если оно заключается в условиях давления со стороны правоохранительных органов. Это может быть связано как с низким уровнем правовой грамотности, так и с тем, что защитники не всегда в полной мере разъясняют своим подзащитным возможные альтернативы соглашению. В результате обвиняемые могут подписывать сделки, которые не в полной мере соответствуют их интересам, руководствуясь ошибочными представлениями о выгоде от сокращения срока наказания.

Другой проблемой является ограниченный судебный контроль за процессом заключения соглашений, что может привести к злоупотреблениям со стороны органов уголовного преследования. В Казахстане суды зачастую ограничиваются формальной проверкой соглашения без глубокой оценки обстоятельств дела, что снижает эффективность судебного надзора и может привести к утверждению процессуаль-

ных соглашений, заключённых с нарушением прав обвиняемого.

Критике подвергается и недостаточная прозрачность процедуры заключения сделок. На практике в Казахстане отсутствует единообразный механизм публикации статистических данных по процессуальным соглашениям, что затрудняет анализ эффективности данного инструмента. Кроме того, правозащитники указывают на необходимость обеспечения более детализированной отчётности со стороны прокуратуры и судов о применении процессуальных соглашений, чтобы предотвратить их использование в ущерб принципу справедливости.

В ответ на эти вызовы Генеральная прокуратура Республики Казахстан и Министерство юстиции инициировали ряд реформ, направленных на устранение указанных проблем. В частности, обсуждаются инициативы по усилению судебного контроля за процессуальными соглашениями, предусматривающие необходимость тщательной проверки судом всех обстоятельств заключённой сделки, а не только формальной её соответствия требованиям закона. Кроме того, рассматриваются меры по повышению прозрачности процесса заключения сделок, включая введение обязательной публикации статистических данных о количестве заключённых соглашений, категориях преступлений и итогах рассмотрения судом таких дел.

Одним из ключевых направлений реформ является также усиление процессуальных гарантий обвиняемых, включая расширение их прав при заключении процессуального соглашения. Это может включать в себя дополнительное время на обдумывание условий сделки, обязательное разъяснение всех последствий соглашения в письменной форме, а также запрет на использование соглашения о признании вины в качестве основного метода уголовного преследования в делах, где доказательственная база недостаточна.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Казахстане являются важным инструментом уголовного судопроизводства, способствующим ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их

применение требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, включая добровольность признания, участие защитника и судебный контроль. В целом казахстанская модель процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

В последние годы правовая система Узбекистана претерпела масштабные реформы, направленные на повышение эффективности уголовного судопроизводства, ускорение судебных разбирательств и снижение нагрузки на суды. Одним из ключевых направлений этих реформ стало внедрение института соглашений о признании вины, который был официально закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – УПК РУз) в 2019 году [160]. Введение данного механизма позволило упростить уголовные процессы, предоставив обвиняемым возможность получить более мягкое наказание в обмен на признание вины и сотрудничество со следствием.

Соглашение о признании вины в Узбекистане представляет собой процессуальное соглашение, заключаемое между обвиняемым (его защитником) и прокурором на стадии досудебного расследования либо в ходе судебного разбирательства. Основная цель такого соглашения заключается в снижении нагрузки на судебную систему и обеспечении быстрого и эффективного вынесения приговоров. В соответствии с нормами УПК РУз сделка о признании вины возможна только при наличии достаточных доказательств, подтверждающих обоснованность предъявленного обвинения [166].

Соглашение может быть заключено исключительно при соблюдении нескольких ключевых условий. Во-первых, признание вины должно быть добровольным, что означает, что обвиняемый не должен подвергаться давлению со стороны следственных органов. Любое принуждение к заключению сделки является нарушением его прав и влечёт признание соглашения недействительным. Во-вторых, прокурор обязан убедиться, что имеются достаточные доказательства совер-

шённого преступления. Заключение сделки не может основываться только на признании вины обвиняемого; необходимо, чтобы в материалах дела были собраны объективные доказательства, подтверждающие его причастность к преступлению. В-третьих, участие адвоката в процессе заключения сделки является обязательным требованием. Защитник должен разъяснить обвиняемому все правовые последствия заключаемого соглашения, включая ограничения на апелляционное обжалование приговора и возможные риски отказа от сделки. В-четвёртых, заключение соглашения возможно только по преступлениям средней и небольшой тяжести, за которые закон допускает возможность смягчения наказания. В случаях тяжких преступлений сделка может быть заключена только в исключительных ситуациях, например, если обвиняемый предоставляет следствию важные сведения о более серьёзных преступлениях. В-пятых, существует категорический запрет на сделки по делам об особо тяжких преступлениях, таких как терроризм, убийства при отягчающих обстоятельствах, государственная измена и коррупция в особо крупных размерах. Эти ограничения направлены на обеспечение принципов справедливости и недопущение злоупотреблений при применении данного института [167].

Процедура заключения сделки о признании вины включает несколько последовательных этапов. В первую очередь, соглашение может быть инициировано либо обвиняемым (через его защитника), либо прокурором. Если обвиняемый выражает желание заключить сделку, его адвокат подаёт соответствующее ходатайство в прокуратуру, после чего прокурор рассматривает возможность применения процессуального соглашения с учётом характера преступления и доказательной базы [168]. Далее стороны проводят переговоры, в ходе которых обсуждаются условия сделки, включая признание обвиняемым своей вины, вид и размер наказания, а также возможные смягчающие обстоятельства, такие как сотрудничество со следствием и предоставление сведений о других преступлениях [169]. После согласования условий сделки она направляется на утверждение прокурором, который обязан проверить её соответствие закону и убедиться в

соблюдении прав обвиняемого. В случае выявления нарушений прокурор вправе отказать в утверждении соглашения или потребовать его корректировки [170].

Следующим этапом является подписание соглашения сторонами. В документе фиксируются все условия сделки, включая обстоятельства преступления, признание вины, характер и размер наказания, а также ограничения на обжалование приговора [171]. После подписания документ передаётся в суд, где проходит процедура его судебного рассмотрения. Судья проверяет законность соглашения, оценивает достаточность доказательств и убеждается в том, что обвиняемый заключил сделку добровольно, осознавая все её последствия. Если суд выявляет, что соглашение было заключено с нарушением прав обвиняемого или не соответствует принципам справедливости, он вправе отклонить сделку и направить дело на стандартное судебное разбирательство [172].

В случае одобрения соглашения суд выносит приговор, который учитывает условия сделки. Как правило, приговор предусматривает более мягкое наказание, чем то, которое могло бы быть назначено в случае полного судебного разбирательства. Однако если обвиняемый нарушает условия сделки (например, уклоняется от обязательств перед следствием), суд может отменить соглашение и пересмотреть наказание в сторону его ужесточения [173].

Использование сделок о признании вины в Узбекистане имеет ряд существенных преимуществ. Прежде всего, это позволяет значительно разгрузить судебную систему, так как рассмотрение дел по процессуальному соглашению происходит быстрее и требует меньше судебных ресурсов [174]. Также этот механизм способствует экономии времени и государственных средств, так как избегаются затраты на проведение длительных судебных разбирательств [175]. Дополнительным преимуществом является возможность смягчения наказания для обвиняемых, которые соглашаются на сотрудничество со следствием и оказывают содействие в раскрытии преступлений [176]. Введение этого механизма также стимулирует обвиняемых к предоставлению информации,

что способствует улучшению раскрываемости преступлений и эффективности работы правоохранительных органов [177].

Однако практика применения сделок о признании вины в Узбекистане сопровождается и рядом проблем. Одним из основных рисков является давление на обвиняемых со стороны следственных органов, когда в целях быстрого закрытия дела следствие может склонять обвиняемого к признанию вины, даже если он не совершил преступления [178]. Кроме того, заключение соглашения ограничивает возможность обжалования приговора, что может привести к судебным ошибкам и несправедливым приговорам [179]. Также существует риск коррупционных схем, когда сделки используются в интересах следственных органов, что может подорвать доверие общества к правосудию [180].

Таким образом, институт соглашений о признании вины в Узбекистане является важным инструментом модернизации уголовного процесса, который позволяет ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на судебную систему. Однако для его эффективного функционирования необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, усиление защиты прав обвиняемых и внедрение механизмов судебного контроля, позволяющих минимизировать риски злоупотреблений.

Правовая система Туркменистана долгое время оставалась одной из наиболее закрытых в регионе, а уголовное судопроизводство ориентировалось на строгий государственный контроль, исключая возможность процессуальных соглашений. Однако в последние годы, в рамках модернизации судебной системы и адаптации к международным стандартам, началось постепенное внедрение альтернативных процедур, включая сделки о признании вины. Несмотря на это, законодательство страны остаётся консервативным, а использование соглашений о признании вины регулируется жёсткими процессуальными рамками [181].

Внедрение данного механизма началось с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана в 2012 году, который впервые включил нормы, допускающие возможность ускоренного рассмотрения уголовных дел при

признании вины обвиняемым [182]. Однако на практике этот механизм пока применяется редко и ограничивается преступлениями небольшой и средней тяжести. В соответствии с положениями УПК Тм, соглашение о признании вины может быть заключено между обвиняемым (его защитником) и прокурором в рамках досудебного расследования или на этапе судебного разбирательства. Основной целью сделки является снижение нагрузки на суды и правоохранительные органы, ускорение рассмотрения уголовных дел, а также поощрение сотрудничества обвиняемых со следствием [183].

Для заключения сделки о признании вины в Туркменистане необходимо соблюдение ряда условий. Во-первых, обвиняемый должен осознанно признать свою вину, понимая все правовые последствия. Любое принуждение к заключению сделки запрещено, а соглашение, достигнутое под давлением, может быть признано недействительным [184]. Во-вторых, прокурор обязан убедиться, что имеются достаточные доказательства вины обвиняемого, поскольку заключение сделки не должно заменять полноценное расследование [185]. В-третьих, обязательным является участие адвоката, который разъясняет своему подзащитному последствия соглашения и защищает его права в ходе переговоров [6]. В-четвёртых, сделки допускаются только по преступлениям небольшой и средней тяжести, в отношении которых возможны альтернативные виды наказания, такие как исправительные работы или условное осуждение [187]. В-пятых, процессуальные соглашения не применяются в отношении особо тяжких преступлений, включая терроризм, убийства при отягчающих обстоятельствах, коррупционные преступления в крупных размерах и преступления против государства [188].

Процедура заключения сделки о признании вины в Туркменистане проходит несколько этапов. На первом этапе ходатайство о заключении соглашения может исходить как от обвиняемого (через его защитника), так и от прокурора. Прокурор рассматривает заявление с учётом обстоятельств дела, характера преступления и наличия доказательной базы. Далее проводятся переговоры, в ходе которых обсуждаются

условия сделки, включая назначаемое наказание, возможное его смягчение и обязательства обвиняемого перед следствием [189]. После согласования условий прокурор утверждает соглашение, и оно подписывается сторонами, после чего передаётся в суд для рассмотрения.

Суд играет ключевую роль в контроле над законностью заключённого соглашения. Судья проверяет, соответствует ли сделка требованиям законодательства, является ли признание вины добровольным, и достаточно ли доказательств для вынесения приговора. Если суд выявляет нарушения или приходит к выводу, что условия сделки несправедливы, он может отказать в её утверждении и направить дело на стандартное судебное разбирательство. Если же суд утверждает соглашение, он выносит приговор, в котором учитываются условия сделки. Обычно обвиняемые, заключившие сделку, получают более мягкое наказание, например, сокращённый срок заключения или условное осуждение. Однако если обвиняемый нарушает условия соглашения, суд может пересмотреть его и назначить более строгое наказание [190].

Применение соглашений о признании вины в Туркменистане имеет ряд преимуществ. Во-первых, этот институт позволяет разгрузить суды, ускоряя рассмотрение уголовных дел и позволяя сосредоточить судебные ресурсы на более сложных процессах. Во-вторых, он способствует сокращению сроков уголовного судопроизводства, снижая нагрузку на правоохранительные органы. В-третьих, сделка о признании вины позволяет обвиняемым рассчитывать на смягчение наказания в случае активного сотрудничества со следствием. В-четвёртых, механизм процессуального соглашения способствует раскрытию преступлений, так как обвиняемые, надеясь на более мягкое наказание, могут предоставлять следствию важные сведения о других правонарушениях.

Несмотря на преимущества, практика заключения сделок о признании вины в Туркменистане сталкивается с рядом проблем. Во-первых, этот институт пока недостаточно развит и применяется в ограниченном числе дел. Судебная и правоохранительная системы страны традиционно ориентированы на классическую форму уголовного судопроизвод-

ства, что препятствует активному использованию процессуальных соглашений. Во-вторых, процесс заключения сделок остаётся закрытым для общественности, что создаёт условия для коррупционных рисков и злоупотреблений со стороны следственных органов. В-третьих, в условиях слабой правовой защиты обвиняемых существует риск принуждения к признанию вины, что может привести к несправедливым приговорам.

Таким образом, институт соглашений о признании вины в Туркменистане находится на стадии формирования. Хотя законодательство предусматривает возможность процессуальных соглашений, фактическое их применение остаётся ограниченным. В будущем для эффективного функционирования этого механизма потребуется совершенствование правового регулирования, повышение прозрачности судебных процессов и обеспечение реальных гарантий защиты прав обвиняемых.

В Киргизии институт соглашений о признании вины является сравнительно новым элементом уголовного судопроизводства. Его внедрение было обусловлено необходимостью разгрузки судебной системы, сокращения сроков разбирательств и повышения эффективности работы правоохранительных органов. В 2017 году был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее – УПК КР), в котором впервые были закреплены нормы, регулирующие процессуальные соглашения, включая сделки о признании вины [191]. Согласно законодательству, соглашение о признании вины представляет собой договорённость между обвиняемым и прокурором, в рамках которой обвиняемый соглашается признать свою вину в обмен на более мягкое наказание. Этот механизм позволяет ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на суды, что особенно актуально в условиях значительного роста количества уголовных разбирательств [192]. Однако, несмотря на формальную возможность применения данных соглашений, их практическое использование остаётся ограниченным, что связано с рядом правовых и институциональных препятствий.

Основные положения о сделках о признании вины закреплены в статье 452 УПК КР, согласно которой соглашение может быть заключено между обвиняемым (подозреваемым), его защитником и прокурором на стадии досудебного расследования или в судебном процессе. Однако закон устанавливает ряд условий, при которых возможно применение этого института. Во-первых, признание вины должно быть добровольным. Обвиняемый должен осознавать правовые последствия заключаемого соглашения и не подвергаться давлению со стороны следствия или прокуратуры. В случае выявления факта принуждения сделка может быть признана недействительной [193]. Во-вторых, прокурор должен убедиться в наличии достаточных доказательств вины обвиняемого. В отличие от классического судебного разбирательства, в сделке о признании вины прокурор не обязан доказывать преступление в полном объёме, однако он должен удостовериться, что обвинение не основано исключительно на признании самого обвиняемого [194]. В-третьих, обязательное участие защитника. Закон требует, чтобы адвокат присутствовал на всех этапах заключения сделки, разъясняя обвиняемому его права и возможные последствия соглашения. Это необходимо для предотвращения возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и защиты интересов обвиняемого [195]. В-четвёртых, сделки допускаются только по преступлениям небольшой и средней тяжести. К тяжким и особо тяжким преступлениям применение процессуального соглашения исключено, за исключением отдельных случаев, когда обвиняемый активно сотрудничает со следствием (например, даёт показания против других участников преступления) [196]. В-пятых, судебное утверждение сделки. Даже после заключения соглашения между сторонами оно подлежит проверке судом. Судья обязан убедиться, что сделка соответствует нормам закона, была заключена добровольно и не нарушает права обвиняемого [197].

Заключение сделки проходит несколько этапов. Обвиняемый (через защитника) или прокурор могут выступить инициаторами переговоров о заключении сделки. Если обвиня-

емый изъявляет желание признать вину, его защитник подаёт ходатайство прокурору, который оценивает возможность применения процессуального соглашения [198]. Если прокурор считает, что соглашение возможно, проводятся переговоры, в ходе которых определяются условия сделки, включая степень признания вины, вид и размер наказания, возможное сотрудничество со следствием. После достижения договорённости между сторонами обвиняемый, его защитник и прокурор подписывают документ, который фиксирует все условия сделки, включая ограничения на обжалование приговора. Заключённое соглашение направляется в суд, где судья проверяет его соответствие закону, наличие добровольности и достаточность доказательств. Если суд выявит нарушения или сочтёт, что наказание несоразмерно совершенному преступлению, он может отказать в утверждении сделки [199]. В случае одобрения сделки суд выносит приговор, в котором учитывает условия соглашения. Обычно наказание смягчается, однако в случае нарушения условий сделки суд может пересмотреть приговор и назначить более строгое наказание [200].

Таким образом, институт соглашений о признании вины в Киргизии находится в стадии становления и требует дальнейшего совершенствования. Для успешного развития данного механизма необходимы усиление контроля со стороны судов, повышение прозрачности процедуры заключения сделок и улучшение адвокатской защиты обвиняемых.

В последние годы правовая система Таджикистана претерпела значительные изменения, направленные на модернизацию уголовного судопроизводства и повышение эффективности работы правоохранительных органов. В 2016 году в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) были внесены поправки, предусматривающие возможность заключения процессуальных соглашений, включая сделки о признании вины [201]. Внедрение этого механизма было обусловлено необходимостью разгрузки судебной системы, сокращения сроков рассмотрения уголовных дел и повышения эффективности расследования преступлений. Однако, несмотря на существующие законо-

дательные нормы, институт соглашений о признании вины в Таджикистане всё ещё находится в стадии становления, а его применение в судебной практике остаётся ограниченным [202].

Согласно статье 415 УПК РТ, соглашение о признании вины представляет собой процессуальную договорённость между обвиняемым, его защитником и прокурором, заключаемую в рамках досудебного производства или на этапе судебного разбирательства. Основная цель таких соглашений – упрощение уголовного процесса и назначение наказания без проведения полноценного судебного разбирательства. Однако закон устанавливает чёткие условия, при которых сделка о признании вины может быть заключена. Во-первых, добровольность признания вины является основополагающим принципом данного института. Обвиняемый должен осознанно соглашаться с предъявленным обвинением и понимать последствия заключённого соглашения. Принуждение к признанию вины недопустимо и может повлечь признание сделки недействительной [203]. Во-вторых, наличие достаточных доказательств, подтверждающих вину обвиняемого, является обязательным условием заключения сделки. В отличие от традиционного судебного разбирательства, в рамках соглашения прокурор не обязан представлять исчерпывающий объём доказательств вины, однако он должен удостовериться, что признание обвиняемого не является единственным основанием для вынесения приговора [204]. В-третьих, обязательное участие защитника является гарантией прав обвиняемого. Защитник обязан разъяснить своему подзащитному все правовые последствия соглашения, в том числе ограничения на обжалование приговора и возможность пересмотра дела в случае нарушения условий сделки [205]. В-четвёртых, ограничение сферы применения данного института. Закон запрещает заключение сделок о признании вины по делам об особо тяжких преступлениях, включая терроризм, убийства при отягчающих обстоятельствах и коррупционные преступления в крупных размерах. Сделка возможна только в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, а также некоторых тяжких преступлений,

если обвиняемый сотрудничает со следствием [206]. В пятых, необходимость судебного контроля. Даже если соглашение было заключено между сторонами, оно не вступает в силу без утверждения судом. Судья обязан убедиться, что сделка заключена добровольно, не противоречит требованиям закона и не нарушает права обвиняемого [207].

Процесс заключения сделки о признании вины включает несколько этапов. Первый этап – инициирование соглашения, которое может быть предложено как обвиняемым (через его защитника), так и прокурором. Если обвиняемый изъявляет желание заключить сделку, его защитник подаёт соответствующее ходатайство в прокуратуру, где прокурор оценивает целесообразность соглашения с учётом характера преступления и доказательной базы [208]. Второй этап – переговоры между сторонами, в ходе которых обсуждаются условия сделки, включая размер наказания, возможность его смягчения и обязательства обвиняемого перед следствием. На этом этапе прокурор должен удостовериться, что сделка соответствует требованиям закона, а обвиняемый действует осознанно и без принуждения [209]. Третий этап – подписание соглашения. После достижения договорённости между сторонами документ подписывается обвиняемым, его защитником и прокурором, после чего передаётся в суд для утверждения. В соглашении указываются основные условия сделки, степень признания вины, возможное наказание и процессуальные последствия соглашения [210]. Четвёртый этап – судебное рассмотрение. Суд обязан проверить законность соглашения, наличие добровольности признания вины и достаточность доказательств. Если суд выявляет нарушения или считает, что наказание несоразмерно совершенному преступлению, он может отказать в утверждении сделки и направить дело на стандартное судебное разбирательство [211]. Пятый этап – вынесение приговора. В случае одобрения соглашения суд выносит приговор, в котором учитываются условия сделки. Обычно наказание смягчается, однако если обвиняемый нарушает условия соглашения (например, отказывается от выполнения взятых обязательств), суд мо-

жет пересмотреть приговор и назначить более строгое наказание [212].

Таким образом можно прийти к общему выводу, что институт соглашений о признании вины является важным инструментом модернизации уголовного судопроизводства в странах Центральной Азии, направленным на ускорение судебных разбирательств, снижение нагрузки на суды и повышение эффективности правоохранительных органов. Каждая страна региона, включая Узбекистан, Туркменистан, Киргизию и Таджикистан, внедряет этот механизм с учётом национальных правовых традиций и особенностей. Несмотря на значительные преимущества, такие как экономия государственных ресурсов и стимулирование сотрудничества обвиняемых со следствием, практика применения данных соглашений сопровождается рядом вызовов. Среди основных проблем – возможное давление на обвиняемых, риск коррупции, ограниченные гарантии защиты прав подозреваемых и необходимость усиленного судебного контроля за соблюдением принципов справедливости. В целом, процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве Центральной Азии остаются развивающимся институтом, требующим дальнейшего совершенствования законодательства и практики их применения.

2.3 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран западной Азии

В последние десятилетия процессуальные соглашения, включая сделки о признании вины, приобрели важное значение в уголовном судопроизводстве различных государств. В странах Западной Азии, несмотря на различия в правовых системах, наблюдается тенденция к внедрению элементов признания вины в процессуальные механизмы уголовного преследования. Данный институт направлен на ускорение уголовного разбирательства, снижение нагрузки на судебную систему и поощрение сотрудничества обвиняемых со следствием. Однако его применение варьируется в зависи-

ности от правовых традиций, уровня правоприменительной практики и влияния религиозных норм.

Правовые системы государств Западной Азии характеризуются значительным разнообразием, обусловленным влиянием исламского права (шариата), англо-саксонской и континентальной правовых систем. В таких странах, как Турция, Израиль и Иран, уголовно-процессуальные нормы отражают как национальные правовые традиции, так и элементы международного опыта. В большинстве государств региона сделки о признании вины возможны только в ограниченных рамках и, как правило, применяются к преступлениям небольшой и средней тяжести.

В странах, ориентированных на шариатские нормы (Саудовская Аравия, Катар, Объединённые Арабские Эмираты), процессуальные соглашения не получили широкого распространения, поскольку уголовное преследование основано на принципах исламского права, где значительное внимание уделяется признанию вины как доказательству. В Турции и Израиле, напротив, процессуальные соглашения закреплены на законодательном уровне и активно используются в судебной практике.

В Турции институт признания вины в контексте процессуальных соглашений представляет собой важный элемент уголовного судопроизводства, направленный на ускорение уголовных процессов и снижение нагрузки на суды. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Турции (*Türk Ceza Muhakemesi Kanunu*, далее – УПК Турции) процессуальные соглашения позволяют обвиняемому признать свою вину в обмен на смягчение наказания или прекращение уголовного преследования при соблюдении определённых условий [213].

Одним из ключевых правовых актов, регулирующих применение процессуальных соглашений в Турции, является статья 253 УПК Турции, которая устанавливает возможность заключения соглашения о признании вины между обвиняемым и прокурором на досудебной стадии. Такое соглашение возможно при условии, что преступление не относится к категории тяжких, а наказание за него не превышает пяти лет

лишения свободы [214]. Это ограничение направлено на предотвращение злоупотреблений и сохранение принципа справедливости в уголовном процессе.

Процесс заключения сделки о признании вины проходит в несколько этапов. Первый этап – инициирование переговоров между прокурором и защитником обвиняемого. Если обвиняемый желает признать свою вину, его защитник подаёт ходатайство в прокуратуру, после чего прокурор оценивает возможность заключения соглашения. В ходе рассмотрения ходатайства учитываются характер преступления, доказательства, представленные в деле, и процессуальные гарантии [215]. Второй этап – переговоры о содержании соглашения, в ходе которых обсуждаются условия признания вины, возможное смягчение наказания и обязательства сторон. Основные условия сделки включают добровольность признания вины, наличие достаточных доказательств, а также обязательное участие защитника, который должен удостовериться, что права обвиняемого не нарушаются [216].

После достижения договорённости стороны подписывают соглашение, которое передаётся в суд для утверждения. Третий этап – судебный контроль над соглашением. Суд проверяет законность сделки, оценивает, было ли признание вины добровольным, и соответствует ли предложенное наказание принципу справедливости. Суд также проверяет, не противоречит ли соглашение общественным интересам. Если суд утверждает сделку, то наказание, как правило, смягчается. В случае отказа суд может направить дело на обычное судебное разбирательство [217].

Процессуальные соглашения применяются в Турции преимущественно к преступлениям небольшой и средней тяжести, включая мошенничество, кражи, экономические преступления и некоторые формы коррупции [218]. Однако в делах о тяжких преступлениях, таких как убийства, терроризм и преступления против государственной безопасности, процессуальные соглашения не допускаются, что соответствует международным стандартам уголовного судопроизводства [219].

В турецкой судебной практике сделки о признании вины способствуют снижению перегруженности судов. Согласно данным Министерства юстиции Турции, за последние пять лет число дел, завершённых с применением процессуального соглашения, увеличилось на 35%, что свидетельствует о высокой востребованности данного механизма [220]. Вместе с тем существует ряд проблем, связанных с применением процессуальных соглашений. Во-первых, недостаточная осведомлённость обвиняемых о своих правах может привести к тому, что соглашения заключаются без полного понимания их последствий [221]. Во-вторых, существуют случаи давления на обвиняемых со стороны следственных органов, что ставит под угрозу добровольность признания вины [222]. В-третьих, наблюдается неконкретность некоторых норм, регулирующих судебный контроль над процессуальными соглашениями, что приводит к неоднородной практике применения [223].

Несмотря на эти проблемы, Турция продолжает совершенствовать свою систему процессуальных соглашений. В 2021 году был принят Закон о реформе уголовного судопроизводства, в рамках которого усилены гарантии прав обвиняемых при заключении сделок о признании вины. В частности, введены дополнительные требования к судебному контролю и повышена роль защитников в процессе переговоров [224]. В будущем планируется дальнейшее развитие механизмов альтернативного урегулирования уголовных дел, что может привести к расширению сферы применения процессуальных соглашений [225].

Таким образом, институт признания вины в Турции представляет собой важный инструмент уголовного судопроизводства, позволяющий ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на суды. В то же время эффективное применение данного механизма требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и усиления процессуальных гарантий для обвиняемых.

В Израиле институт признания вины и процессуальных соглашений играет значительную роль в уголовном судопроизводстве. Основной правовой акт, регулирующий про-

цессуальные соглашения, – Уголовно-процессуальный кодекс Израиля (Criminal Procedure Law, далее – УПК Израиля), который предусматривает возможность заключения сделки между прокурором и обвиняемым, при которой последний соглашается признать вину в обмен на смягчение наказания или отказ от части обвинений [226]. Этот механизм способствует ускорению уголовного процесса, снижению нагрузки на суды и более эффективному управлению ресурсами системы правосудия. Одним из ключевых аспектов израильской модели является жёсткий судебный контроль над процессуальными соглашениями. Суд не только рассматривает заключённые сделки, но и обязан убедиться, что они соответствуют принципам справедливости и не наносят ущерба общественным интересам [227]. В отличие от некоторых стран, где процессуальные соглашения утверждаются автоматически, в Израиле судья может отказаться утверждать сделку, если сочтёт её несоразмерной преступлению или несправедливой по отношению к обвиняемому или потерпевшим [228].

Согласно статье 154 УПК Израиля, процессуальное соглашение может быть заключено в любой момент после предъявления обвинения и до вынесения приговора. Однако закон устанавливает несколько ключевых условий для заключения сделки о признании вины. Во-первых, признание вины должно быть добровольным, и обвиняемый должен осознавать последствия сделки. Во-вторых, суд должен проверить наличие достаточных доказательств, подтверждающих вину обвиняемого, что исключает возможность осуждения исключительно на основании сделки [229]. В-третьих, суд обязан убедиться, что права потерпевших соблюдены, особенно в делах, связанных с насильственными преступлениями [230]. Процессуальные соглашения в Израиле наиболее распространены в делах о преступлениях средней тяжести, включая мошенничество, коррупцию, экономические преступления и преступления против собственности [231]. В делах о тяжких преступлениях, таких как убийства, сексуальные преступления и терроризм, сделки применяются

ограниченно и требуют одобрения Генерального прокурора [232].

Заключение сделки о признании вины проходит несколько этапов. Первый этап – инициирование переговоров. Обвиняемый или его защитник могут предложить заключить сделку, но окончательное решение остаётся за прокурором. В некоторых случаях инициатива исходит от прокуратуры, если обвиняемый готов сотрудничать со следствием [233]. Второй этап – обсуждение условий сделки. В ходе переговоров определяются основные параметры соглашения, включая степень признания вины, возможное смягчение наказания и дополнительные обязательства обвиняемого, такие как возмещение ущерба потерпевшим [234]. Третий этап – подписание соглашения. После достижения договорённости между сторонами прокурор, обвиняемый и его защитник подписывают документ, который передаётся в суд для утверждения [235]. Четвёртый этап – судебный контроль. Суд рассматривает соглашение, проверяет его законность и соответствие принципам справедливости. Судья может задавать вопросы обвиняемому, чтобы убедиться в добровольности признания вины. В случае отказа суда утвердить сделку обвиняемый сохраняет право на полноценное судебное разбирательство [236]. Пятый этап – вынесение приговора. Если суд утверждает соглашение, он выносит приговор с учётом условий сделки. Обычно наказание оказывается более мягким, чем при стандартном судебном разбирательстве. Однако в случае нарушения условий сделки обвиняемый может потерять льготы, предусмотренные соглашением [237].

Процессуальные соглашения в Израиле обладают рядом преимуществ. Во-первых, они разгружают судебную систему, позволяя судам сосредотачиваться на более сложных делах [238]. Во-вторых, они ускоряют процесс правосудия, сокращая время расследования и судебных разбирательств. В-третьих, они дают обвиняемым шанс на смягчение наказания в случае добровольного признания вины и сотрудничества со следствием [239]. Несмотря на преимущества, практика заключения процессуальных соглашений сталкивается с рядом проблем. Во-первых, в израильском обществеperi-

одически возникают дискуссии о дискреции прокуратуры, так как иногда сделки заключаются по политически чувствительным делам, что вызывает вопросы о справедливости судебной системы [240]. Во-вторых, существует проблема перегрузки адвокатов, что может приводить к недостаточному анализу последствий заключаемых соглашений [241]. В третьих, некоторые критики указывают на опасность давления на обвиняемых, которые могут соглашаться на сделку, даже если не считают себя виновными, чтобы избежать длительного судебного процесса [242].

Система процессуальных соглашений в Израиле продолжает развиваться. В 2022 году Верховный суд Израиля внёс разъяснения по практике утверждения соглашений, усилив судебный контроль над такими сделками [243]. В 2023 году Министерство юстиции представило проект реформы, направленный на усиление защиты обвиняемых при заключении процессуальных соглашений и улучшение прозрачности работы прокуратуры [244]. Таким образом, институт признания вины и процессуальных соглашений в Израиле представляет собой эффективный механизм уголовного судопроизводства, но требует постоянного контроля и усовершенствования для обеспечения справедливости судебных решений.

В Саудовской Аравии уголовное судопроизводство основывается на нормах исламского права (шариата), что оказывает значительное влияние на принципы признания вины и возможности заключения процессуальных соглашений. В отличие от западных стран, где сделки о признании вины являются стандартным инструментом уголовного процесса, в Саудовской Аравии данный механизм отсутствует в его традиционном понимании. Вместо этого значительное внимание уделяется признанию вины самим обвиняемым, которое может служить достаточным доказательством для вынесения приговора. Однако существует ряд процессуальных особенностей, обусловленных религиозными и правовыми традициями страны [245].

Саудовская правовая система базируется на Коране, Сунне и фикхе, а также на Основном законе Саудовской

Аравии (Basic Law of Governance), принятом в 1992 году. Уголовное законодательство включает положения Закона о судебной власти (Law of Judiciary) и Закона о процедурах уголовного судопроизводства (Criminal Procedure Law), но основополагающей нормой остаётся исламское право, интерпретируемое судами в зависимости от обстоятельств конкретного дела [246]. В Саудовской Аравии признание вины обвиняемым рассматривается как ключевое доказательство, особенно в дела, касающихся преступлений категории *хадд* (например, воровство, прелюбодеяние, клевета) и *кисас* (преступления против личности, такие как убийства и нанесение телесных повреждений) [247].

Процесс признания вины в Саудовской Аравии строго регулируется. Согласно статье 102 Закона о процедурах уголовного судопроизводства, признание вины должно быть сделано добровольно, без принуждения или давления со стороны следственных органов. В случае подозрения в принуждении суд вправе отклонить признание и назначить дальнейшее расследование [248]. Кроме того, в дела о преступлениях *хадд* признание вины требует дополнительного подтверждения: обвиняемый должен повторить своё признание четыре раза перед судом, что считается процессуальной гарантией защиты от ложных обвинений [249].

Важной особенностью уголовного процесса Саудовской Аравии является механизм прощения (афв), который позволяет потерпевшей стороне отказаться от своих требований к обвиняемому. Этот механизм наиболее часто используется в дела о преступлениях *кисас*, где потерпевший (или его семья) может либо потребовать применения наказания по принципу «око за око», либо простить преступника, соглашившись на материальную компенсацию (*дийя*). В ряде случаев суды активно способствуют заключению таких соглашений, что можно рассматривать как аналог процессуального соглашения в западной практике [250].

В судебной практике Саудовской Аравии признание вины нередко становится основным доказательством при вынесении приговора. Однако в последние годы власти предпринимают шаги по модернизации системы уголовного су-

допроизводства. В 2021 году был принят новый Закон о доказательствах (Law of Evidence), в котором введены дополнительные процессуальные гарантии, включая необходимость независимой проверки признания вины и возможность его отзыва в случае выявления нарушений [251].

Признание вины в Саудовской Аравии имеет особое значение в дела, связанных с преступлениями против общественного порядка и религиозных норм. Например, в дела о богохульстве, нарушении законов о религиозных нормах и киберпреступлениях признание обвиняемого может стать основой для вынесения приговора без необходимости представления дополнительных доказательств [252]. В то же время, в экономических и коррупционных преступлениях признание вины дополняется иными доказательствами, такими как финансовая документация, аудиторские отчёты и показания свидетелей [253].

Несмотря на формально закреплённые процессуальные гарантии, правозащитные организации критикуют систему уголовного судопроизводства Саудовской Аравии за недостаточную прозрачность и возможное применение давления на обвиняемых. По данным Human Rights Watch, в ряде случаев обвиняемые признают свою вину под давлением или без должного юридического представительства, что ставит под сомнение справедливость вынесенных приговоров [254]. Международные организации также отмечают, что процессуальные права обвиняемых нуждаются в дальнейшем усилении, включая право на обжалование признания вины и доступ к адвокатской помощи на ранних стадиях расследования [255].

В последние годы в Саудовской Аравии наблюдается тенденция к реформированию системы уголовного правосудия. В 2022 году Верховный суд Саудовской Аравии опубликовал рекомендации по совершенствованию процедур рассмотрения уголовных дел, включая пересмотр норм о признании вины и усиление судебного контроля над процессуальными гарантиями [256]. В рамках программы «Vision 2030» правительство страны намерено внедрять новые механизмы защиты прав обвиняемых, что может привести к

дальнейшим изменениям в правоприменительной практике [257].

Таким образом, признание вины в Саудовской Аравии играет ключевую роль в уголовном процессе, особенно в делах, регулируемых исламским правом. Однако в силу специфики правовой системы страны процессуальные соглашения в западном понимании не применяются. Вместо этого механизм прощения и добровольного признания вины служат основными инструментами урегулирования уголовных дел. В то же время продолжающаяся реформа судебной системы может привести к модернизации существующих процедур и усилению процессуальных гарантий для обвиняемых.

В Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ) уголовное судопроизводство сочетает в себе элементы шариатского, континентального и англо-саксонского права. Это обусловлено историческим развитием правовой системы, влиянием международных норм и необходимостью обеспечения стабильности в сфере уголовной юстиции. В последние годы в ОАЭ были введены реформы, направленные на повышение эффективности уголовного судопроизводства, в том числе посредством внедрения процессуальных соглашений о признании вины. Несмотря на то, что традиционно сделки между обвиняемым и прокурором не были распространены в странах, следующих исламскому праву, законодательство ОАЭ адаптировало этот механизм, особенно в делах, связанных с экономическими и ненасильственными преступлениями [258].

Процессуальные соглашения в уголовном процессе ОАЭ регулируются Федеральным законом ОАЭ о судебной системе (Federal Judiciary Law), а также Федеральным уголовно-процессуальным кодексом ОАЭ (Federal Criminal Procedure Law). В 2018 году в эти нормативные акты были внесены изменения, позволяющие заключение процессуальных соглашений между обвиняемым и прокуратурой в рамках досудебного расследования. Согласно статье 345 Федерального уголовно-процессуального кодекса ОАЭ, прокурор может предложить обвиняемому сделку, если последний

добровольно признаёт вину и соглашается на наказание, определённое в рамках соглашения [259].

Соглашение о признании вины в ОАЭ может быть заключено при соблюдении нескольких ключевых условий. Во-первых, добровольность признания вины – обвиняемый должен осознавать последствия соглашения и не подвергаться принуждению со стороны следственных органов. Во-вторых, наличие достаточных доказательств вины – прокуратура должна располагать материалами, подтверждающими совершение преступления, чтобы сделка не заменяла полноценное расследование. В-третьих, обязательное участие защитника – обвиняемый не может заключить соглашение без присутствия адвоката, который обязан разъяснить ему правовые последствия сделки [260].

Процесс заключения соглашения проходит в несколько этапов. Первый этап – инициирование сделки, которое может исходить как от прокурора, так и от защитника обвиняемого. Если обвиняемый признаёт вину и изъявляет желание сотрудничать, его защитник направляет соответствующее ходатайство в прокуратуру. Второй этап – переговоры между сторонами, в ходе которых обсуждаются условия соглашения, включая степень признания вины, возможное наказание и другие процессуальные аспекты. На этом этапе прокурор определяет, возможно ли применение альтернативных мер наказания, таких как штрафы или условное осуждение, вместо лишения свободы [261].

Третий этап – подписание соглашения. После достижения договорённости стороны подписывают документ, в котором фиксируются условия сделки, размер наказания и дополнительные обязательства обвиняемого, такие как возмещение ущерба потерпевшей стороне. Четвёртый этап – передача соглашения в суд для утверждения. Судья проверяет законность сделки, соответствие наказания тяжести преступления и добровольность признания вины. Если суд считает, что соглашение нарушает принципы справедливости, он вправе его отклонить и назначить стандартное судебное разбирательство [262].

Процессуальные соглашения в ОАЭ чаще всего применяются к преступлениям, связанным с экономическими

нарушениями, мошенничеством, нарушениями в сфере бизнеса, преступлениями против собственности и дорожными правонарушениями. В делах, касающихся терроризма, убийств, сексуальных преступлений и преступлений против государства, заключение процессуальных соглашений запрещено, так как данные преступления требуют полноценного судебного разбирательства [263].

Одним из главных преимуществ процессуальных соглашений в ОАЭ является разгрузка судов. По данным Министерства юстиции ОАЭ, внедрение этого механизма позволило сократить среднее время рассмотрения уголовных дел на 40%, что свидетельствует о высокой эффективности данного подхода [264]. Кроме того, процессуальные соглашения способствуют ускоренному восстановлению справедливости – потерпевшие быстрее получают компенсацию и моральное удовлетворение, а государственные органы могут более оперативно завершать расследование преступлений [265].

Однако практика процессуальных соглашений в ОАЭ сталкивается с рядом проблем. Во-первых, существует риск давления на обвиняемых, особенно в делах, где доказательная база является слабой, а сделка кажется наиболее выгодным вариантом. Некоторые правозащитные организации указывают на случаи, когда обвиняемые соглашались на признание вины, опасаясь более сурового наказания в случае полноценного судебного разбирательства [266]. Во-вторых, проблема разнообразия судебной практики – несмотря на наличие правового регулирования, разные суды могут по-разному трактовать условия процессуальных соглашений, что приводит к неоднородности правоприменительной практики [267].

В последние годы в ОАЭ предпринимаются шаги по совершенствованию системы процессуальных соглашений. В 2021 году Верховный суд ОАЭ опубликовал разъяснения по вопросам применения сделок о признании вины, установив дополнительные критерии их допустимости. В частности, было закреплено правило о необходимости независимой оценки признания вины, а также введён механизм пересмотра соглашений в случае обнаружения новых доказательств [268]. Кроме того, в 2022 году Министерство юстиции ОАЭ

запустило программу обучения прокуроров и адвокатов по вопросам процессуальных соглашений, что должно повысить профессиональный уровень участников уголовного судопроизводства [269].

Таким образом, процессуальные соглашения в уголовном процессе ОАЭ представляют собой важный инструмент ускоренного правосудия, позволяющий снизить нагрузку на суды и повысить эффективность уголовного преследования. В то же время успешное функционирование данного механизма требует дальнейшего совершенствования правоприменительной практики, усиления процессуальных гарантий для обвиняемых и унификации судебного контроля. В будущем ожидается дальнейшее развитие института процессуальных соглашений в рамках проводимых реформ правовой системы ОАЭ.

В Иране уголовное судопроизводство основывается на сочетании исламского права (шариата) и положений Уголовно-процессуального кодекса Ирана (Iranian Criminal Procedure Code, далее – УПК Ирана), который регулирует процедуры уголовного преследования, судебного разбирательства и вынесения приговоров. Несмотря на жёсткие нормы шариата, в последние годы в Иране наблюдается постепенное внедрение процессуальных механизмов, направленных на ускорение рассмотрения уголовных дел и снижение нагрузки на судебную систему. Одним из таких механизмов является институт процессуальных соглашений о признании вины, который ограниченно применяется в отношении ненасильственных преступлений, таких как экономические правонарушения и коррупция. Однако его использование сталкивается с рядом юридических и этических ограничений, что существенно сужает сферу его практического применения [270].

Основной нормативно-правовой акт, регулирующий возможность заключения процессуальных соглашений в Иране, – это Уголовно-процессуальный кодекс Ирана, принятый в 2015 году и дополненный поправками в 2020 году. В нём впервые были закреплены нормы, допускающие возможность признания вины обвиняемым в обмен на смягчение наказания или отказ от части обвинений. Согласно ста-

тье 478 УПК Ирана, прокурор может заключить с обвиняемым соглашение, если последний добровольно признаёт свою вину, при этом сделка должна быть одобрена судом [271]. Однако процессуальные соглашения возможны только в отношении преступлений, не связанных с насильственными действиями, терроризмом или преступлениями против исламских норм.

Ключевые условия заключения процессуальных соглашений в Иране включают добровольность признания вины, наличие достаточных доказательств, судебный контроль и участие защитника. Обвиняемый должен осознавать последствия соглашения и не подвергаться принуждению со стороны следственных органов. Согласно статье 480 УПК Ирана, если суд установит, что признание вины было сделано под давлением, соглашение может быть аннулировано [272]. Кроме того, в делах, связанных с коррупцией и экономическими преступлениями, процессуальные соглашения допускаются только в том случае, если обвиняемый компенсирует причинённый ущерб государству или пострадавшей стороне [273].

Процесс заключения процессуального соглашения проходит несколько этапов. Первый этап – инициирование соглашения, которое может исходить как от обвиняемого, так и от прокурора. Если обвиняемый признаёт вину и выражает желание заключить сделку, его адвокат подаёт соответствующее ходатайство в прокуратуру. Второй этап – переговоры между сторонами, в ходе которых обсуждаются условия соглашения, в том числе степень признания вины, размер наказания и возможные альтернативные меры, такие как уплата штрафа или условное освобождение. Третий этап – подписание соглашения, в котором фиксируются обязательства обвиняемого, условия сделки и возможные последствия нарушения соглашения [274]. Четвёртый этап – передача соглашения в суд, где судья проверяет его законность, соответствие исламским нормам и принципам справедливости. Суд может отклонить соглашение, если сочтёт его несоразмерным преступлению или нарушающим общественные интересы [275].

В судебной практике Ирана процессуальные соглашения чаще всего применяются в делах о финансовых преступлениях, налоговых правонарушениях и экономической коррупции. Например, в 2021 году в рамках антикоррупционной кампании прокуратура Ирана заключила более 200 процессуальных соглашений с бизнесменами и государственными служащими, обвиняемыми в финансовых махинациях, что позволило вернуть в бюджет страны значительные суммы денег [276]. Однако в делах, связанных с нарушением норм исламского права, таких как прелюбодеяние, богохульство или употребление алкоголя, процессуальные соглашения невозможны, поскольку эти преступления подпадают под строгие санкции шариата [277].

Ограничение применения процессуальных соглашений в Иране связано с рядом правовых и моральных факторов. Во-первых, уголовное законодательство Ирана основано на принципах шариата, где признание вины обвиняемым играет ключевую роль в вынесении приговора, а возможность его смягчения через сделку с прокуратурой рассматривается как несоответствующая исламским принципам справедливости [278]. Во-вторых, в делах, касающихся преступлений против государства и религиозных норм, процессуальные соглашения запрещены, поскольку власти стремятся сохранить жёсткий контроль над соблюдением общественных и религиозных правил [279]. В-третьих, отсутствие чётких процедур судебного контроля за процессуальными соглашениями порождает риск коррупционных сделок между прокурорами и обвиняемыми, особенно в делах, связанных с высокопоставленными чиновниками и бизнесменами [280].

Несмотря на эти ограничения, в Иране продолжается реформа уголовного судопроизводства. В 2022 году Верховный суд Ирана рекомендовал расширить сферу применения процессуальных соглашений, особенно в делах о налоговых преступлениях и отмывании денег. В 2023 году Министерство юстиции Ирана представило проект изменений в УПК, который предусматривает дополнительные процессуальные гарантии при заключении сделок, включая право обвиняемого на пересмотр соглашения в случае выявления новых обстоятельств [281].

Процессуальные соглашения в Иране остаются ограниченным инструментом уголовного судопроизводства, применимым главным образом в сфере экономических преступлений. Их использование строго регламентировано и подлежит судебному контролю, а признание вины продолжает играть центральную роль в уголовном процессе, особенно в делах, подпадающих под нормы шариата. В то же время продолжающаяся реформа правовой системы Ирана может привести к расширению сферы применения процессуальных соглашений в будущем, особенно в ненасильственных преступлениях и финансовых правонарушениях.

Таким образом, процессуальные соглашения, включая сделки о признании вины, в последние десятилетия приобрели важное значение в уголовном судопроизводстве стран Западной Азии. Эти механизмы позволяют ускорить судебные процессы, снизить нагрузку на суды и способствуют сотрудничеству обвиняемых с следствием. Однако их применение варьируется в зависимости от правовых традиций, уровня правоприменительной практики и религиозных норм каждой страны. В странах, ориентированных на шариат, таких как Саудовская Аравия и Иран, процессуальные соглашения имеют ограниченное применение, главным образом в области экономических преступлений, и требуют соблюдения строгих процессуальных гарантит. В Турции и Израиле эти соглашения закреплены в законодательстве и активно применяются, что способствует ускорению разбирательств и снижению нагрузки на судебную систему. В Объединенных Арабских Эмиратах процессуальные соглашения также используются в рамках реформ, направленных на повышение эффективности уголовного судопроизводства. Несмотря на преимущества, такие как разгрузка судов и ускорение правосудия, практика процессуальных соглашений сталкивается с рядом проблем, включая риск давления на обвиняемых и неоднородность правоприменительной практики. В будущем развитие этих механизмов потребует улучшения нормативно-правовой базы, усиления судебного контроля и защиты прав обвиняемых.

3. СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАНН ЕВРОПЫ

3.1 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран западной Европы.

Институт соглашений о признании вины (plea bargaining) является важным инструментом уголовного судопроизводства, который активно используется в разных странах мира, включая Западную Европу. В странах региона, где уголовное правосудие традиционно строится на принципах гражданских и континентальных правовых систем, процессуальные соглашения служат механизмом для ускорения уголовного процесса, разгрузки судов и, в некоторых случаях, для достижения более справедливых и гибких наказаний. Однако, несмотря на широкое использование в некоторых странах, соглашения о признании вины в Западной Европе сталкиваются с рядом правовых, этических и социальных вызовов.

В странах Западной Европы процессуальные соглашения о признании вины получили признание и распространение с конца XX века, в первую очередь в странах с англо-саксонской правовой системой (например, Великобритания). В континентальных правовых системах процессуальные соглашения были внедрены и адаптированы с учетом традиций правосудия, характерных для гражданских правовых систем.

Великобритания является одной из ведущих стран, где процессуальные соглашения о признании вины (plea bargaining) играют важную роль в уголовном судопроизводстве. Система сделок о признании вины в Великобритании развивается на протяжении нескольких десятилетий и регулируется в рамках Уголовного процесса Великобритании (Criminal Justice Act 2003) и последующих нормативных актов. В отличие от стран континентальной правовой системы, где сделки о признании вины имеют ограниченное применение, Великобритания применяет эту практику довольно широко, особенно в случаях менее тяжких преступлений.

Plea bargaining в Великобритании представляет собой процессуальную сделку между обвиняемым и государственными органами, в ходе которой обвиняемый признает свою вину в обмен на смягчение наказания или другие льготы. Сделки о признании вины направлены на сокращение числа дел, рассматриваемых судами, и ускорение процесса правосудия. Одной из причин активного использования этой практики является перегрузка судов, что делает систему сделок о признании вины удобным механизмом для разгрузки судебной системы и ускорения судебных разбирательств [282].

Правовая основа сделок о признании вины в Великобритании закреплена в Уголовном процессе Великобритании, принятом в 2003 году. В соответствии с статьей 144 Уголовного процесса Великобритании, прокурор может предложить обвиняемому заключение сделки, если обвиняемый признает свою вину и согласен на определенное наказание. В свою очередь, прокурор может предложить обвиняемому смягчение наказания, если тот сотрудничает с органами правопорядка или даёт показания против других участников преступления. Важным аспектом является то, что такие соглашения должны быть одобрены судом, что гарантирует независимость судебной власти и отсутствие принуждения к признанию вины [283].

Согласно статье 76 Уголовного процесса Великобритании, прокурор обязан обеспечить, чтобы признание вины обвиняемого было добровольным, а также что обвиняемый понимает последствия своего признания. В Великобритании сделки о признании вины широко используются, например, в случаях с мошенничеством, экономическими преступлениями, преступлениями против собственности и в ряде других дел, где обвиняемый готов сотрудничать с органами правопорядка в обмен на более мягкое наказание [284].

Одним из ключевых преимуществ системы соглашений о признании вины в Великобритании является ускорение судебного процесса. В условиях перегруженности судов сделки о признании вины позволяют значительно сократить количество дел, которые требуют полного судебного разбирательства. В 2012 году статистика показала, что около 70%

уголовных дел в Великобритании завершились с применением *plea bargaining*, что позволяет освободить судебные ресурсы для более сложных дел [285].

Кроме того, сделка о признании вины в Великобритании позволяет обвиняемым получить смягчение наказания за признание своей вины и сотрудничество с органами правопорядка. Это может включать сокращение срока лишения свободы, изменение наказания на условное осуждение или сокращение штрафов. Такой механизм даёт возможность более справедливо учитывать степень вины обвиняемого и его поведение в ходе расследования и судебного разбирательства [286].

Однако, несмотря на положительные стороны, система соглашений о признании вины в Великобритании вызывает критику со стороны правозащитников. Один из основных недостатков заключается в том, что обвиняемые, особенно те, кто не имеет юридического образования, могут быть под давлением со стороны прокурора или следственных органов признать свою вину, даже если они не совершали преступление. Это вызывает опасения по поводу соблюдения принципа презумпции невиновности и прав обвиняемых на должную защиту [287].

Кроме того, сделки о признании вины могут создавать опасность для справедливости судебных решений, так как обвиняемые могут получить наказание, которое не всегда соответствует тяжести совершённого преступления. В частности, система *plea bargaining* может позволить виновным в преступлениях избежать полного наказания за счет признания вины и заключения сделки с прокурором, что иногда приводит к снижению ответственности за преступления [288].

Судебный контроль является важнейшей гарантией справедливости при заключении сделок о признании вины в Великобритании. Хотя прокурор и обвиняемый могут заключить соглашение, окончательное решение о его утверждении остается за судом. Судья должен удостовериться, что сделка не нарушает права обвиняемого, что признание вины было добровольным и что условия сделки соответ-

ствуют принципу соразмерности наказания. Это предполагает, что суд проверяет, не слишком ли велико наказание по сравнению с преступлением, в котором обвиняется лицо, и что сделка справедлива как для обвиняемого, так и для общества в целом [289].

Судебный контроль важен также для обеспечения прав потерпевших, так как в некоторых случаях признание вины обвиняемым может привести к сокращению срока наказания или применению альтернативных мер наказания, что может быть воспринято как несправедливое с точки зрения жертв преступлений [290].

Сделки о признании вины стали важной частью уголовного правосудия Великобритании, особенно в условиях растущей нагрузки на суды. Однако, несмотря на свою популярность, система *plea bargaining* вызывает вопросы относительно баланса между эффективностью правосудия и соблюдением прав обвиняемых. В Великобритании продолжаются дебаты относительно того, как следует улучшить процесс заключения сделок, чтобы избежать злоупотреблений и обеспечить защиту прав обвиняемых. Ожидается, что в будущем система сделок о признании вины будет продолжать развиваться, с усилением контроля со стороны суда и защитников обвиняемых, а также с большим акцентом на соблюдение прав человека и справедливости судебного процесса [291].

Во Франции процессуальные соглашения о признании вины, известные как «*comparution sur reconnaissance préalable de culpabilité*» (CRPC), были официально внедрены в Уголовный процессуальный кодекс Франции в 2004 году. Эти соглашения представляют собой механизм, позволяющий обвиняемым признать свою вину в обмен на смягчение наказания. Однако, в отличие от стран с англо-саксонской правовой системой, где сделка о признании вины широко распространена, во Франции процессуальные соглашения используются ограниченно, и их применение сопровождается рядом правовых и этических проблем.

Французская система процессуальных соглашений о признании вины регулируется в рамках статьи 495-7 УПК

Франции, которая устанавливает условия заключения сделок о признании вины. Этот механизм применяется в случаях преступлений, относящихся к категории преступлений, не связанных с насилием или не представляющих угрозу общественному порядку, таких как экономические преступления, мелкое мошенничество, нарушения в сфере здравоохранения и другие деликты. Сделка о признании вины не может быть применена к более серьёзным преступлениям, таким как убийства, террористические акты, сексуальные преступления или другие преступления, подпадающие под жёсткие санкции. Это ограничение связано с французской судебной традицией, в которой каждое серьёзное преступление должно быть рассмотрено в полном объёме в судебном процессе [292].

Соглашения о признании вины во Франции могут быть заключены только с согласия прокурора и обвиняемого, а также с обязательным участием адвоката обвиняемого. Это гарантирует, что обвиняемый осознаёт все последствия соглашения и имеет возможность проконсультироваться с юристом относительно своей ситуации. Судебное решение, принятное на основе соглашения, должно быть утверждено судьей, который проверяет законность сделки и её соответствие принципам справедливости. Если судья сочтет сделку несправедливой или противоречащей общественным интересам, он может отклонить её и направить дело на стандартное судебное разбирательство [293].

Процесс заключения сделки о признании вины в Франции состоит из нескольких этапов. Первый этап включает в себя инициацию сделки со стороны прокурора или адвоката обвиняемого. В процессе переговоров между сторонами обвиняемый соглашается признать свою вину в обмен на смягчение наказания, что обычно включает в себя сокращение срока лишения свободы или замену тюремного наказания на условное осуждение, штрафы или общественные работы [294].

Второй этап – это обсуждение условий сделки между прокурором и адвокатом обвиняемого. Прокурор должен удостовериться, что сделка о признании вины является за-

конной, что обвиняемый добровольно признает свою вину, и что условия соглашения пропорциональны тяжести преступления. Прокурор также должен учитывать сотрудничество обвиняемого с правосудием, его поведение в ходе расследования, а также возможные смягчающие обстоятельства.

Третий этап – это подписание соглашения, в ходе которого обвиняемый, его адвокат и прокурор подписывают документы, подтверждающие согласие сторон на заключение сделки. Сделка передается в суд, где судья должен проверить законность соглашения, убедиться в его соответствии принципам справедливости и одобрить его. Судебный контроль является важным этапом, так как судья может отклонить сделку, если она не соответствует законодательным требованиям или нарушает права обвиняемого [295].

Система процессуальных соглашений о признании вины во Франции предоставляет ряд преимуществ, особенно в делах о преступлениях небольшой и средней тяжести. Одним из основных преимуществ является ускорение уголовного процесса, что позволяет сократить время расследования и судебного разбирательства, а также снизить нагрузку на суды. Сделки о признании вины позволяют быстрее достичь справедливости и облегчить процесс для обеих сторон: обвиняемый может получить смягчение наказания за сотрудничество с правосудием, а прокурор и суды могут быстрее завершить дело [296].

Тем не менее, использование процессуальных соглашений во Франции также вызывает несколько проблем. Во-первых, существует опасность, что обвиняемые могут быть под давлением со стороны прокурора или следственных органов и признать свою вину, даже если они не совершили преступление. Вторая проблема заключается в том, что смягчение наказания, которое предоставляется в обмен на признание вины, может быть воспринято как несправедливое, особенно в случаях, когда преступление вызывает общественное возмущение [297]. Например, в делах о коррупции или экономических преступлениях сделки о признании вины могут вызвать критику, так как обвиняемые, имеющие высокие социальные позиции, могут получить значительно

более мягкие наказания по сравнению с обычными гражданами, что может привести к недовольству общественности и снижению доверия к системе правосудия [298].

Кроме того, существует проблема недостаточной осведомлённости обвиняемых о последствиях заключения сделки, особенно среди тех, кто не имеет юридического образования. Это может привести к тому, что обвиняемые соглашаются на сделки без полного понимания всех правовых последствий, что также может ставить под угрозу справедливость процесса.

Система сделок о признании вины во Франции продолжает развиваться и улучшаться. В 2021 году было предложено усовершенствовать процессуальные соглашения, введя более чёткие критерии для их применения и усиление контроля со стороны судов. В частности, обсуждается возможность расширения сферы применения сделок о признании вины в отношении более тяжких преступлений, таких как преступления против государственного бюджета, а также создание системы дополнительного мониторинга для предотвращения злоупотреблений и усиления правовых гарантий для обвиняемых [299].

Таким образом, Франция продолжает адаптировать процессуальные соглашения в рамках своего уголовного правосудия. Несмотря на ограниченность их применения, система сделок о признании вины остаётся важным инструментом для ускорения уголовного процесса, но требует дальнейших улучшений, направленных на повышение прозрачности, справедливости и защиты прав обвиняемых.

В уголовном процессе Германии институт соглашений о признании вины («Verständigungen im Strafverfahren») является относительно новым и был впервые официально закреплён законодательно лишь в 2009 году, когда в Уголовно-процессуальный кодекс Германии (Strafprozessordnung, далее – УПК Германии) была введена глава о возможностях и условиях таких соглашений (§ 257c StPO). До официального закрепления данной процедуры она длительное время применялась неформально в судебной практике, что порождало споры о допустимости её использования с позиции

принципов уголовного процесса и защиты прав обвиняемого [300].

Согласно § 257с УПК Германии, процессуальное соглашение о признании вины представляет собой договорённость между судом, прокуратурой и защитой обвиняемого, направленную на ускорение процесса за счёт добровольного признания вины подсудимым и назначения более мягкого наказания. При этом уголовное законодательство Германии чётко устанавливает процессуальные условия, которые должны соблюдаться при заключении таких соглашений: обязательная добровольность признания, прозрачность переговорного процесса, участие суда и защитника, запрет на любые угрозы или обещания, и возможность пересмотра соглашения в случае выявления нарушений [301].

Заключение соглашения допускается в отношении большинства категорий преступлений, однако в немецком уголовном процессе существуют определённые ограничения. В частности, соглашения о признании вины не могут заключаться в делах, связанных с тяжкими насильственными преступлениями, такими как убийства или тяжкие телесные повреждения с отягчающими обстоятельствами, поскольку в таких ситуациях соглашение признаётся несовместимым с общественным интересом и принципами справедливости [302]. Более широко они применяются при расследовании экономических преступлений, налоговых правонарушений, мошенничества и коррупции, так как позволяют ускорить производство по делу и вернуть в бюджет государства причинённый ущерб [303].

Процесс заключения процессуальных соглашений в уголовном судопроизводстве Германии осуществляется в несколько этапов. Сначала стороны выражают заинтересованность в достижении соглашения, при этом инициатива может исходить как от прокурора, так и от обвиняемого или его защитника. Затем следуют предварительные переговоры, в ходе которых стороны обсуждают степень признания обвиняемым своей вины, согласовывают границы возможного наказания, условия возмещения ущерба потерпевшему и другие вопросы, имеющие значение для уголовного дела.

Важнейшим требованием немецкого законодательства является полная прозрачность и документальное фиксирование каждого шага переговоров, чтобы обеспечить контроль за соблюдением прав обвиняемого и общественным интересом [304].

После завершения переговоров и достижения соглашения судья обязан проверить его условия на соответствие действующему законодательству, принципам справедливости и процессуальным гарантам прав сторон. Если суд установит, что условия соглашения противоречат закону или существенно нарушают интересы обвиняемого, соглашение должно быть отклонено. При этом УПК Германии предусматривает возможность отзыва обвиняемым своего согласия на сделку на любой стадии до вынесения приговора, а также предусматривает право на обжалование вынесенного на основе соглашения приговора, если сторона считает, что имели место нарушения процедуры или прав обвиняемого [305].

Практика применения соглашений о признании вины в Германии показывает их эффективность в делах экономической направленности, что подтверждается официальными статистическими данными. Так, например, в 2022 году почти 30% уголовных дел по налоговым и финансовым преступлениям были завершены с использованием процессуальных соглашений, что позволило существенно сократить сроки рассмотрения этих дел в судах и вернуть государству крупные суммы денежных средств [306]. При этом Верховный федеральный суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) в своей практике неоднократно подчёркивал необходимость строгого соблюдения процессуальных гарантов при заключении таких соглашений, указывая на недопустимость принуждения обвиняемого к признанию вины и необходимость чёткого судебного контроля на всех этапах заключения сделки [307].

В то же время в немецкой правовой науке и судебной практике продолжаются дискуссии относительно допустимости и пределов применения соглашений о признании вины. Основная критика направлена на возможное ущемление

прав обвиняемого и риск злоупотреблений со стороны обвинения и суда при попытках «ускорить» производство по делам, что может привести к ошибочным судебным решениям [308]. В связи с этим в последние годы юридическое сообщество Германии активно обсуждает возможность внесения новых законодательных поправок, направленных на усиление процессуальных гарантий и прав обвиняемых при заключении соглашений [309].

Таким образом, институт процессуальных соглашений о признании вины в уголовном процессе Германии имеет ряд чётких законодательных условий и ограничений, призванных обеспечить справедливость и защиту прав обвиняемых. При всей эффективности этого инструмента в экономических преступлениях, его использование требует строгого контроля и соблюдения процессуальных норм, что подтверждается современной судебной практикой и научными исследованиями. В перспективе ожидается дальнейшее совершенствование законодательства с целью более эффективного и безопасного применения данного института.

Институт процессуальных соглашений о признании вины (plea bargaining или negotiated settlements) в Нидерландах является сравнительно новым механизмом в уголовном процессе, получившим активное развитие за последние годы. Данный институт регулируется национальным законодательством и применяется в тесной связи с европейскими стандартами прав человека, закреплёнными в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). В этой связи ключевым вопросом выступает соблюдение прав человека при применении процессуальных соглашений, а также судебный контроль за их реализацией [310].

В Нидерландах официальное нормативное закрепление процессуальных соглашений произошло в 2012 году, когда в Уголовно-процессуальный кодекс (Wetboek van Strafvordering, далее – УПК Нидерландов) были внесены изменения, разрешившие прокурору заключать соглашения с обвиняемыми по отдельным категориям преступлений [311]. При этом характерной особенностью нидерландской модели является более узкая сфера применения по сравнению с не-

которыми другими странами: здесь процессуальные соглашения возможны в основном по делам экономической направленности, налоговым правонарушениям, коррупции, мошенничеству, а также экологическим и другим финансовым преступлениям. По делам о тяжких насильственных преступлениях, таких как убийства или преступления против личности, использование процессуальных соглашений не допускается из-за рисков несоответствия принципам общественной справедливости и защиты прав потерпевших [312].

Законодательство Нидерландов предъявляет строгие требования к соблюдению прав человека в процедуре заключения процессуальных соглашений. Важнейшим принципом, закреплённым в нидерландском законодательстве и судебной практике, является добровольность признания вины обвиняемым, а также необходимость чёткого понимания им последствий заключаемого соглашения. Подозреваемому гарантируется право на обязательную юридическую помощь адвоката на всех стадиях переговоров, а также право на достаточноное время для размышления и принятия осознанного решения [313].

Важной составляющей является также судебный контроль за законностью и обоснованностью заключаемых соглашений. В соответствии со статьями 74 и 74а УПК Нидерландов, любое соглашение между прокуратурой и обвиняемым должно быть представлено в суд, который тщательно проверяет его соответствие закону, интересам правосудия и соблюдению прав обвиняемого и потерпевших. Судебный контроль призван предотвратить возможные злоупотребления со стороны прокуратуры, исключить любое давление на обвиняемого, а также обеспечить защиту прав потерпевших и интересов общества [314].

С точки зрения стандартов прав человека особое внимание в судебной практике Нидерландов уделяется таким аспектам, как право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство (статья 6 ЕКПЧ), право на эффективную юридическую помощь, право не подвергаться принуждению к самообвинению и право на защиту. Эти стандарты напрямую закреплены не только в национальном законодатель-

стве, но и в решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), практика которого является обязательной для Нидерландов и играет важную роль в формировании национальной судебной практики [315].

В этой связи особое значение имеют рекомендации Верховного суда Нидерландов (Hoge Raad der Nederlanden), неоднократно указывавшего в своих решениях на обязательность обеспечения полной прозрачности переговоров, документального фиксирования всех этапов заключения сделок, а также на необходимость надлежащего информирования обвиняемого обо всех правовых последствиях соглашения. Верховный суд подчеркивал, что любое нарушение принципов добровольности и осознанности признания вины является основанием для аннулирования соглашения и признания его недействительным [316].

В юридической литературе Нидерландов неоднократно подчёркивалось, что институт процессуальных соглашений должен применяться в строгом соответствии с международными обязательствами государства в области защиты прав человека. В частности, эксперты организации Transparency International Netherlands в своем докладе указывали на необходимость постоянного мониторинга и оценки применения процессуальных соглашений для предотвращения рисков ущемления прав обвиняемых, особенно в делах, связанных с крупными экономическими преступлениями и коррупцией [317].

Несмотря на некоторые опасения относительно возможных нарушений прав человека, статистические данные подтверждают, что использование процессуальных соглашений позволило эффективно ускорить рассмотрение экономических дел и способствовало возвращению значительных сумм, похищенных преступным путём, обратно в государственный бюджет. Например, в период с 2021 по 2023 год прокуратурой Нидерландов было заключено несколько десятков крупных соглашений с корпоративными структурами по финансовым преступлениям и коррупции, в результате которых государственный бюджет получил компенсацию ущерба в размере нескольких сотен миллионов евро [318].

Однако на практике остаются и риски, связанные с возможным давлением прокуратуры на обвиняемых или недостаточной прозрачностью процедуры, что вызывает критику со стороны международных правозащитных организаций и европейских структур. В частности, Human Rights Watch неоднократно обращала внимание властей Нидерландов на необходимость усиления гарантий прав обвиняемых в рамках процедуры соглашений о признании вины [319].

Таким образом, институт процессуальных соглашений в Нидерландах является значимым элементом современной правовой системы, однако требует строгого соблюдения принципов защиты прав человека, закреплённых в национальном законодательстве и международных стандартах. Опыт Нидерландов показывает важность сочетания данного инструмента с эффективным судебным контролем, обязательной защитой прав сторон и полным учётом позиций Европейского суда по правам человека.

В Австрии институт процессуальных соглашений о признании вины не получил широкого распространения в сравнении с другими европейскими странами, особенно теми, где традиционно применяется англосаксонская модель уголовного судопроизводства [320]. Австрийская правовая система относится к континентальной правовой традиции и ориентирована преимущественно на принцип формальной истины и всестороннего судебного разбирательства. Вместе с тем, в рамках реформы уголовного процесса, начавшейся в 2008 году, были введены механизмы, позволяющие ускорить рассмотрение уголовных дел и снизить нагрузку на судебную систему за счёт соглашений между обвинением и защитой [321].

Уголовно-процессуальный кодекс Австрии (Strafprozessordnung – StPO) не предусматривает классический вариант *plea bargaining* («делки о признании вины»), но в статье § 198 StPO допускает возможность прекращения уголовного преследования при выполнении обвиняемым определённых условий, таких как выплата штрафа, возмещение причинённого ущерба потерпевшему или выполнение общественно полезных работ. Эти условия должны быть

предложены прокурором и добровольно принятые обвиняемым с согласия суда [321].

Применение данных соглашений в австрийском уголовном процессе возможно лишь при соблюдении определённых требований. Во-первых, обвиняемый должен добровольно и осознанно согласиться на предложенные прокурором условия, без какого-либо давления со стороны обвинения или суда [322]. Во-вторых, этот механизм допустим, как правило, в случаях преступлений небольшой и средней тяжести, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы. В-третьих, обязательным является условие отсутствия общественного интереса в продолжении уголовного преследования, то есть прекращение уголовного дела не должно противоречить интересам общества или правам потерпевших [322].

Процедура заключения процессуального соглашения о признании вины в Австрии состоит из нескольких последовательных этапов. Первоначально прокурор вносит предложение обвиняемому о прекращении уголовного дела на определённых условиях. Затем обвиняемый в обязательном присутствии адвоката выражает согласие либо отказывается от предложенных условий. После этого суд осуществляет контроль за законностью и обоснованностью предложения и согласия сторон. Суд проверяет соответствие условий тяжести преступления, личности обвиняемого и интересам потерпевших. В случае положительного решения суда уголовное преследование прекращается, а условия соглашения становятся обязательными для обвиняемого [322].

Особое внимание в австрийском законодательстве уделяется гарантиям защиты прав обвиняемого. Судебный контроль направлен на обеспечение добровольности и информированности обвиняемого о последствиях принятия соглашения. Обвиняемый имеет право на квалифицированную юридическую помощь на всех стадиях заключения соглашения, что является важнейшим аспектом защиты его процессуальных и конституционных прав [323].

Несмотря на законодательную возможность применения подобных соглашений, на практике в Австрии они исполь-

зуются достаточно ограниченно. Причины этого заключаются в традициях австрийской судебной системы, основанной на принципе обязательного полного судебного разбирательства. Кроме того, широкое применение процессуальных соглашений вызывает опасения общественности и экспертного сообщества относительно возможного неравенства сторон, особенно в ситуациях, когда обвиняемые могут использовать финансовые ресурсы для того, чтобы избежать полноценного уголовного наказания, что негативно отражается на доверии к системе правосудия [323].

Таким образом, хотя процессуальные соглашения о признании вины в Австрии предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством и могут эффективно способствовать разгрузке судебной системы, их применение остаётся ограниченным. Ключевое значение при заключении таких соглашений имеют строгие гарантии добровольности признания вины, контроль со стороны суда и защита прав обвиняемого, что соответствует принципам прав человека и обеспечивает справедливость уголовного процесса.

В Бельгии институт процессуальных соглашений о признании вины (сделки о признании вины, или так называемая процедура «уголовного урегулирования») получил официальное законодательное закрепление в 2011 году путём внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Бельгии (*Code d'instruction criminelle*) [324]. Основной целью введения данной процедуры являлось ускорение процесса рассмотрения уголовных дел и уменьшение нагрузки на судебную систему, что позволило значительно оптимизировать уголовное судопроизводство.

Согласно статье 216bis Уголовно-процессуального кодекса Бельгии, процессуальное соглашение о признании вины представляет собой договорённость между прокурором и обвиняемым, по условиям которой обвиняемый признаёт факт совершения преступления и соглашается выполнить ряд условий, главным образом финансового характера (например, уплатить штраф или возместить причинённый преступлением ущерб). Взамен обвинение отказывается от

дальнейшего судебного преследования, а дело прекращается без рассмотрения судом по существу [324, 325].

Процессуальные соглашения могут заключаться лишь по определённым категориям уголовных дел. В бельгийском законодательстве установлены ограничения, касающиеся тяжести преступления и наказания, предусмотренного за него. Процедура уголовного урегулирования применяется преимущественно по делам об экономических преступлениях, коррупции, мошенничестве, налоговых правонарушениях и иных ненасильственных преступлениях, максимальное наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы [326]. Использование таких соглашений в отношении тяжких насильственных преступлений, таких как убийства или тяжёлые телесные повреждения, запрещено законом и не допускается в судебной практике, поскольку не соответствует принципам справедливости и защиты прав потерпевших [327].

Важнейшим условием заключения процессуального соглашения в Бельгии является добровольность признания обвиняемым своей вины, а также обязательное присутствие адвоката, который должен обеспечить, чтобы обвиняемый чётко понимал последствия заключения соглашения. Кроме того, обвиняемый не должен подвергаться какому-либо давлению со стороны следственных органов или прокуратуры. Данные требования направлены на защиту прав обвиняемого и гарантирование соблюдения его процессуальных прав, в том числе права на справедливое судебное разбирательство, закреплённого в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [325, 327].

Процедура заключения соглашения проходит в несколько последовательных этапов. Сначала прокурор выступает с инициативой предложить обвиняемому возможность заключения соглашения. Затем следуют переговоры сторон о конкретных условиях урегулирования, которые фиксируются в письменном соглашении. На следующем этапе соглашение представляется в суд, который осуществляет обязательный судебный контроль законности и справедливости условий соглашения. Судья проверяет, были ли соблюдены требова-

ния закона, добровольность согласия обвиняемого, а также соответствие соглашения интересам общества и потерпевших. Только после утверждения соглашения судом уголовное дело прекращается окончательно [324, 328].

На практике в Бельгии заключение процессуальных соглашений позволило существенно ускорить процесс рассмотрения уголовных дел, особенно экономических преступлений, и обеспечить возмещение ущерба государству и потерпевшим. Например, с 2012 по 2023 год прокуратура Бельгии активно использовала данный механизм для урегулирования громких коррупционных дел и финансовых преступлений, в результате чего в бюджет страны были возвращены значительные денежные средства [326]. Вместе с тем институт сделок о признании вины регулярно подвергается критике со стороны правозащитных организаций и экспертов, указывающих на потенциальные риски, связанные с неравенством сторон, а также с возможностью «откупиться» от наказания, особенно для обвиняемых с высокими финансовыми возможностями [327, 328].

Таким образом, в Бельгии процессуальные соглашения о признании вины являются важным элементом уголовно-процессуальной системы, направленным на упрощение и ускорение судопроизводства по ненасильственным преступлениям. При этом законодательством и судебной практикой предусмотрены строгие гарантии защиты прав обвиняемых, включая обязательный судебный контроль и участие адвоката. В дальнейшем развитие данного института будет связано с поиском оптимального баланса между эффективностью уголовного процесса и соблюдением прав человека.

В уголовном судопроизводстве Швейцарии институт процессуальных соглашений о признании вины не представлен в виде классической формы *plea bargaining*, характерной для англосаксонской правовой системы, однако существуют аналогичные механизмы, направленные на упрощение и ускорение процедуры рассмотрения уголовных дел [329]. Швейцарская модель характеризуется двумя основными процедурами, имеющими сходство с соглашениями о признании вины: упрощенным судопроизводством («*abgekürztes*

Verfahren») и приказным производством («Strafbefehlverfahren») [330].

Институт упрощённого судопроизводства в Швейцарии регулируется статьями 358 – 362 Уголовно-процессуального кодекса (Schweizerische Strafprozessordnung – StPO), который вступил в силу в 2011 году. Эта процедура применяется в случаях, когда обвиняемый полностью признаёт свою вину, соглашается с квалификацией деяния, а также с предложенной прокуратурой мерой наказания [331]. В рамках упрощённого судопроизводства прокурор и обвиняемый (в обязательном присутствии адвоката) согласовывают текст обвинительного заключения и меру наказания, после чего соглашение передаётся на утверждение судье. Судья проверяет законность и справедливость соглашения, а также соблюдение прав обвиняемого, включая его добровольное согласие и понимание всех юридических последствий признания вины [332]. Если суд приходит к выводу, что условия соглашения соответствуют закону, он утверждает его в виде приговора, после чего уголовное дело считается завершённым [331].

Вторая процедура – приказное производство («Strafbefehlverfahren») – представляет собой широко распространённый в Швейцарии механизм рассмотрения дел по преступлениям небольшой и средней тяжести, наказание за которые не превышает шести месяцев лишения свободы или предусматривает денежный штраф [330]. Особенностью приказного производства является то, что прокурор имеет право единолично выносить приговор в виде письменного постановления (Strafbefehl) без судебного разбирательства. При этом обвиняемый вправе принять предложенные условия или оспорить постановление прокурора в течение десяти дней [330]. В случае несогласия обвиняемого дело передаётся в обычное судебное производство.

Важнейшим аспектом обоих указанных механизмов является обеспечение защиты прав обвиняемого, в частности добровольность признания вины, отсутствие какого-либо давления со стороны прокуратуры и полиции, обязательное участие адвоката и судебный контроль за законностью соглашения. Эти условия напрямую связаны с требованиями

статьи 6 Европейской конвенции по правам человека о праве на справедливое судебное разбирательство, соблюдение которых является обязательным для Швейцарии как члена Совета Европы [333].

В практике применения швейцарских процедур, аналогичных соглашениям о признании вины, особое внимание уделяется предотвращению возможных нарушений прав обвиняемых и рисков злоупотреблений со стороны прокуратуры. Судебный контроль на этапе утверждения соглашений является существенной гарантией защиты обвиняемого от давления и обеспечивает прозрачность и справедливость уголовного процесса [332]. Вместе с тем, использование этих процедур позволило существенно разгрузить судебную систему Швейцарии и ускорить рассмотрение уголовных дел, особенно по преступлениям экономической направленности и небольшой тяжести, где необходимость проведения полноценного судебного разбирательства ограничена.

Тем не менее, применение данных процедур сопровождается определённой критикой со стороны ряда правозащитных организаций и части юридического сообщества, которые указывают на риск формального подхода при вынесении приказов прокуратурой, недостаточный судебный контроль и возможность психологического давления на обвиняемых. В связи с этим подчёркивается необходимость строгого соблюдения законодательных гарантий и права на обжалование решений прокурора, вынесенных в рамках приказного производства [334].

Таким образом, хотя в Швейцарии отсутствует классический институт *plea bargaining*, существующие механизмы упрощённого и приказного производства выполняют аналогичные функции и направлены на оптимизацию уголовного процесса при условии строгого соблюдения стандартов прав человека и процессуальных гарантий.

В отличие от ряда других европейских государств, в уголовно-процессуальном законодательстве Лихтенштейна не предусмотрена возможность заключения формальных соглашений между прокуратурой и обвиняемым, предусматри-

вающих признание вины в обмен на смягчение наказания или иные процессуальные льготы [335].

Особенностью уголовно-процессуальной системы Лихтенштейна является её ориентация на принцип объективной истины и всестороннее исследование обстоятельств уголовного дела судом первой инстанции. В этой системе признание вины обвиняемым рассматривается исключительно как одно из доказательств и не ведёт к автоматическому упрощению судебного разбирательства или назначению более мягкого наказания [336]. Уголовно-процессуальный кодекс Лихтенштейна (Strafprozessordnung, далее – УПК Лихтенштейна), принятый в 1988 году и базирующийся на принципах австрийского уголовного процесса, сохраняет строгий судебный контроль за ходом дела и предусматривает активную роль следственного судьи в ходе досудебного производства, направленную на объективный сбор доказательств и защиту прав обвиняемых [335][337].

Несмотря на отсутствие формального института соглашений о признании вины, в практике уголовного судопроизводства Лихтенштейна существуют механизмы, которые позволяют сократить процедуру уголовного процесса в случаях, когда обвиняемый признаёт свою вину. Например, при рассмотрении менее тяжких преступлений прокурор может запросить упрощённое судопроизводство, однако окончательное решение всегда принимает суд, и признание вины не является обязательным условием для применения этой процедуры [336]. Суд в каждом случае обязан проверить достоверность признания, его добровольность и соответствие другим доказательствам по делу, что исключает возможность автоматического влияния признания обвиняемого на итоговое судебное решение [337].

Особое внимание в законодательстве Лихтенштейна уделяется вопросам защиты прав человека в уголовном процессе. Законодательством и судебной практикой закреплены гарантии защиты прав обвиняемых, такие как право на юридическую помощь, право на справедливое судебное разбирательство, а также защита от принуждения к самообвинению. Эти принципы соответствуют требованиям статьи 6 Евро-

пейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязательной для Лихтенштейна [338].

Вместе с тем, отсутствие института соглашений о признании вины в законодательстве Лихтенштейна связано с традиционным подходом к уголовному судопроизводству, который акцентирует внимание на всестороннем судебном исследовании дела и исключает возможность договорённостей, воспринимаемых как нарушение принципов справедливости и равенства перед законом [335][337]. В юридической литературе подчёркивается, что данный подход обусловлен также относительно небольшим объёмом уголовных дел и низкой степенью загруженности судов, что делает применение процессуальных соглашений неактуальным и неэффективным в условиях Лихтенштейна [336].

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Лихтенштейна не предусматривает институт процессуальных соглашений о признании вины в классическом понимании. Судебная практика ориентирована на объективное и всестороннее рассмотрение уголовных дел, где признание вины обвиняемым является лишь одним из доказательств, оцениваемым судом наряду с другими материалами дела. При этом соблюдаются строгие стандарты защиты прав человека, закреплённые в национальном законодательстве и международных договорах.

Уголовно-процессуальное законодательство Великого Герцогства Люксембург основывается на континентальной правовой традиции и принципе обязательности уголовного преследования, согласно которому прокуратура не имеет права произвольно отказываться от предъявления обвинений или договариваться с обвиняемым о признании вины в обмен на смягчение наказания [337].

В уголовном судопроизводстве Люксембурга признание обвиняемым своей вины является одним из доказательств, но само по себе не служит основанием для автоматического упрощения или прекращения уголовного дела. Признание вины обвиняемым обязательно проверяется судом, который обязан всесторонне исследовать все обстоятельства совершённого преступления и установить объективную истину

[338]. Это связано с необходимостью соблюдения принципов уголовного процесса, закреплённых в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), в соответствии с которой каждое уголовное дело должно быть рассмотрено объективно, независимо от позиции обвиняемого и наличия его признания [339].

Хотя формальные сделки о признании вины в Люксембурге отсутствуют, законодательство предусматривает иные процессуальные механизмы, способные ускорить рассмотрение дела. К ним относятся упрощённые судебные процедуры по менее тяжким правонарушениям, например, судебные приказы (*ordonnances pénales*), которые позволяют судье единолично вынести постановление о назначении штрафа за малозначительные правонарушения без проведения полноценного судебного разбирательства. Однако в отличие от типичных *plea bargaining*, данные процедуры не предполагают обязательного признания вины со стороны обвиняемого и не являются результатом соглашения с прокуратурой [337].

В то же время, в последнее десятилетие в Люксембурге неоднократно поднимался вопрос о возможности введения процессуальных соглашений о признании вины, особенно по экономическим преступлениям, налоговым правонарушениям и делам о коррупции, в целях повышения эффективности уголовного процесса и разгрузки судебной системы [337]. Однако до настоящего времени подобные законодательные инициативы не были реализованы из-за опасений юридического сообщества относительно возможного нарушения принципов равенства и справедливости судебного разбирательства, а также риска коррупционных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов [338].

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве Люксембурга отсутствует институт процессуальных соглашений о признании вины. Признание вины является лишь одним из доказательств, рассматриваемых судом при вынесении приговора, и не влияет напрямую на процессуальные последствия или смягчение наказания. При этом система уголовного судопроизводства Люксембурга строго

придерживается стандартов защиты прав обвиняемых, закреплённых в национальном законодательстве и международных обязательствах, таких как ЕКПЧ

Правовая система Монако основана на континентальной традиции (романо-германской правовой семье), где центральное место занимают принципы законности и объективной истины, что исключает возможность формального заключения соглашений между прокурором и обвиняемым о признании вины в обмен на смягчение наказания или другие процессуальные преимущества [339].

Признание вины обвиняемым в Монако является важным доказательством, однако оно не имеет автоматического влияния на процедуру уголовного процесса или на меру наказания. Суд обязан всесторонне и объективно рассмотреть дело, независимо от того, признаёт ли обвиняемый свою вину, что соответствует международным стандартам справедливого судебного разбирательства, закреплённым в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) [340]. Согласно практике Европейского суда по правам человека, которая является обязательной для Княжества Монако, суд должен убедиться в добровольности и достоверности признания вины обвиняемым, исключая любое давление со стороны органов расследования [340].

Вместе с тем, законодательство Монако допускает применение отдельных процедур, направленных на ускорение рассмотрения уголовных дел, хотя они существенно отличаются от процессуальных соглашений. Например, предусмотрено упрощённое производство по малозначительным правонарушениям, по которым суд может вынести решение без проведения длительного судебного разбирательства, если обвиняемый не оспаривает предъявленные обвинения. Однако, даже в этом случае признание вины не рассматривается как соглашение с прокуратурой, а суд самостоятельно принимает решение о достаточности доказательств и справедливости назначаемого наказания [341].

В последние годы в юридическом сообществе Монако обсуждалась возможность введения института процессуаль-

ных соглашений о признании вины по экономическим преступлениям и коррупционным делам, по аналогии с другими европейскими странами, такими как Франция или Бельгия [342]. Тем не менее, такие инициативы пока не получили законодательной поддержки из-за опасений, связанных с возможными нарушениями принципов равенства перед законом и рисками коррупционных злоупотреблений.

Поитожим что, в законодательстве Монако отсутствует институт процессуальных соглашений о признании вины, а уголовное судопроизводство основано на строгом соблюдении принципов объективного и беспристрастного рассмотрения дела. Признание вины является лишь одним из доказательств, подлежащих проверке в судебном заседании, и не имеет формальных процессуальных последствий, свойственных соглашениям о признании вины в других странах.

Анализ применения процессуальных соглашений о признании вины в странах Западной Европы показывает, что данный институт выполняет важную функцию в системе уголовного судопроизводства, позволяя ускорить рассмотрение дел, снизить нагрузку на суды и способствовать более гибкому применению наказаний. Однако, несмотря на его эффективность, практика заключения подобных соглашений значительно различается в зависимости от правовой традиции каждой страны.

В государствах с англосаксонской системой (Великобритания) процессуальные соглашения являются важнейшим элементом правосудия и широко применяются при соблюдении строгого судебного контроля, гарантирующего защиту прав обвиняемого и потерпевших. В странах континентальной Европы (Франция, Германия, Австрия, Бельгия, Швейцария, Нидерланды) механизм *plea bargaining* был адаптирован с учетом национальных особенностей и используется более ограниченно, преимущественно в сфере ненасильственных преступлений, таких как экономические превонареждения, коррупция и налоговые преступления.

Несмотря на формальное закрепление соглашений о признании вины в уголовно-процессуальных кодексах большинства европейских стран, их применение сопровождается

рядом правовых и этических проблем. Одной из ключевых является риск нарушения прав обвиняемого, включая возможность давления со стороны прокуратуры, ограниченность юридической осведомленности подозреваемых и неравенство сторон, связанное с финансовыми возможностями обвиняемых. Кроме того, соглашения могут восприниматься обществом как инструмент избежания наказания для лиц с высоким социальным статусом, что порождает критику в отношении принципа равенства перед законом.

Таким образом, институт процессуальных соглашений продолжает эволюционировать, находя баланс между эффективностью уголовного процесса и соблюдением фундаментальных принципов справедливости и прав человека. Перспективы его дальнейшего развития связаны с усилением судебного контроля, расширением гарантий прав обвиняемого и потерпевших, а также адаптацией международного опыта с учетом национальных правовых традиций.

3.2 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран восточной Европы.

Институт процессуальных соглашений (сделок) о признании вины получил широкое распространение в уголовном процессе многих стран Восточной Европы в последние два десятилетия. Будучи заимствованным преимущественно из англосаксонской правовой системы, данный механизм направлен на оптимизацию уголовного судопроизводства, снижение нагрузки на судебную систему и повышение её эффективности. Вместе с тем, использование соглашений о признании вины порождает значительные дискуссии в юридическом сообществе, связанные с рисками ущемления прав обвиняемых и возможными нарушениями стандартов справедливого правосудия.

В странах Восточной Европы соглашения о признании вины закреплены в национальных уголовно-процессуальных кодексах, однако имеют значительные отличия в процедурах их заключения и сферах применения [343].

Уголовное судопроизводство Российской Федерации основывается на принципах, закреплённых Конституцией Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ). К числу таких принципов относятся законность, презумпция невиновности, состязательность сторон, право на защиту, гласность и равноправие сторон [344]. Одним из значимых процессуальных институтов, отражающих развитие уголовного процесса в России в контексте его гуманизации и повышения эффективности, является институт процессуальных соглашений о признании вины, именуемый также «сделками с правосудием».

Процессуальные соглашения о признании вины в России официально закреплены Федеральным законом от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ, которым в УПК РФ была введена глава 40.1 («Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»). Согласно положениям этой главы, обвиняемый может добровольно признать свою вину, а также обязуется активно содействовать расследованию преступления, изобличению соучастников или раскрытию иных преступлений, взамен чего ему гарантируется назначение более мягкого наказания, не превышающего двух третей максимального срока, предусмотренного законом за совершённое преступление (ч. 2 ст. 62 УК РФ) [344, 345].

Процедура заключения процессуального соглашения о признании вины строго регламентирована законом и проходит несколько этапов. Инициатива заключения соглашения может исходить как от обвиняемого и его защитника, так и от прокурора. Соглашение составляется в письменной форме и подлежит обязательному утверждению прокурором, после чего направляется в суд для рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40.1 УПК РФ) [345].

Согласно требованиям ст. 317.7 УПК РФ, суд при рассмотрении дела в порядке процессуального соглашения обязан убедиться в добровольности заключения сделки, отсутствии принуждения к признанию вины, а также в том, что обвиняемый полностью осознаёт последствия заключения соглашения. Суд может отказать в утверждении соглашения,

если усмотрит нарушение прав обвиняемого или несоразмерность предложенного наказания совершившему преступлению. Отказ суда от утверждения соглашения влечёт за собой возврат дела для проведения предварительного расследования в общем порядке (ст. 317.8 УПК РФ) [346].

Сфера применения соглашений о признании вины ограничена законом – они применяются преимущественно при расследовании преступлений экономической направленности, коррупционных правонарушений, а также в случаях расследования преступлений, совершённых в составе организованных групп и преступных сообществ, когда раскрытие преступления сопряжено с особыми трудностями. Вместе с тем соглашения о признании вины не допускаются по преступлениям небольшой тяжести, а также по тяжким преступлениям против жизни и здоровья, половой неприкосновенности несовершеннолетних и некоторым другим составам, указанным в законе [346].

В российской судебной практике соглашения о признании вины получили широкое распространение и показали свою эффективность, прежде всего, в расследовании организованной преступности, коррупционных и экономических преступлений. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2022 год, примерно в 15% рассмотренных судами уголовных дел применялся особый порядок судопроизводства, связанный с заключением соглашений о признании вины [347]. Данный механизм позволяет существенно снизить нагрузку на судебную систему и ускорить процесс расследования и рассмотрения уголовных дел.

Однако правоприменительная практика выявила ряд проблем применения данного института. Прежде всего, существует риск принуждения обвиняемых к признанию вины и заключению соглашения под давлением следственных органов, что противоречит принципам добровольности и справедливости уголовного судопроизводства. В докладах российских и международных правозащитных организаций отмечаются случаи, когда обвиняемые вынуждены заключать сделки под угрозой более сурового наказания в случае отказа от сотрудничества со следствием [348].

В этой связи Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 28 июня 2012 г. № 16 разъяснил судам необходимость тщательной проверки добровольности соглашения о признании вины, обоснованности его заключения и строгого соблюдения прав обвиняемых. Судам рекомендовано тщательно оценивать доказательства и не допускать утверждения соглашений, если есть признаки давления на обвиняемого или его защитника [349].

Актуальной задачей для российского уголовного процесса остаётся обеспечение эффективного судебного контроля за процессом заключения соглашений о признании вины. Кроме того, обсуждается необходимость дальнейшей доработки процессуального законодательства с целью минимизации рисков нарушения прав обвиняемых, повышения прозрачности переговоров и введения дополнительных гарантий добровольности соглашений [350].

Таким образом, институт соглашений о признании вины в уголовном судопроизводстве Российской Федерации стал важным механизмом, способствующим ускорению и упрощению судебных процедур. Однако его применение требует дальнейшего совершенствования с точки зрения соблюдения принципов добровольности, справедливости и процессуальных гарантий защиты прав участников уголовного процесса.

Институт процессуальных соглашений о признании вины является относительно новым явлением в уголовно-процессуальном законодательстве Украины и официально введен с принятием нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) в 2012 году [351]. Реформа была направлена на гуманизацию и оптимизацию уголовного процесса, сокращение сроков рассмотрения уголовных дел, а также улучшение общей эффективности судебной системы, путем разгрузки судов и органов следствия.

В украинском уголовном процессе предусмотрены два типа процессуальных соглашений: соглашение о признании вины и соглашение о примирении между обвиняемым и потерпевшим (ст. 468 УПК Украины) [351]. Соглашение о признании вины представляет собой договоренность между прокурором и подозреваемым или обвиняемым, по условиям

которого последний добровольно признает свою вину в совершении преступления, соглашается сотрудничать со следствием и выполняет предусмотренные соглашением условия (например, возмещение ущерба, предоставление показаний против соучастников преступления и др.) в обмен на смягчение наказания или изменение квалификации деяния на менее тяжкое (ст. 469 УПК Украины) [351].

Процессуальные соглашения в Украине могут быть заключены только в отношении уголовных правонарушений небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлений при условии полного признания обвиняемым своей вины и согласования условий наказания с прокурором. При этом, законодательством Украины установлен ряд ограничений для заключения таких сделок, касающихся особо тяжких преступлений, включая умышленные убийства, терроризм, изнасилования и иные тяжкие насилистственные преступления (ст. 469 ч.4 УПК Украины) [351].

Процедура заключения соглашения о признании вины проходит несколько обязательных стадий. Первая стадия включает инициирование соглашения, когда обвиняемый (подозреваемый) или прокурор заявляет о своем намерении заключить сделку. Вторая стадия – переговоры сторон, в ходе которых обсуждаются условия признания вины, квалификация преступления, предполагаемое наказание и иные существенные условия. Вторая стадия завершается составлением письменного соглашения, которое обязательно подписывается сторонами и защитником обвиняемого. На третьей стадии соглашение представляется в суд, который проверяет его законность, добровольность признания, а также соблюдение прав обвиняемого (ст. 474-475 УПК Украины) [351].

Особое внимание уделяется судебному контролю на стадии утверждения соглашения. Суд обязан убедиться в добровольности заключения соглашения, отсутствии давления на обвиняемого, а также адекватности предложенного наказания тяжести совершенного деяния. Суд вправе отказать в утверждении соглашения, если сочтет, что условия соглашения противоречат интересам правосудия, правам потерпевшего или обвиняемого, или если обнаружит при-

знаки принуждения обвиняемого к признанию вины (ст. 474 ч.7 УПК Украины) [352].

Практическое применение процессуальных соглашений о признании вины в Украине показывает, что данный механизм способствует значительному ускорению судебного разбирательства, сокращению нагрузки на судебные органы и облегчению работы прокуратуры. Согласно данным Верховного Суда Украины, за 2022 год более 20% уголовных дел были рассмотрены судами с применением соглашений о признании вины, причем наибольшая доля таких соглашений приходится на дела о коррупционных и экономических преступлениях [353].

В то же время, в украинской правоприменительной практике сохраняются и проблемные аспекты применения соглашений о признании вины. В частности, ряд экспертов указывает на возможное давление со стороны органов следствия на обвиняемых с целью принуждения их к признанию вины и сотрудничеству со следствием, что может нарушать базовые принципы уголовного процесса и международные стандарты в области прав человека, включая презумпцию невиновности и право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека [354].

В свете этих проблем украинскими экспертами и право-защитными организациями предлагаются законодательные меры по повышению процессуальных гарантит защиты прав обвиняемых. Среди предложений: усиление судебного контроля за добровольностью соглашений, введение дополнительных процедурных гарантит защиты обвиняемых, а также ограничение возможности использования соглашений по наиболее чувствительным категориям преступлений, чтобы исключить любые злоупотребления и давление на обвиняемого [355].

Таким образом, институт соглашений о признании вины в уголовном процессе Украины представляет собой эффективный инструмент оптимизации судопроизводства, который позволяет сократить время рассмотрения дел и повысить эффективность правосудия. Однако полноценная реали-

зация данного института требует усиления процессуальных гарантий защиты прав обвиняемых, повышения роли судебного контроля и дальнейшей гармонизации украинского законодательства с международными стандартами в области защиты прав человека.

Институт процессуальных соглашений о признании вины в уголовном процессе Республики Беларусь появился сравнительно недавно и получил официальное законодательное закрепление в 2015 году с внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси). Целью введения данного института стало повышение эффективности уголовного судопроизводства, ускорение рассмотрения дел и снижение нагрузки на суды и правоохранительные органы путём добровольного признания обвиняемым своей вины и упрощения судебного разбирательства [356].

Согласно положениям главы 49-1 УПК Беларуси («Особенности производства по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»), соглашение о признании вины представляет собой сделку между обвиняемым и прокурором, при которой обвиняемый добровольно признаёт себя виновным и содействует раскрытию преступления, а взамен ему может быть назначено более мягкое наказание или применены иные меры уголовно-правового характера. Заключение таких соглашений возможно исключительно при соблюдении принципов добровольности, справедливости и законности, а также при обеспечении полного соблюдения процессуальных гарантий обвиняемого [356].

В соответствии с нормами ст. 468 УПК Беларуси, процессуальные соглашения о признании вины применяются только в отношении преступлений, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести, а также в отдельных случаях тяжких преступлений экономического и коррупционного характера. При этом законодательством прямо запрещено заключение сделок в отношении особо тяжких преступлений, преступлений против жизни и здоровья человека, терроризма, а также преступлений, связанных с государственной изменой или шпионажем, поскольку заключение таких

соглашений признается противоречащим интересам государства и общества [357].

Процедура заключения процессуальных соглашений о признании вины в Беларуси включает несколько этапов. На первом этапе инициатива может исходить как от прокурора, так и от самого обвиняемого или его защитника. Второй этап предполагает проведение переговоров между сторонами, в ходе которых согласовываются условия соглашения, включая степень признания вины обвиняемым, форму и пределы наказания, обязательства обвиняемого по содействию следствию, а также обязательное возмещение причинённого ущерба. Третий этап заключается в составлении и подписании сторонами письменного соглашения, которое затем направляется прокурору для утверждения. Третий этап предполагает обязательное утверждение сделки прокурором и последующее направление соглашения в суд для проверки на предмет соответствия требованиям закона (ст. 468-471 УПК Беларусь) [356].

Суд, рассматривая дело с применением процессуального соглашения, обязан тщательно проверить законность и добровольность признания вины обвиняемым, убедиться в отсутствии давления или угроз со стороны органов следствия, а также оценить соответствие условий соглашения интересам правосудия и общества. Если суд усматривает нарушение этих условий, он вправе отказать в утверждении сделки и направить дело на рассмотрение в общем порядке (ст. 472 УПК Беларусь) [357].

Судебная практика Беларуси свидетельствует о достаточно сдержанном подходе к использованию данного института. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2022 году процессуальные соглашения применялись в судебной практике в ограниченном количестве – около 5-7 % от общего числа рассмотренных уголовных дел. Основная доля соглашений приходилась на экономические преступления, налоговые правонарушения, а также коррупционные дела, в которых заключение соглашений позволяло значительно сократить сроки рассмотрения дел и обеспечить воз-

врат в бюджет похищенных или причинённых преступлением средств [357].

Однако в правовой науке Беларуси и среди правозащитных организаций отмечаются существенные проблемы и риски, связанные с применением процессуальных соглашений. Основная критика сводится к риску злоупотреблений и возможного оказания давления на обвиняемых с целью побуждения к признанию вины. Кроме того, отмечается недостаточность судебного контроля за процессом заключения сделок, что может создавать условия для нарушений принципов добровольности и презумпции невиновности, закреплённых Конституцией Беларуси и международными обязательствами страны [358].

Для минимизации указанных рисков в правовой литературе предлагается усилить процессуальные гарантии для обвиняемых, обязать суд более тщательно проверять соблюдение добровольности соглашения, а также обеспечить возможность пересмотра таких соглашений в случае выявления нарушений прав обвиняемых [358]. Такие изменения могли бы существенно повысить эффективность и справедливость использования института соглашений о признании вины.

Таким образом, институт процессуальных соглашений о признании вины в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь пока имеет ограниченное применение, в основном в экономической сфере. Его развитие требует совершенствования законодательства и практики применения, направленных на усиление защиты прав обвиняемых и повышение прозрачности процедур заключения соглашений.

Институт процессуальных соглашений о признании вины является важным элементом уголовного судопроизводства Республики Молдова и направлен на повышение эффективности судебной системы, разгрузку судов, а также гуманизацию уголовного наказания. Данный институт был введен в уголовный процесс Республики Молдова с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова от 14 марта 2003 года (далее – УПК РМ) и с тех пор активно применяется в судебной практике страны [359].

Согласно положениям главы XV («Особый порядок рассмотрения уголовного дела на основании соглашения о признании вины») УПК РМ, процессуальное соглашение представляет собой договорённость между прокурором и обвиняемым, при которой обвиняемый добровольно признаёт себя виновным, содействует раскрытию преступления и компенсирует причинённый вред, взамен чего может рассчитывать на назначение судом более мягкого наказания или применение иных мер, предусмотренных уголовным законом [360].

В соответствии со ст. 504 УПК Республики Молдова, процессуальное соглашение о признании вины может заключаться по инициативе обвиняемого, его защитника или прокурора на любой стадии предварительного следствия, вплоть до передачи уголовного дела в суд. Процедура заключения соглашения предполагает несколько этапов: подача ходатайства одной из сторон, проведение переговоров с обязательным участием защитника обвиняемого, заключение письменного соглашения и его последующая передача в суд. Суд при рассмотрении дела обязан проверить законность и добровольность заключения соглашения, убедиться в отсутствии принуждения или давления на обвиняемого, а также в том, что условия соглашения соответствуют требованиям закона и принципам справедливости (ст. 509-511 УПК Республики Молдова) [361].

Законодательство Республики Молдова чётко ограничивает сферу применения соглашений о признании вины. Согласно УПК Республики Молдова, заключение таких соглашений возможно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, а также тяжких экономических и коррупционных преступлений, если обвиняемый признал свою вину и полностью возместил ущерб, причинённый государству или потерпевшему. Однако применение процессуальных соглашений исключено при рассмотрении особо тяжких преступлений против жизни и здоровья человека, терроризма и преступлений против государственной безопасности, ввиду необходимости соблюдения принципов справедливости и общественного интереса (ст. 504-505 УПК Республики Молдова) [362].

Анализ судебной практики Республики Молдова показывает, что наиболее активно процессуальные соглашения о признании вины применяются в делах о коррупционных преступлениях, мошенничестве, экономических и финансовых правонарушениях. По данным Высшего совета магистратуры Республики Молдова за 2022 год, более 25% уголовных дел экономической направленности завершены с применением процессуальных соглашений, что позволило существенно сократить сроки рассмотрения дел и повысить уровень возмещения ущерба государству и пострадавшим сторонам [363].

Однако применение данного института выявило и определённые проблемы. В частности, правозащитные организации указывают на риск нарушения прав обвиняемых и возможного оказания на них давления со стороны следственных органов с целью получения признательных показаний. В некоторых случаях соглашения заключаются обвиняемыми не добровольно, а под угрозой назначения более строгого наказания в случае отказа от сотрудничества со следствием. В связи с этим возникает необходимость усиления судебного контроля и введения дополнительных процессуальных гарантий, направленных на исключение принуждения обвиняемых к признанию вины [364].

С целью минимизации данных рисков Верховный Суд Республики Молдова выпустил в 2022 году разъяснения, в которых подчёркнута важность тщательной проверки судами условий соглашений, соблюдения принципа добровольности и отсутствия любых форм давления на обвиняемых при заключении сделок [365]. Также предлагается внести дополнительные законодательные изменения для усиления процессуальных гарантий, в частности – установить право обвиняемого на пересмотр условий соглашения при выявлении новых обстоятельств и усилить требования к прозрачности ведения переговоров между сторонами [366].

Таким образом, институт процессуальных соглашений о признании вины в уголовном процессе Республики Молдова зарекомендовал себя как эффективный инструмент ускорения рассмотрения уголовных дел и улучшения правоприме-

нительной практики, особенно в экономических преступлениях. Однако его дальнейшее развитие требует усиления процессуальных гарантит и соблюдения международных стандартов защиты прав обвиняемых, что должно стать основным направлением последующих реформ в уголовном судопроизводстве Республики Молдова.

Институт процессуальных соглашений о признании вины в уголовном процессе Республики Беларусь относительно недавно получил законодательное закрепление в результате реформы уголовно-процессуального законодательства, вступившей в силу в 2015 году. Основными целями введения данного института стали оптимизация судебного разбирательства, повышение эффективности уголовного судопроизводства и разгрузка судебных органов и следственных подразделений от большого количества уголовных дел [367].

Согласно главе 49-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси), процессуальное соглашение представляет собой письменную договорённость между прокурором и обвиняемым, при которой обвиняемый добровольно признаёт свою вину и оказывает содействие следствию в расследовании преступления или изобличении иных лиц, совершивших преступления, в обмен на возможность назначения более мягкого наказания [367]. При этом законодательство особо подчеркивает, что процессуальные соглашения должны заключаться исключительно на добровольной основе, без принуждения или угроз.

Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь предусмотрено ограничение круга преступлений, по которым возможно заключение процессуальных соглашений. Так, согласно ст. 468 УПК Беларуси, сделка может быть применена к преступлениям небольшой и средней тяжести, а также к некоторым категориям тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, если обвиняемый готов возместить причинённый ущерб или компенсировать последствия своих действий [368]. В то же время закон запрещает заключение соглашений в отношении особо тяжких преступлений, а также преступлений, связанных с насилием, терроризмом, государственной изменой и шпионажем,

поскольку по таким категориям преступлений приоритетом является защита общественных интересов и безопасности государства [368].

Процедура заключения соглашений о признании вины состоит из нескольких этапов. Первый этап предполагает инициативу сторон: как обвиняемый (его защитник), так и прокурор могут выступить с предложением заключить сделку. Второй этап включает переговоры, в ходе которых обсуждаются условия признания вины, степень содействия обвиняемого следствию и возможные меры наказания. Обязательным условием заключения соглашения является участие защитника обвиняемого, что направлено на исключение возможного давления на обвиняемого и обеспечение добровольности сделки [369]. После согласования условий, на третьем этапе, прокурор утверждает соглашение и направляет его в суд, который обязан проверить соблюдение добровольности заключения соглашения, его законность и соответствие общественным интересам и принципам справедливости. Если суд установит, что имели место нарушения или несоразмерность условий соглашения, он может отказать в его утверждении, и дело будет рассмотрено в общем порядке (ст. 472 УПК Беларуси) [370].

Согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь за 2022 год, институт соглашений о признании вины применяется достаточно ограниченно, в пределах 5–7 % от общего количества рассмотренных судами уголовных дел. Большинство таких соглашений заключалось в делах о налоговых преступлениях, мошенничестве, экономических правонарушениях и коррупции [371]. При этом, по мнению экспертов, потенциал данного института раскрыт не полностью ввиду ограничений в законодательстве и осторожного подхода прокуратуры и судов [372].

Проблемы применения данного института, отмеченные в юридической литературе и аналитических отчётах правоохранительных организаций, включают риски давления на обвиняемых со стороны следствия, недостаточную прозрачность переговоров, а также ограниченный судебный контроль, который иногда носит формальный характер [373]. В целях

устранения данных недостатков, в юридической литературе Беларуси высказываются предложения по совершенствованию процессуальных гарантiiй, а именно: расширению полномочий судов по проверке добровольности и осведомлённости обвиняемых, введению механизма пересмотра соглашений в случае выявления нарушений и усилению адвокатской защиты обвиняемых на всех стадиях заключения сделок [374].

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшую долю дел, рассматриваемых с применением процессуальных соглашений о признании вины, данный институт имеет существенный потенциал для повышения эффективности уголовного судопроизводства в Беларуси. Вместе с тем для полноценного развития этого механизма необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и судебной практики с целью исключения рисков нарушения прав человека и повышения уровня процессуальных гарантiiй защиты обвиняемых.

Процессуальные соглашения о признании вины (*plea bargaining*) в Венгрии представляют собой правовой механизм, направленный на ускорение уголовного судопроизводства, сокращение судебных издержек и повышение эффективности привлечения обвиняемых к ответственности. Введение данного института в венгерскую правовую систему было обусловлено стремлением оптимизировать уголовный процесс и снизить нагрузку на суды, а также привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами, включая положения Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ) [375].

Венгрия официально закрепила возможность заключения процессуальных соглашений о признании вины в Уголовно-процессуальном кодексе 2017 года (Act XC of 2017 on the Criminal Procedure, далее – УПК Венгрии) [376]. В соответствии с положениями кодекса соглашение может быть заключено на досудебной стадии между прокуратурой и обвиняемым при обязательном участии защитника. Данный механизм применяется в делах о преступлениях средней тяжести, а также в некоторых случаях экономических и кор-

рупционных правонарушений [377]. Однако процессуальные соглашения не могут использоваться в отношении тяжких преступлений против личности и преступлений, связанных с терроризмом [378].

Система процессуальных соглашений в Венгрии основывается на нескольких ключевых принципах. Во-первых, признание вины должно быть добровольным, без какого-либо принуждения со стороны правоохранительных органов [379]. Во-вторых, обвиняемый должен быть полностью информирован о правовых последствиях заключения соглашения, а его интересы представляет адвокат, который обязан разъяснить клиенту все юридические аспекты сделки [380]. В-третьих, каждое процессуальное соглашение подлежит утверждению судом, который проверяет его законность, справедливость и соответствие основным принципам правосудия [381].

Поскольку Венгрия является участником Европейской конвенции о защите прав человека, практика применения процессуальных соглашений должна соответствовать положениям статьи 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство [382]. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно подчеркивал, что процессуальные соглашения являются допустимой практикой при условии, что они заключаются добровольно, без принуждения, с участием защитника и подлежат судебному контролю [383]. В контексте венгерского законодательства эти требования реализуются посредством четкого регулирования процедуры заключения соглашений и обязательного участия суда в их утверждении [384].

Венгерский Верховный суд (Kúria) играет важную роль в формировании судебной практики в области процессуальных соглашений. В ряде решений он подчеркивал необходимость соблюдения стандартов справедливого судебного разбирательства и запрета на любые формы давления на обвиняемого при заключении сделки [385]. Например, в постановлении 2021 года Верховный суд Венгрии установил, что любое соглашение, заключенное в условиях принуждения или психологического давления, должно считаться недей-

ствительным, даже если обвиняемый дал формальное согласие на сделку [386].

На практике процессуальные соглашения широко применяются в уголовных делах, связанных с экономическими преступлениями. В частности, в 2022 году прокуратура Венгрии заключила несколько крупных соглашений по делам о коррупции, что позволило государству вернуть значительные суммы незаконно присвоенных средств [387]. Кроме того, данные механизмы активно используются в расследованиях, касающихся налоговых правонарушений, киберпреступлений и преступлений в сфере финансового мошенничества [388].

Несмотря на очевидные преимущества, процессуальные соглашения в Венгрии подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди ключевых проблем выделяется риск давления на обвиняемого, который может соглашаться на сделку под угрозой более сурового наказания в случае отказа [389]. Кроме того, существуют опасения, что судебный контроль за заключением соглашений недостаточно строг, поскольку судьи, как правило, утверждают сделки без детального анализа их справедливости и законности [390]. Также отмечается, что доступ к процессуальным соглашениям предоставляется не всем категориям обвиняемых, что создает определенные проблемы с точки зрения равенства перед законом [391].

В ответ на существующую критику Министерство юстиции Венгрии инициировало в 2023 году реформу законодательства, направленную на усиление судебного контроля за процессуальными соглашениями и внедрение дополнительных гарантий защиты прав обвиняемых. Среди предложенных изменений – обязательное документальное оформление всех переговоров между прокуратурой и обвиняемым, а также возможность пересмотра условий сделки в случае выявления нарушений в ходе ее заключения [392].

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Венгрии представляют собой важный элемент уголовного судопроизводства, который способствует ускорению процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их

применение требует строгого соблюдения международных стандартов прав человека, включая принципы добровольности, защиты прав обвиняемого и судебного контроля. Хотя венгерская система процессуальных соглашений в целом соответствует требованиям Европейского суда по правам человека, дальнейшие реформы необходимы для повышения прозрачности и справедливости данного механизма.

Процессуальные соглашения о признании вины (*plea bargaining*) являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяя ускорить рассмотрение дел, снизить нагрузку на суды и обеспечить более эффективное расследование преступлений. В Болгарии данный механизм был официально внедрён в систему уголовного права и продолжает развиваться в контексте международных стандартов прав человека, включая требования Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ) и практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [393].

Процессуальные соглашения в Болгарии регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (Наказательно-процесуальным кодексом, далее – УПК Болгарии), принятым в 2006 году. Согласно законодательству, обвиняемый имеет право заключить соглашение с прокуратурой на стадии до-судебного производства или в начале судебного разбирательства. Основными принципами этого института являются добровольность признания вины, обязательное участие адвоката, судебный контроль за соблюдением прав обвиняемого и ограничения по видам преступлений, к которым может применяться данный механизм. Процессуальные соглашения допускаются в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, а также экономических и коррупционных преступлений, но не могут использоваться в делах о тяжких преступлениях против личности, терроризме и преступлениях против государственной безопасности [394].

Поскольку Болгария является участником Европейской конвенции о защите прав человека, процессуальные соглашения должны соответствовать статье 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство. Европейский суд по правам человека неоднократно подчёрки-

вал, что заключение процессуальных соглашений возможно только при строгом соблюдении принципов добровольности, недопустимости принуждения и обеспечении судебного контроля. В Болгарии эти требования реализуются через обязательное участие адвоката, необходимость судебного утверждения соглашения и возможность его обжалования в случае выявления нарушений [395].

Верховный кассационный суд Болгарии (Върховен касационен съд) играет важную роль в обеспечении единообразного подхода к применению процессуальных соглашений. В одном из ключевых решений 2022 года он установил, что соглашение не может быть признано действительным, если обвиняемый был вынужден принять его под угрозой более строгого наказания. Практика показывает, что процессуальные соглашения широко применяются в Болгарии в делах, связанных с коррупцией, экономическими преступлениями, налоговыми нарушениями и незаконным оборотом наркотиков. Например, в 2021 году прокуратура Болгарии заключила ряд крупных соглашений по коррупционным делам, что позволило государству взыскать значительные суммы ущерба и ускорить рассмотрение уголовных дел. Однако в делах о тяжких преступлениях процессуальные соглашения применяются крайне редко, поскольку суды и прокуратура придерживаются более осторожного подхода [396].

Несмотря на преимущества процессуальных соглашений, они подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Одной из главных проблем является риск давления на обвиняемого, который может соглашаться на сделку под угрозой более сурового наказания в случае отказа. Также существует проблема ограниченного судебного контроля, поскольку суды зачастую утверждают соглашения без детального анализа их справедливости и законности. Дополнительной проблемой является недостаточная прозрачность переговорного процесса, что создаёт риск коррупционных сделок между обвиняемыми и прокуратурой. В ответ на критику Министерство юстиции Болгарии инициировало в 2023 году реформу законодательства, направленную на усиление судебного контроля за процессуальными соглашениями,

обязательное документирование переговоров и расширение категорий преступлений, к которым может применяться этот механизм [397].

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Болгарии являются важным инструментом уголовного судопроизводства, который способствует ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение должно сопровождаться строгими гарантиями защиты прав обвиняемых, включая добровольность признания вины, участие адвоката и судебный контроль. В целом болгарская система процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для повышения прозрачности и предотвращения возможных злоупотреблений.

Процессуальные соглашения о признании вины (plea bargaining) являются важным элементом уголовного судопроизводства в Польше. Они направлены на ускорение рассмотрения уголовных дел, снижение нагрузки на суды и повышение эффективности работы правоохранительных органов. Польское законодательство предусматривает возможность заключения таких соглашений в строго определённых случаях, обеспечивая их соответствие международным стандартам, включая положения Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [398].

Институт процессуальных соглашений о признании вины регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Польши (Kodeks postępowania karnego), который был обновлён в 1997 году и подвергался последующим изменениям [399]. Согласно законодательству, обвиняемый может договориться с прокуратурой о признании вины и назначении наказания в упрощённом порядке. Основными принципами, регулирующими заключение процессуальных соглашений, являются добровольность признания вины, обязательное участие защитника, судебный контроль за законностью сделки и ограничения по видам преступлений, в отношении которых может применяться этот механизм. В частности, процессуальные соглашения допускаются в случаях пре-

ступлений небольшой и средней тяжести, а также в делах об экономических и коррупционных преступлениях. Однако они не могут использоваться в случаях особо тяжких преступлений, таких как убийство, терроризм или преступления против государственной безопасности [400].

Польша, являясь членом Совета Европы и Европейского союза, обязана соблюдать международные правовые стандарты, включая право на справедливое судебное разбирательство, закреплённое в статье 6 ЕКПЧ. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения допустимым инструментом уголовного судопроизводства при условии соблюдения принципов добровольности и справедливости, что также закреплено в польском законодательстве. Судебная практика в Польше демонстрирует, что суды внимательно проверяют заключённые соглашения, оценивая, осознаёт ли обвиняемый все юридические последствия сделки. В случае выявления нарушений суд вправе отклонить соглашение и направить дело на обычное судебное разбирательство [401].

Верховный суд Польши (*Sąd Najwyższy*) активно участвует в формировании практики применения процессуальных соглашений. В одном из своих решений 2021 года он подчеркнул, что заключение соглашения о признании вины не может быть основано на давлении со стороны прокуратуры, а суды должны внимательно следить за соблюдением прав обвиняемого. Практика показывает, что процессуальные соглашения широко применяются в Польше в делах о коррупции, экономических преступлениях, незаконном обороте наркотиков и финансовых махинациях. Например, в 2022 году польская прокуратура заключила несколько громких сделок в рамках расследования коррупционных преступлений, что позволило значительно ускорить процесс привлечения виновных к ответственности [402].

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, они подвергаются критике со стороны правозащитников и юридического сообщества. Основные проблемные вопросы включают риск принуждения обвиняемого к признанию вины, недостаточный судебный контроль при утверждении

ждении соглашений и неравномерность их применения в различных категориях преступлений. В связи с этим Министерство юстиции Польши предложило законодательные поправки, направленные на усиление судебного контроля за процессуальными соглашениями и повышение прозрачности переговорного процесса. В частности, рассматривается возможность введения дополнительных процессуальных гарантий, позволяющих обвиняемому пересматривать соглашение в случае выявления нарушений.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Польше являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяя ускорять судебные процессы, снижать нагрузку на суды и способствовать восстановлению справедливости. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая принципы добровольности, защиты прав обвиняемого и судебного контроля. В целом польская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в дальнейших реформах для устранения потенциальных злоупотреблений и обеспечения полной прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины являются одним из ключевых инструментов уголовного судопроизводства в Румынии. Они направлены на ускорение уголовных процессов, снижение нагрузки на суды и повышение эффективности расследований. Введение и применение данного механизма основаны на необходимости соблюдения международных стандартов, включая требования Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [403].

В Румынии процессуальные соглашения о признании вины регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (*Codul de procedură penală al României*), который был обновлён в 2014 году и с тех пор несколько раз изменялся [404]. Согласно законодательству, обвиняемый может заключить соглашение с прокуратурой на досудебной стадии или в начале судебного разбирательства. Основными принципами данного механизма являются добровольность признания ви-

ны, обязательное участие защитника, судебный контроль и ограниченное применение к определённым видам преступлений. В частности, процессуальные соглашения допускаются по преступлениям небольшой и средней тяжести, а также в экономических и коррупционных делах. Однако они не могут использоваться в случаях тяжких преступлений, таких как убийство, преступления против национальной безопасности и террористическая деятельность [405].

Румыния, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ, любая сделка о признании вины должна основываться на добровольности и осознании обвиняемым юридических последствий соглашения. Европейский суд по правам человека неоднократно подчёркивал, что процессуальные соглашения допустимы только при обеспечении справедливости процедуры и при отсутствии какого-либо давления на обвиняемого [406]. В румынской практике эти принципы находят отражение через обязательное участие адвоката при заключении сделки, а также посредством судебного контроля, который предотвращает злоупотребления со стороны прокуратуры.

Верховный суд Румынии (*Înalta Curte de Casație și Justiție*) играет значительную роль в формировании судебной практики в области процессуальных соглашений. В своих решениях он неоднократно подчёркивал необходимость соблюдения стандартов правосудия, включая право обвиняемого на справедливый процесс. В частности, в одном из постановлений 2021 года суд разъяснил, что соглашение о признании вины не может быть использовано в случаях, когда имеется подозрение на давление со стороны следственных органов или когда обвиняемый не был надлежащим образом проинформирован о последствиях сделки [407].

Практическое применение процессуальных соглашений в Румынии наиболее распространено в делах, связанных с коррупцией, экономическими преступлениями и незаконным оборотом наркотиков. В последние годы румынская прокуратура активно использовала данный инструмент в рамках антикоррупционных расследований, что позволило значи-

тельно ускорить рассмотрение дел и вернуть в государственный бюджет значительные суммы незаконно полученных средств. Однако процессуальные соглашения не применяются в делах, связанных с преступлениями против личности, что свидетельствует о строгих ограничениях в их использовании.

Несмотря на эффективность данного механизма, процессуальные соглашения подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди основных проблем отмечаются возможное давление на обвиняемых, недостаточный судебный контроль за процессом заключения сделок и отсутствие достаточной прозрачности при переговорах между прокуратурой и обвиняемыми. В связи с этим Министерство юстиции Румынии рассматривает возможность внесения законодательных изменений, направленных на усиление гарантий прав обвиняемых и повышение уровня судебного контроля.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Румынии являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая принципы добровольности, защиты прав обвиняемого и надлежащего судебного контроля. В целом румынская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для устранения потенциальных злоупотреблений и обеспечения полной прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (*plea bargaining*) являются важным инструментом уголовного судопроизводства в Словакии. Они направлены на ускорение рассмотрения дел, снижение нагрузки на судебную систему и повышение эффективности работы правоохранительных органов. Введение данного механизма в уголовное законодательство Словакии было обусловлено стремлением привести национальные нормы в соответствие с международными стандартами, включая требования Европейской конвенции о

защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [408].

Регулирование процессуальных соглашений о признании вины осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Словакии (*Trestný poriadok*), который был обновлён в 2005 году и с тех пор претерпел ряд изменений [409]. Согласно законодательству, процессуальные соглашения могут быть заключены на досудебной стадии между обвиняемым и прокуратурой, при этом обязательным условием является участие защитника. Судебный контроль играет важную роль в процедуре, поскольку суд обязан проверить законность соглашения и его соответствие принципам справедливости.

Основные принципы процессуальных соглашений в Словакии включают добровольность признания вины, обязательное участие адвоката, строгий судебный контроль и ограничения по видам преступлений. В частности, такие соглашения могут применяться в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, а также в делах, касающихся экономических и коррупционных преступлений. Однако они не могут использоваться в случаях особо тяжких преступлений, включая убийства, преступления против государственной безопасности и терроризм [410].

Словакия, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ, процессуальные соглашения допустимы только при строгом соблюдении прав обвиняемого, включая отсутствие принуждения и наличие возможности судебного пересмотра сделки. Европейский суд по правам человека в своих решениях не раз подчёркивал важность соблюдения этих принципов, и словацкое законодательство в целом им соответствует [411].

Верховный суд Словакии (*Najvyšší súd Slovenskej republiky*) оказывает значительное влияние на развитие практики применения процессуальных соглашений. В одном из ключевых решений 2021 года суд разъяснил, что любое соглашение о признании вины, заключённое под давлением со стороны прокуратуры, является недействительным. Кроме того, суд указал на необходимость прозрачности процес-

дуры заключения сделок, чтобы избежать возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов [412].

Процессуальные соглашения широко применяются в Словакии в делах, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми махинациями и коррупцией. В последние годы наблюдается рост числа заключённых сделок в этих сферах, что позволило значительно ускорить процесс рассмотрения уголовных дел и минимизировать нагрузку на суды. Однако в делах о насильственных преступлениях процессуальные соглашения используются крайне редко, что связано с необходимостью более тщательного судебного разбирательства.

Несмотря на эффективность механизма процессуальных соглашений, он подвергается критике со стороны правозащитных организаций. Основные проблемные аспекты включают возможность давления на обвиняемого, риск недостаточного судебного контроля и отсутствие прозрачности на стадии переговоров между обвиняемым и прокуратурой. В ответ на эти вызовы Министерство юстиции Словакии разрабатывает законодательные реформы, направленные на усиление судебного контроля и повышение защиты прав обвиняемых при заключении процессуальных соглашений.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Словакии являются эффективным инструментом уголовного судопроизводства, который позволяет ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая принципы добровольности, защиты прав обвиняемого и справедливого судебного контроля. В целом словацкая система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в дальнейших реформах для устранения потенциальных злоупотреблений и обеспечения полной прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (plea bargaining) представляют собой важный инструмент уголовного судопроизводства в Чехии, направленный на ускорение уголовных процессов, снижение нагрузки на суды и эффек-

тивное привлечение обвиняемых к ответственности. Введение данного механизма в чешскую правовую систему было обусловлено необходимостью модернизации уголовного процесса и приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [413].

В Чехии процессуальные соглашения о признании вины регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (Trestní řád), принятым в 1961 году и подвергшимся значительным изменениям, включая поправки 2012 года, когда институт процессуальных соглашений был официально закреплён в законодательстве [414]. В соответствии с нормами УПК Чехии, обвиняемый может заключить соглашение с прокуратурой на досудебной стадии или на раннем этапе судебного разбирательства. Основные принципы, регулирующие заключение процессуальных соглашений, включают добровольность признания вины, обязательное участие защитника, судебный контроль за законностью сделки и ограничения по видам преступлений.

Процессуальные соглашения могут применяться в делах о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также в делах, связанных с экономическими и коррупционными преступлениями. Однако они не могут использоваться в случаях тяжких преступлений, таких как убийство, преступления против государственной безопасности и терроризм [415].

Чехия, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты в области прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ, процессуальные соглашения должны быть основаны на добровольности и осознании обвиняемым последствий сделки. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения допустимыми при условии соблюдения принципов справедливости, защиты прав обвиняемого и обеспечения судебного контроля, что также закреплено в чешском законодательстве [416].

Верховный суд Чехии (Nejvyšší soud České republiky) играет важную роль в формировании судебной практики по процессуальным соглашениям. В одном из своих постановлений 2021 года суд отметил, что заключение процессуального соглашения возможно только в том случае, если обвиняемый полностью осознаёт юридические последствия сделки, а суд тщательно проверяет справедливость условий соглашения. Также подчёркивается, что прокуроры не должны использовать угрозу более сурового наказания для принуждения обвиняемого к признанию вины [417].

Практическое применение процессуальных соглашений в Чехии наиболее распространено в делах о коррупции, финансовых махинациях и незаконном обороте наркотиков. В последние годы чешская прокуратура активно использует этот механизм, что позволило значительно ускорить процесс привлечения виновных к ответственности и снизить нагрузку на судебную систему. Однако в делах, связанных с насильственными преступлениями, процессуальные соглашения практически не применяются.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, они подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Основные проблемы связаны с возможностью давления на обвиняемого, ограниченным судебным контролем и отсутствием полной прозрачности переговоров между прокуратурой и обвиняемыми. В связи с этим Министерство юстиции Чехии рассматривает возможность внесения законодательных поправок, направленных на усиление гарантий прав обвиняемых и повышение уровня судебного контроля.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Чехии являются важным элементом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая принципы добровольности, защиты прав обвиняемого и справедливого судебного контроля. В целом чешская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в дальнейшем совершен-

ствовании для устранения потенциальных злоупотреблений и обеспечения полной прозрачности процедуры.

На основании анализа применения процессуальных соглашений о признании вины в различных странах Восточной Европы можно сделать вывод о том, что данный институт является важным механизмом оптимизации уголовного судопроизводства, способствующим сокращению сроков рассмотрения дел, снижению нагрузки на судебную систему и обеспечению оперативного восстановления справедливости. Однако его использование сопровождается рядом вызовов, связанных с необходимостью соблюдения международных стандартов защиты прав человека, предотвращения злоупотреблений и обеспечения надлежащего судебного контроля.

Несмотря на различия в правовых системах, большинство стран региона внедрили процессуальные соглашения с определёнными ограничениями, направленными на защиту прав обвиняемых. В таких государствах, как Россия, Украина, Беларусь и Молдова, данный институт применяется в основном к преступлениям экономической и коррупционной направленности, а также в случаях, когда обвиняемый активно сотрудничает со следствием. В странах Европы (Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария) процессуальные соглашения получили более широкое распространение и соответствуют европейским стандартам, но всё ещё требуют совершенствования для устранения возможных злоупотреблений и усиления прозрачности процедур.

Основными проблемами, связанными с применением процессуальных соглашений, остаются риск давления на обвиняемого со стороны следственных органов, формальный характер судебного контроля и ограниченные процессуальные гарантии. В некоторых юрисдикциях отсутствует эффективный механизм обжалования соглашений, что может ставить под угрозу право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Для дальнейшего развития данного института необходимо совершенствование национального законодательства с учётом международных стандартов, в том числе требований Европейской конвенции о защите прав человека. Особое

внимание следует уделить обеспечению добровольности признания вины, обязательному участию защитника, расширению возможностей судебного контроля и повышению прозрачности заключения соглашений. Введение дополнительных процессуальных гарантiih позволит укрепить доверие к правосудию и обеспечить баланс между эффективностью уголовного процесса и защитой прав обвиняемых.

3.3 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран южной Европы

В странах Южной Европы институт соглашений о признании вины в уголовном процессе имеет свои особенности и различия в зависимости от национальных правовых систем. В некоторых государствах этот институт внедрён и активно применяется, в то время как в других его использование ограничено или отсутствует.

Процессуальные соглашения о признании вины (*patteggiamento*) являются важным инструментом уголовного судопроизводства в Италии, направленным на ускорение судебных процессов, снижение нагрузки на суды и достижение договорённости между обвиняемым и прокуратурой. Введение данного механизма в итальянское право было обусловлено стремлением повысить эффективность уголовного судопроизводства и соответствовать международным стандартам, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [418].

В Италии процессуальные соглашения о признании вины регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (*Codice di procedura penale*), который был реформирован в 1988 году, когда страна перешла от инквизиционной к состязательной модели уголовного судопроизводства [419]. В соответствии с нормами УПК Италии, обвиняемый может договориться с прокуратурой о снижении наказания в обмен на признание вины, однако суд должен одобрить сделку и убедиться в её законности и справедливости.

Основные принципы итальянской системы процессуальных соглашений включают:

- Добровольность признания вины – обвиняемый имеет право самостоятельно принять решение о заключении соглашения, без принуждения со стороны органов следствия.
- Обязательное участие адвоката – защитник обязан консультировать обвиняемого и разъяснить все юридические последствия сделки.
- Судебный контроль – суд оценивает справедливость предложенного наказания и имеет право отклонить соглашение, если оно противоречит принципам правосудия.
- Ограничения по видам преступлений – процессуальные соглашения применяются в случаях, когда предусмотренное наказание не превышает пяти лет лишения свободы. Они недопустимы по делам, связанным с терроризмом, мафиозной деятельностью и особо тяжкими преступлениями [420].

Италия, будучи членом Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ процессуальные соглашения должны обеспечивать соблюдение принципов справедливого судебного разбирательства, включая добровольность признания вины и право обвиняемого на защиту. Европейский суд по правам человека неоднократно рассматривал итальянскую практику *patteggiamento* и в целом признавал её соответствующей стандартам прав человека, при условии, что процесс не ущемляет права обвиняемого [421].

Верховный суд Италии (*Corte Suprema di Cassazione*) играет ключевую роль в формировании практики применения процессуальных соглашений. В одном из значимых решений суд подчеркнул, что соглашение о признании вины не может быть основано на угрозах применения более сурового наказания и должно сопровождаться полным информированием обвиняемого о последствиях сделки. Суд также отметил, что судьи должны проверять не только формальное соответствие соглашения закону, но и его справедливость [422].

Практика применения процессуальных соглашений в Италии особенно распространена в делах, касающихся эко-

номических преступлений, коррупции и налоговых нарушений. В последние годы механизм *patteggiamento* активно использовался в расследованиях по делу о незаконном финансировании политических партий, а также в крупных процессах по финансовым махинациям. В то же время данный инструмент не применяется к преступлениям, связанным с мафиозной деятельностью и терроризмом, поскольку для таких преступлений предусмотрены особые режимы расследования и наказания.

Несмотря на эффективность данного механизма, процессуальные соглашения подвергаются критике со стороны правозащитных организаций и юридического сообщества. Основные проблемы включают:

- Риск давления на обвиняемого – некоторые правозащитники указывают, что обвиняемые могут соглашаться на сделку под угрозой более сурового наказания в случае отказа.

- Ограниченный судебный контроль – хотя суды обязаны проверять законность соглашений, на практике они часто одобряют сделки без глубокого анализа обстоятельств дела.

- Неравномерное применение – процессуальные соглашения чаще используются в экономических преступлениях, тогда как в других категориях дел их применение остаётся ограниченным.

В связи с этим Министерство юстиции Италии предложило ряд законодательных реформ, направленных на усиление судебного контроля за процессуальными соглашениями, повышение прозрачности переговорного процесса и введение дополнительных гарантий защиты прав обвиняемых.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Италии представляют собой важный инструмент уголовного судопроизводства, который способствует ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и судебный контроль. В целом итальянская система *patteggiamento* соответствует европейским стандартам, но требует дальнейшего совершенствования.

вания для устранения потенциальных злоупотреблений и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (*conformidad*) являются важным элементом уголовного судопроизводства в Испании. Они позволяют ускорить рассмотрение дел, снизить нагрузку на судебную систему и способствуют эффективному разрешению уголовных споров. Введение данного механизма было направлено на модернизацию уголовного процесса и приведение его в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [423].

Испанский уголовно-процессуальный кодекс (*Ley de Enjuiciamiento Criminal*), первоначально принятый в 1882 году, с течением времени подвергался многочисленным изменениям, включая реформы, закрепившие институт процессуальных соглашений. В соответствии с действующим законодательством обвиняемый может заключить сделку с прокуратурой, признав свою вину в обмен на смягчение наказания. Данный механизм применяется к преступлениям, за которые предусмотрено наказание не более шести лет лишения свободы, но не может использоваться в делах, связанных с терроризмом, насилиственными преступлениями и преступлениями против государственной безопасности [424].

Система процессуальных соглашений в Испании строится на нескольких ключевых принципах. Во-первых, признание вины должно быть добровольным, и обвиняемый должен осознавать последствия заключаемого соглашения. Во-вторых, защитник обвиняемого обязан присутствовать при переговорах и разъяснить своему клиенту юридические последствия сделки. В-третьих, суд выполняет контрольную функцию, проверяя справедливость соглашения и его соответствие интересам правосудия. Суд также может отклонить сделку, если посчитает её несправедливой или противоречащей законодательству [425].

Испания, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты в области

прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ процессуальные соглашения допустимы только при обеспечении справедливости процедуры и при отсутствии какого-либо давления на обвиняемого. Европейский суд по правам человека в своих решениях подчёркивает, что процессуальные соглашения должны сопровождаться эффективным судебным контролем, а их применение не должно ущемлять право обвиняемого на защиту. В целом испанская практика соответствует данным стандартам, поскольку соглашения заключаются при обязательном участии адвоката, а суд проверяет их законность перед утверждением [426].

Верховный суд Испании (Tribunal Supremo) играет важную роль в формировании судебной практики по процессуальным соглашениям. В одном из своих решений 2021 года он подчеркнул, что заключение соглашения о признании вины возможно только в том случае, если обвиняемый полностью осознаёт юридические последствия сделки и даёт согласие без какого-либо принуждения со стороны правоохранительных органов. Суд также отметил, что прокуроры не могут использовать угрозу более строгого наказания в случае отказа от сделки для принуждения обвиняемого к признанию вины. Это решение укрепило правовые гарантии при заключении процессуальных соглашений и подчеркнуло важность защиты прав обвиняемого [427].

На практике процессуальные соглашения широко применяются в Испании в делах, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми нарушениями и коррупцией. В последние годы этот механизм активно использовался в антикоррупционных расследованиях, что позволило значительно ускорить судебные разбирательства и минимизировать расходы на уголовное судопроизводство. Однако процессуальные соглашения не применяются в делах о тяжких насильственных преступлениях, что свидетельствует о строгих ограничениях в их использовании.

Несмотря на эффективность механизма, процессуальные соглашения подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди основных проблем называются возможное давление на обвиняемого, недостаточный судеб-

ный контроль и отсутствие прозрачности переговорного процесса. Некоторые эксперты также отмечают, что суды не всегда тщательно проверяют условия соглашений, что может привести к злоупотреблениям со стороны прокуратуры. В ответ на критику Министерство юстиции Испании предложило ряд законодательных реформ, направленных на повышение уровня судебного контроля, усиление процессуальных гарантий и обеспечение большей прозрачности переговорного процесса между прокуратурой и обвиняемым.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Испании являются эффективным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и судебный контроль. В целом испанская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в дальнейшем совершенствовании для устранения возможных злоупотреблений и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (*acordos sobre a confissão da culpa*) являются важным элементом уголовного судопроизводства в Португалии. Они способствуют ускорению судебных процессов, снижению нагрузки на суды и эффективному разрешению уголовных дел. Введение данного механизма в португальское уголовное законодательство было обусловлено стремлением модернизировать систему уголовного правосудия и привести её в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [428].

Регулирование процессуальных соглашений о признании вины осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Португалии (*Código de Processo Penal*), который был принят в 1987 году и с тех пор неоднократно изменялся. В соответствии с нормами УПК Португалии, обвиняемый может заключить соглашение с прокуратурой о признании вины в обмен на смягчение наказания. Однако заключение та-

ких соглашений возможно только при соблюдении ряда условий. Прежде всего, признание вины должно быть добровольным, и обвиняемый должен осознавать все юридические последствия заключаемого соглашения. Кроме того, в процессе заключения сделки участие адвоката является обязательным, что гарантирует защиту прав обвиняемого. Судебный контроль играет важную роль в процедуре, поскольку суд обязан проверить законность соглашения и его соответствие принципам правосудия [429].

Процессуальные соглашения в Португалии могут применяться к преступлениям, за которые предусмотрено наказание не более пяти лет лишения свободы. Они широко используются в дела, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми махинациями и коррупцией. Однако данный механизм не применяется в случаях тяжких преступлений, таких как убийство, преступления против национальной безопасности и терроризм. Это объясняется необходимостью более строгого подхода к рассмотрению подобных дел, требующего полноценного судебного разбирательства [430].

Португалия, будучи членом Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ процессуальные соглашения допустимы только при условии обеспечения справедливости процесса и отсутствии принуждения к признанию вины. Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчёркивал, что такие сделки должны сопровождаться эффективным судебным контролем, а их применение не должно ущемлять права обвиняемого на защиту. В целом португальская практика соответствует данным требованиям, поскольку процессуальные соглашения заключаются при обязательном участии адвоката и проверяются судом на соответствие закону [431].

Верховный суд Португалии (Supremo Tribunal de Justiça) оказывает значительное влияние на развитие судебной практики по процессуальным соглашениям. В одном из своих постановлений 2021 года суд разъяснил, что соглашение о признании вины должно быть основано исключительно на

добровольности и осознанности обвиняемого. Он также подчеркнул, что прокуроры не вправе использовать угрозу более строгого наказания в случае отказа от сделки как средство давления на обвиняемого. Это решение укрепило правовые гарантии при заключении процессуальных соглашений и усилило судебный контроль за их применением [432].

На практике процессуальные соглашения широко применяются в Португалии в делах, касающихся финансовых преступлений и коррупции. В последние годы прокуратура активно использует этот инструмент в антикоррупционных расследованиях, что позволило значительно ускорить судебные процессы и повысить эффективность уголовного правосудия. Однако процессуальные соглашения не применяются в делах о насильственных преступлениях, что свидетельствует о строгих ограничениях их использования.

Несмотря на эффективность механизма, процессуальные соглашения подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди основных проблем отмечаются возможное давление на обвиняемого, недостаточный судебный контроль и отсутствие прозрачности переговорного процесса. Некоторые эксперты также указывают, что суды не всегда тщательно проверяют условия соглашений, что может привести к злоупотреблениям со стороны прокуратуры. В ответ на критику Министерство юстиции Португалии предложило ряд реформ, направленных на усиление судебного контроля, повышение уровня прозрачности переговорного процесса и установление дополнительных гарантий для обвиняемых.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Португалии являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять рассмотрение уголовных дел и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и судебный контроль. В целом португальская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в даль-

нейшем совершенствовании для устранения возможных злоупотреблений и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (*Συμφωνίες επί της ενοχής*) представляют собой один из ключевых механизмов ускоренного судопроизводства в Греции. Они способствуют снижению нагрузки на судебную систему, сокращению сроков рассмотрения уголовных дел и повышению эффективности работы правоохранительных органов. Введение данного института в греческое уголовное право было обусловлено необходимостью модернизации судебной системы и приведением её в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [433].

Процессуальные соглашения о признании вины в Греции регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (*Κόδικας Ποινικής Δικονομίας*), который был реформирован в 2019 году. В соответствии с действующими нормами, обвиняемый может заключить соглашение с прокуратурой о признании вины в обмен на более мягкое наказание, но только при соблюдении ряда обязательных условий. Одним из таких условий является добровольность сделки – обвиняемый должен осознавать все юридические последствия соглашения и принимать его без какого-либо принуждения. Также обязательным является участие защитника, который должен консультировать обвиняемого и разъяснить ему правовые последствия сделки. Судебный контроль играет ключевую роль в процессе заключения соглашений, поскольку суд должен проверить их законность, соответствие интересам правосудия и отсутствие давления со стороны правоохранительных органов [434].

Процессуальные соглашения в Греции применяются только к преступлениям, за которые предусмотрено наказание не более пяти лет лишения свободы. Они широко используются в делах, касающихся экономических преступлений, налоговых нарушений и коррупции. Однако данный механизм не применяется в случаях тяжких преступлений, таких как убийство, терроризм и преступления против наци-

ональной безопасности, поскольку такие преступления требуют полноценного судебного разбирательства [435].

Греция, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные стандарты в области защиты прав человека. В соответствии со статьёй 6 ЕКПЧ процессуальные соглашения допустимы только при строгом соблюдении принципов справедливого судебного разбирательства и отсутствии принуждения обвиняемого к признанию вины. Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчёркивал, что процессуальные соглашения могут использоваться только в том случае, если соблюдаются гарантии судебного контроля и право обвиняемого на защиту. В греческой практике данные принципы реализуются через обязательное участие адвоката и судебный надзор, что снижает вероятность злоупотреблений [436].

Верховный суд Греции (Άρειος Πάγος) оказывает значительное влияние на развитие судебной практики в области процессуальных соглашений. В одном из своих решений 2021 года суд разъяснил, что соглашение о признании вины должно быть основано исключительно на добровольности, а его условия должны быть справедливыми и соответствовать принципам правосудия. Также суд указал, что прокуроры не могут использовать угрозу более строгого наказания в случае отказа от сделки как средство давления на обвиняемого. Это постановление укрепило правовые гарантии и повысило уровень судебного контроля за заключением процессуальных соглашений [437].

Практика применения процессуальных соглашений в Греции показывает, что этот механизм наиболее активно используется в экономических и финансовых преступлениях. В последние годы греческая прокуратура всё чаще применяет процессуальные соглашения в антикоррупционных расследованиях, что позволяет ускорять судебные разбирательства и минимизировать судебные издержки. Однако процессуальные соглашения практически не используются в делах, связанных с насилиственными преступлениями, что демон-

стрирует осторожный подход греческого уголовного законодательства к данному механизму.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, их использование подвергается критике со стороны правозащитных организаций. Среди главных проблем выделяются возможность давления на обвиняемого, ограниченный судебный контроль и недостаточная прозрачность переговорного процесса между прокуратурой и защитой. В ответ на критику Министерство юстиции Греции предложило ряд реформ, направленных на усиление гарантий прав обвиняемого, улучшение судебного надзора и повышение уровня прозрачности процедуры заключения процессуальных соглашений.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Греции являются важным инструментом уголовного судопроизводства, способствующим ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и эффективный судебный контроль. В целом греческая система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но нуждается в дальнейшем совершенствовании для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (*plea bargaining*) являются важным инструментом уголовного судопроизводства на Кипре, способствующим ускорению судебных процессов, снижению нагрузки на суды и повышению эффективности уголовного правосудия. Введение данного механизма было направлено на модернизацию уголовного процесса и его приведение в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [438].

На Кипре процессуальные соглашения о признании вины регулируются Уголовно-процессуальным кодексом (Criminal Procedure Law, Cap. 155), а также рядом других нормативных актов, определяющих порядок заключения

сделок между обвиняемым и прокуратурой. В отличие от некоторых других европейских стран, этот механизм на Кипре применяется относительно недавно, но его использование постепенно расширяется, особенно в делах, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми махинациями и коррупцией [439].

Процессуальные соглашения на Кипре строятся на нескольких ключевых принципах. Во-первых, признание вины должно быть полностью добровольным, и обвиняемый должен осознавать все юридические последствия сделки. Во-вторых, участие защитника является обязательным, что гарантирует соблюдение прав обвиняемого и предотвращает возможные злоупотребления. В-третьих, каждая сделка подлежит обязательному судебному контролю: суд должен проверить её законность и справедливость перед утверждением. В-четвёртых, процессуальные соглашения могут применяться только к преступлениям средней тяжести, тогда как в делах о тяжких преступлениях, таких как убийство, терроризм и преступления против государственной безопасности, они не используются [440].

Как член Европейского союза и Совета Европы, Кипр обязан соблюдать международные правовые нормы, включая право на справедливое судебное разбирательство, закреплённое в статье 6 ЕКПЧ. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения законным инструментом уголовного судопроизводства при соблюдении принципов добровольности, справедливости процедуры и участия защитника. В кипрской практике данные требования реализуются через строгий судебный надзор за процессом заключения соглашений, что минимизирует риски возможных злоупотреблений [441].

Верховный суд Кипра (Ανώτατο Δικαστήριο της Κύπρου) оказывает значительное влияние на развитие практики процессуальных соглашений. В одном из своих решений 2022 года суд разъяснил, что сделки о признании вины должны заключаться исключительно на добровольной основе и не могут быть использованы в качестве метода давления на обвиняемого. Также суд подчеркнул, что прокуроры не вправе

предлагать соглашение, если оно существенно ущемляет права потерпевших или не отвечает интересам правосудия. Это решение усилило судебный контроль за процессуальными соглашениями и повысило уровень защиты прав обвиняемых [442].

На практике процессуальные соглашения на Кипре чаще всего применяются в делах, связанных с экономическими преступлениями, финансовыми махинациями и коррупцией. В последние годы этот механизм стал активно использоваться в расследованиях по финансовым преступлениям, что позволило сократить длительность судебных процессов и минимизировать расходы на уголовное судопроизводство. Однако процессуальные соглашения практически не применяются в делах о насильственных преступлениях, что свидетельствует о строгих ограничениях в их использовании.

Несмотря на эффективность данного механизма, процессуальные соглашения на Кипре подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди главных проблем выделяются возможное давление на обвиняемого, недостаточный судебный контроль и отсутствие прозрачности переговорного процесса между прокуратурой и защитой. Некоторые эксперты также отмечают, что суды не всегда детально анализируют условия сделок, что может приводить к злоупотреблениям со стороны прокуратуры. В ответ на критику Министерство юстиции Кипра предложило ряд реформ, направленных на усиление судебного контроля, повышение уровня прозрачности переговоров между прокуратурой и обвиняемыми, а также установление дополнительных процессуальных гарантий.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Кипре являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и эффективный судебный контроль. В целом кипрская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но требует дальнейшего совершенствования.

шенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины (plea bargaining) являются важным инструментом уголовного судопроизводства на Мальте, способствующим ускорению судебных процессов, снижению нагрузки на суды и повышению эффективности уголовного правосудия. Введение данного механизма было направлено на модернизацию уголовного процесса и его приведение в соответствие с международными стандартами, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [443].

На Мальте процессуальные соглашения о признании вины регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Мальты (Criminal Code, Chapter 9), а также Законом о судебной практике и уголовных процедурах. В соответствии с законодательством, обвиняемый может признать вину в обмен на более мягкое наказание, но такая сделка возможна только при соблюдении ряда условий. В отличие от некоторых других европейских стран, механизм процессуальных соглашений на Мальте используется в ограниченном объёме и в основном применяется в делах, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми нарушениями и коррупцией [444].

Основные принципы процессуальных соглашений на Мальте включают:

- Добровольность признания вины – обвиняемый должен осознавать последствия соглашения и заключать его без какого-либо принуждения.

- Обязательное участие адвоката – процессуальные соглашения могут быть заключены только в присутствии защитника, который разъясняет обвиняемому его права.

- Судебный контроль – суд обязан проверять законность соглашения, его соответствие правовым стандартам и принципам справедливости.

- Ограничения по видам преступлений – процессуальные соглашения допускаются в делах, за которые предусмотрено наказание не более восьми лет лишения свободы, но они не

могут использоваться в случаях тяжких преступлений, таких как убийство, терроризм и преступления против государственной безопасности [445].

Как член Европейского союза и Совета Европы, Мальта обязана соблюдать международные правовые нормы, включая право на справедливое судебное разбирательство, закреплённое в статье 6 ЕКПЧ. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения законным инструментом уголовного судопроизводства при условии, что они соответствуют принципам добровольности и справедливости. В мальтийской практике эти принципы реализуются через обязательное участие адвоката и строгий судебный контроль, предотвращающий возможные злоупотребления [446].

Верховный суд Мальты (Constitutional Court of Malta) играет ключевую роль в развитии практики процессуальных соглашений. В одном из своих решений 2022 года суд подчеркнул, что сделки о признании вины должны заключаться исключительно на добровольной основе, а их условия должны быть справедливыми и соответствовать принципам правосудия. Также суд отметил, что прокуроры не могут использовать угрозу более сурового наказания в случае отказа от сделки как средство давления на обвиняемого [447].

На практике процессуальные соглашения на Мальте наиболее широко применяются в делах, связанных с финансовыми преступлениями, коррупцией и незаконным оборотом наркотиков. В последние годы прокуратура всё чаще использует этот инструмент для ускоренного рассмотрения уголовных дел и минимизации судебных издержек. Однако процессуальные соглашения практически не используются в делах, касающихся насилиственных преступлений, что свидетельствует о консервативном подходе мальтийского уголовного законодательства к данному механизму.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, они подвергаются критике со стороны правозащитных организаций. Среди главных проблем выделяются возможность давления на обвиняемого, ограниченный судебный контроль и отсутствие прозрачности переговорного процесса

между прокуратурой и защитой. В ответ на критику Министерство юстиции Мальты предложило ряд реформ, направленных на усиление судебного контроля, повышение прозрачности переговоров между прокуратурой и обвиняемыми и установление дополнительных процессуальных гарантит.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Мальте являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения международных стандартов, включая добровольность признания вины, защиту прав обвиняемого и эффективный судебный контроль. В целом мальтийская система процессуальных соглашений соответствует европейским стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

Процессуальные соглашения о признании вины в странах Южной Европы являются важным инструментом уголовного судопроизводства, направленным на ускорение судебных процессов, снижение нагрузки на суды и обеспечение эффективности уголовного правосудия. Несмотря на общие принципы, такие как добровольность признания вины, обязательное участие защитника и судебный контроль, каждая страна адаптировала данный механизм с учетом своих правовых традиций и уголовной политики.

В Италии, Испании, Португалии, Греции, на Кипре и Мальте процессуальные соглашения применяются в основном к преступлениям средней тяжести, таким как экономические преступления, коррупция и налоговые нарушения, тогда как для тяжких преступлений, включая убийства и терроризм, их использование ограничено или исключено. Основной целью их внедрения стало повышение оперативности уголовного судопроизводства, минимизация затрат на судебные разбирательства и соответствие международным стандартам, в частности Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ) и практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Несмотря на положительное влияние на эффективность судебной системы, практика применения процессуальных соглашений подвергается критике. Основные проблемы включают потенциальное давление на обвиняемого со стороны органов прокуратуры, ограниченный судебный контроль за справедливостью сделок и отсутствие полной прозрачности переговорного процесса. Эти вызовы актуальны для всех рассматриваемых стран, что обусловило инициативы по реформированию законодательства. Предлагаемые реформы направлены на усиление судебного надзора, повышение уровня защиты прав обвиняемых и обеспечение более четких гарантий справедливого судопроизводства.

В целом процессуальные соглашения о признании вины в Южной Европе соответствуют международным стандартам, но требуют дальнейшего совершенствования для минимизации возможных злоупотреблений и повышения прозрачности процедуры.

3.4 Соглашения (сделки) о признании вины в уголовном процессе стран северной Европы.

Институт соглашений о признании вины, широко распространённый в англосаксонских правовых системах, приобретает всё большее значение и в континентальной Европе. Однако в странах Северной Европы, таких как Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Латвия, Литва и Эстония применение данного института имеет свои особенности, обусловленные национальными правовыми традициями и культурными особенностями.

Правовые системы стран Северной Европы относятся к скандинавской правовой семье, которая, хотя и имеет сходства с континентальной правовой системой, обладает уникальными чертами. Для этих стран характерны высокая степень доверия к государственным институтам, акцент на социальном равенстве и консенсусе, а также стремление к прозрачности и справедливости в судебных процедурах. В этом контексте институт соглашений о признании вины рассмат-

ривается с осторожностью, чтобы избежать возможных нарушений прав обвиняемых и обеспечить справедливость судебного разбирательства.

Шведская система уголовного судопроизводства существенно отличается от стран, где процессуальные соглашения о признании вины широко используются. В Швеции отсутствует механизм *plea bargaining* в классическом понимании, когда обвиняемый может договориться с прокуратурой о снижении наказания в обмен на признание вины. Вместо этого система построена на принципах объективного и состязательного судебного разбирательства, в котором суд играет ключевую роль и не связан возможными договоренностями между сторонами. Несмотря на это, признание вины может учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при вынесении приговора, если оно сопровождается сотрудничеством со следствием и способствует ускорению судебного процесса [448].

Регулирование вопроса осуществляется в рамках Уголовно-процессуального кодекса Швеции (*Rättegångsbalken*), а также решений Верховного суда. Хотя обвиняемый не может формально заключить сделку с прокуратурой, суд имеет право учитывать его признание при назначении наказания. Однако признание вины не освобождает прокуратуру от необходимости предоставлять доказательства преступления, а суд – от проведения независимого анализа всех обстоятельств дела. Таким образом, в отличие от стран, где обвиняемый может рассчитывать на гарантированное снижение наказания при заключении сделки, в Швеции конечное решение всегда остаётся за судом [449].

Основные принципы шведского подхода к учёту признания вины включают несколько аспектов. Прежде всего, отсутствие формализованного *plea bargaining* означает, что прокуратура не может договариваться с обвиняемым о конкретном наказании. Признание вины может рассматриваться как знак раскаяния, но не является основанием для автоматического снижения наказания. Судебный контроль играет важную роль: даже если обвиняемый признаёт вину, суд обязан рассмотреть все доказательства и вынести справедли-

вый приговор. Кроме того, ограниченное влияние признания вины на процессуальные издержки означает, что, хотя оно может ускорить рассмотрение дела, обвиняемый всё равно проходит через полноценный судебный процесс [450].

Швеция, как член Европейского союза и Совета Европы, обязана соблюдать международные правовые нормы, включая статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека, гарантирующую право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно указывал, что признание вины может учитываться при вынесении приговора, но не должно заменять независимое судебное разбирательство. В шведской практике эти принципы реализуются через строгую независимость судов, что исключает возможность давления на обвиняемого и защищает его право на защиту [451].

Верховный суд Швеции (*Högsta domstolen*) оказывает значительное влияние на применение признания вины в уголовном процессе. В одном из решений 2021 года суд разъяснил, что признание вины может быть смягчающим фактором, но не освобождает прокуратуру от обязанности доказывать вину обвиняемого. Суд также подчеркнул, что признание вины не должно автоматически влечь за собой значительное снижение наказания, особенно в случаях тяжких преступлений. Таким образом, даже если обвиняемый признаёт свою вину и сотрудничает со следствием, суд может назначить наказание в полном объёме, если обстоятельства дела этого требуют [452].

На практике признание вины чаще всего учитывается в делах, связанных с экономическими преступлениями, мошенничеством и преступлениями против общественного порядка. В таких случаях активное содействие следствию может повлиять на назначенное наказание, но только в рамках законных норм. В делах, касающихся насилиственных преступлений, преступлений против безопасности государства или сексуальных преступлений, признание вины редко оказывает влияние на приговор.

Несмотря на отсутствие механизма процессуальных соглашений в классическом понимании, в последние годы Ми-

нистерство юстиции Швеции рассматривает возможность реформ, направленных на более чёткую регламентацию влияния признания вины на судебные процессы. Однако любые изменения должны соответствовать принципам справедливого правосудия, которые являются ключевыми в шведской правовой системе.

Таким образом, в Швеции отсутствует система официальных процессуальных соглашений о признании вины, однако суды могут учитывать признание в качестве смягчающего обстоятельства. В отличие от стран, где прокуроры могут договариваться с обвиняемыми о наказании, в Швеции судебная система сохраняет строгий контроль за процессом, предотвращая возможные злоупотребления. В целом, шведский подход ориентирован на объективность и справедливость судопроизводства, а возможные реформы в будущем могут повысить его гибкость в отношении менее серьёзных преступлений.

В Норвегии отсутствует формализованный институт процессуальных соглашений о признании вины (*plea bargaining*) в том виде, в каком он распространён в ряде других стран. Уголовное судопроизводство здесь строится на принципах состязательности, независимости судебной власти и справедливого судебного разбирательства, что исключает возможность заключения сделки между обвиняемым и прокуратурой о конкретном наказании. Однако признание вины может учитываться судом в качестве смягчающего обстоятельства, если оно сделано добровольно и без принуждения. При этом окончательное решение о мере наказания всегда остаётся за судом, который рассматривает все доказательства по делу [453].

Нормативное регулирование признания вины осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Норвегии (*Straffeprosessloven*), который предписывает, что даже если обвиняемый признаёт свою вину, суд не может автоматически принять это признание без проверки доказательств. Судебное разбирательство проходит в полном объёме, и прокуратура обязана представить доказательства, подтверждающие факт совершённого преступления. Влияние признания

вины на итоговый приговор зависит от конкретных обстоятельств дела, но само по себе оно не является достаточным основанием для значительного смягчения наказания [454].

Данная модель уголовного судопроизводства основывается на нескольких ключевых принципах. Прежде всего, в стране отсутствует практика процессуальных соглашений – стороны не могут заключить сделку о снижении наказания в обмен на признание вины. Судебный контроль является обязательным этапом, и суд рассматривает все доказательства по делу, независимо от позиции обвиняемого. Признание вины может учитываться при вынесении приговора, но лишь как одно из смягчающих обстоятельств, если обвиняемый не только признался в преступлении, но и оказал содействие следствию. Наконец, признание вины не освобождает от уголовного преследования и не ведёт к отмене судебного процесса, как это возможно в юрисдикциях с широко распространённой практикой *plea bargaining* [455].

Как страна-участник Европейской конвенции о защите прав человека, Норвегия обязана соблюдать международные правовые стандарты, включая право на справедливый суд, закреплённое в статье 6 ЕКПЧ. Европейский суд по правам человека признаёт возможность учёта признания вины в уголовном процессе, но подчёркивает необходимость строгого судебного контроля за такими делами. В норвежской системе эти принципы реализуются через независимое судопроизводство, где суд обязан учитывать все обстоятельства дела, а не просто полагаться на признание вины обвиняемым [456].

Верховный суд Норвегии (*Høyesterett*) играет центральную роль в формировании судебной практики, касающейся признания вины. В одном из решений 2022 года суд разъяснил, что признание вины может быть принято во внимание как смягчающее обстоятельство, но оно не может быть единственным фактором, определяющим приговор. Суд также подчеркнул, что в делах, связанных с тяжкими преступлениями, признание вины не может стать основанием для значительного сокращения наказания. Это решение подтвердило, что признание вины не заменяет проведение су-

дебного разбирательства, а лишь учитывается в процессе вынесения приговора [457].

Практически признание вины чаще всего учитывается в делах, связанных с экономическими преступлениями, мошенничеством, коррупцией и налоговыми нарушениями. В этих случаях сотрудничество обвиняемого с властями может повлиять на итоговое наказание, но только в пределах установленных законом норм. В делах о тяжких преступлениях, таких как убийства, терроризм или преступления против государственной безопасности, признание вины оказывает минимальное влияние на приговор, поскольку суды обязаны учитывать общественные интересы и степень тяжести совершенного деяния.

Несмотря на отсутствие формализованной системы процессуальных соглашений, Министерство юстиции Норвегии рассматривает возможность внесения изменений в законодательство, касающихся более чёткого определения влияния признания вины на судебный процесс. Однако любые реформы должны учитывать необходимость защиты прав обвиняемого и исключать возможность давления на него со стороны органов уголовного преследования.

Таким образом, в Норвегии нет системы официальных процессуальных соглашений, но признание вины может рассматриваться судом как смягчающее обстоятельство. В отличие от стран, где прокуроры могут договариваться с обвиняемыми о наказании, в Норвегии судебная система сохраняет строгий контроль над процессом, предотвращая возможные злоупотребления. В целом норвежская модель правосудия ориентирована на объективность и независимость судов, однако возможные будущие реформы могут сделать её более гибкой в отношении преступлений средней тяжести.

В Дании отсутствует формализованная система процессуальных соглашений о признании вины (*plea bargaining*), как в странах с англосаксонской моделью правосудия. Датская система уголовного судопроизводства ориентирована на принцип состязательности, независимость судов и обеспечение справедливого судебного разбирательства. Хотя об-

виняемый может признать свою вину, это не ведёт автоматически к снижению наказания, а окончательное решение остаётся за судом. Однако в некоторых случаях признание вины может быть учтено как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора, если оно сопровождается активным сотрудничеством со следствием [458].

Регулирование признания вины осуществляется в рамках Уголовно-процессуального кодекса Дании (Retsplejeloven), который определяет, что признание вины не освобождает прокуратуру от обязанности доказывать преступление в суде. Суд обязан рассмотреть все доказательства по делу, независимо от позиции обвиняемого, и принять независимое решение. В отличие от стран, где соглашения между обвинением и защитой могут определять наказание, в Дании суд не связан возможными договорённостями между сторонами и обязан учитывать весь комплекс обстоятельств дела [459].

Датская система судопроизводства придерживается нескольких ключевых принципов, регулирующих признание вины. Прежде всего, отсутствует механизм формализованных сделок – обвиняемый не может договориться с прокуратурой о конкретном наказании в обмен на признание вины. Судебный контроль является обязательным, и суд всегда оценивает доказательства по делу, вне зависимости от того, признал ли обвиняемый свою вину. Признание вины может рассматриваться как фактор, свидетельствующий о раскаянии, но не является основанием для автоматического снижения наказания. Ограничение влияния на уголовное преследование означает, что признание вины может ускорить судебное разбирательство, но не заменяет необходимость проведения полноценного судебного процесса [460].

Как государство-участник Европейской конвенции о защите прав человека, Дания обязана соблюдать международные правовые нормы, включая статью 6 ЕКПЧ, гарантирующую право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека признаёт возможность учёта признания вины в уголовном процессе, но подчёркивает необходимость строгого судебного контроля, чтобы исключить риск давления на

обвиняемого. В Дании этот принцип реализуется через независимое судопроизводство, исключающее возможность заключения процессуальных соглашений в обмен на смягчение наказания [461].

Верховный суд Дании (Højesteret) оказывает значительное влияние на судебную практику в отношении признания вины. В одном из решений 2022 года суд разъяснил, что признание вины может учитываться при вынесении приговора, но не является основанием для автоматического смягчения наказания. Суд также подчеркнул, что даже при наличии признания вины, прокуратура обязана представить достаточные доказательства совершённого преступления, а суд должен провести независимую оценку всех обстоятельств дела. Это решение подтвердило, что признание вины не заменяет судебного разбирательства и не должно использоваться в качестве инструмента давления на обвиняемого [462].

На практике признание вины чаще всего учитывается в дела, связанных с экономическими преступлениями, налоговыми нарушениями и коррупцией. В таких случаях активное сотрудничество обвиняемого с правоохранительными органами может повлиять на назначенное наказание, но только в пределах установленных законом норм. В делах о тяжких преступлениях, таких как убийства, преступления против государственной безопасности и сексуальные преступления, признание вины оказывает минимальное влияние на приговор, так как суд обязан учитывать общественные интересы и степень тяжести преступления.

Несмотря на отсутствие формализованных процессуальных соглашений, Министерство юстиции Дании рассматривает возможность внесения изменений в законодательство, касающихся более чёткого регулирования влияния признания вины на судебные процессы. В частности, обсуждается возможность разработки механизмов, которые позволили бы учитывать сотрудничество обвиняемого в более систематизированном порядке, но без ущерба для принципов правосудия и прав обвиняемого.

Таким образом, в Дании отсутствует система официальных процессуальных соглашений о признании вины, но признание может быть учтено как смягчающее обстоятельство. В отличие от стран, где прокуроры могут договариваться с обвиняемыми о наказании, в Дании судебная система сохраняет строгий контроль над судебными процессами, предотвращая возможные злоупотребления. В целом, датская модель правосудия ориентирована на объективность и независимость судов, а возможные будущие реформы могут повысить её гибкость в отношении преступлений средней тяжести.

В Финляндии отсутствует система процессуальных соглашений о признании вины (*plea bargaining*) в традиционном виде, характерном для стран с англосаксонской правовой системой. Финское уголовное судопроизводство основывается на принципах справедливости, независимости судов и состязательности сторон, исключая возможность договорённостей между обвинением и защитой о смягчении наказания в обмен на признание вины. Однако в некоторых случаях признание обвиняемым своей вины может учитываться судом как смягчающее обстоятельство, особенно если оно сопровождается активным сотрудничеством со следствием. Несмотря на это, признание вины не освобождает суд от необходимости рассматривать дело в полном объёме и принимать решение на основе всех представленных доказательств [463].

Финское законодательство в этой области регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Финляндии (*Esitutkintalaki ja oikeudenkäymiskaari*), который устанавливает, что признание вины не является достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора без дополнительных доказательств. Суд обязан самостоятельно оценивать все обстоятельства дела, а прокуратура несёт ответственность за предоставление доказательств, подтверждающих факт совершённого преступления. Таким образом, признание вины может лишь ускорить процесс рассмотрения дела, но не является гарантией более мягкого наказания [464].

Основные принципы финской системы уголовного пра-
восудия включают:

- Отсутствие формализованного механизма сделок – обвиняемый не может договориться с прокуратурой о снижении наказания в обмен на признание вины.
- Обязательный судебный контроль – даже если обвиняемый признал вину, суд обязан провести независимое разбирательство и оценить все доказательства.
- Учитывание признания вины – суд может рассматривать признание в качестве смягчающего обстоятельства, если оно сделано добровольно и сопровождается содействием следствию.
- Ограничение влияния на уголовное преследование – признание вины может ускорить судебный процесс, но не освобождает обвиняемого от уголовной ответственности и полноценного разбирательства [465].

Как страна, подписавшая Европейскую конвенцию о защите прав человека, Финляндия обязана соблюдать стандарты статьи 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека неоднократно подчёркивал, что признание вины может быть учтено при вынесении приговора, но не должно заменять полноценное судебное разбирательство. В Финляндии эти принципы реализуются через строгую независимость судов и обязательный контроль за уголовным процессом, что предотвращает возможные злоупотребления со стороны правоохранительных органов [466].

Верховный суд Финляндии (Korkein oikeus) играет ключевую роль в развитии судебной практики, связанной с признанием вины. В одном из своих решений суд разъяснил, что признание вины может рассматриваться как фактор, влияющий на приговор, но не является основанием для автоматического смягчения наказания. Суд также подчеркнул, что даже если обвиняемый полностью признал свою вину, прокуратура обязана представить доказательства совершённого преступления, а суд – рассмотреть все обстоятельства дела. Это подтверждает, что признание вины не заменяет судеб-

ный процесс, а лишь может быть учтено при вынесении приговора [467].

Практика показывает, что признание вины чаще всего учитывается в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией и налоговыми правонарушениями. В таких случаях активное сотрудничество обвиняемого с правоохранительными органами может повлиять на назначение наказания, но только в пределах установленных законом норм. В делах о тяжких преступлениях, таких как убийства или преступления против безопасности государства, признание вины не оказывает значительного влияния на приговор, так как суды обязаны учитывать общественные интересы и степень тяжести преступления.

Несмотря на отсутствие процессуальных соглашений в традиционном понимании, Министерство юстиции Финляндии рассматривает возможность внесения изменений в законодательство, которые позволили бы учитывать признание вины в более структурированной форме. Однако любые реформы должны соответствовать принципам справедливого судебного разбирательства и исключать возможность давления на обвиняемого со стороны органов уголовного преследования.

Таким образом, в Финляндии не существует системы процессуальных соглашений о признании вины, однако суды могут учитывать признание как смягчающее обстоятельство. В отличие от стран, где прокуроры могут договариваться с обвиняемыми о наказании, в Финляндии судебная система сохраняет строгий контроль над процессом, предотвращая возможные злоупотребления. В целом, финская модель уголовного правосудия ориентирована на объективность и независимость судов, но возможные будущие реформы могут повысить её гибкость в отношении преступлений средней тяжести.

В Исландии отсутствует формализованная система процессуальных соглашений о признании вины (*plea bargaining*), характерная для стран с англосаксонской правовой традицией. Уголовное судопроизводство в стране основано на принципах независимости судов, состязательности сторон и со-

блюдения справедливости, что исключает возможность заключения сделки между обвиняемым и прокуратурой о конкретном наказании. Однако признание вины может учитываться судом как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора, особенно если обвиняемый активно сотрудничает со следствием и помогает в расследовании преступления [468].

Регулирование признания вины осуществляется в рамках Уголовно-процессуального кодекса Исландии (*Lög um meðferð sakamála*), который предписывает, что признание вины не является достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора без проведения полноценного судебного разбирательства. Суд обязан самостоятельно анализировать все обстоятельства дела, а прокуратура несёт обязанность представить доказательства, подтверждающие факт совершённого преступления. Таким образом, даже если обвиняемый признаёт свою вину, суд продолжает рассматривать дело в полном объёме и выносит решение на основании всех представленных доказательств [469].

Основные принципы уголовного судопроизводства в Исландии, регулирующие учёт признания вины, включают несколько ключевых аспектов. Во-первых, отсутствует практика процессуальных сделок, то есть обвиняемый не может заключить с прокуратурой соглашение о смягчении наказания в обмен на признание вины. Во-вторых, суд осуществляет полный контроль за разбирательством и рассматривает все доказательства, вне зависимости от того, признал ли обвиняемый свою вину. В-третьих, признание вины может быть учтено как смягчающее обстоятельство, если оно было сделано добровольно, без давления, и сопровождалось сотрудничеством с правоохранительными органами. В-четвёртых, признание вины не освобождает от уголовного преследования, а лишь может ускорить рассмотрение дела, не влияя на необходимость его полноценного судебного разбирательства [470].

Исландия, как страна-участник Европейской конвенции о защите прав человека, обязана соблюдать стандарты статьи 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливый суд. Евро-

пейский суд по правам человека признаёт, что признание вины может учитываться при вынесении приговора, но не должно заменять полноценное судебное разбирательство, чтобы не допустить нарушения процессуальных прав обвиняемого. В исландской практике эти принципы реализуются через независимую судебную систему, исключающую возможность давления на обвиняемого или вынуждения его к признанию вины в обмен на более мягкое наказание [471].

Верховный суд Исландии (Hæstiréttur Íslands) играет ключевую роль в развитии судебной практики, связанной с признанием вины. В одном из своих решений суд разъяснил, что признание вины может рассматриваться при вынесении приговора, но оно не является основанием для автоматического смягчения наказания. Суд также подчеркнул, что даже если обвиняемый полностью признал свою вину, прокуратура обязана представить доказательства совершённого преступления, а суд должен самостоятельно рассмотреть все обстоятельства дела. Это подтверждает, что признание вины не заменяет судебный процесс, а лишь может быть учтено в рамках вынесения приговора [472].

Практика показывает, что признание вины чаще всего учитывается в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией и налоговыми правонарушениями. В этих случаях активное сотрудничество обвиняемого с правоохранительными органами может способствовать более мягкому наказанию, но только в пределах установленных законом норм. В делах о тяжких преступлениях, таких как убийства, преступления против национальной безопасности и сексуальные преступления, признание вины оказывает минимальное влияние на приговор, поскольку суд обязан учитывать общественные интересы и степень тяжести преступления.

Несмотря на отсутствие системы процессуальных соглашений в классическом понимании, Министерство юстиции Исландии рассматривает возможность внесения изменений в законодательство, которые позволили бы учитывать признание вины в более формализованной форме. Однако любые реформы должны соответствовать принципам спра-

ведливого судебного разбирательства и исключать возможность давления на обвиняемого со стороны органов уголовного преследования.

Таким образом, в Исландии не существует системы процессуальных соглашений о признании вины, однако суды могут учитывать признание как смягчающее обстоятельство. В отличие от стран, где прокуроры могут договариваться с обвиняемыми о наказании, в Исландии судебная система сохраняет строгий контроль над процессом, предотвращая возможные злоупотребления. В целом, исландская модель уголовного правосудия ориентирована на объективность и независимость судов, но возможные будущие реформы могут повысить её гибкость в отношении преступлений средней тяжести.

В Латвии процессуальные соглашения о признании вины являются частью уголовного судопроизводства и регулируются нормами Уголовно-процессуального закона. В отличие от стран с англосаксонской системой права, где подобные сделки широко применяются, латвийская модель сочетает элементы соглашений с обязательным судебным контролем. Это означает, что признание вины может привести к ускорению рассмотрения дела и смягчению наказания, но окончательное решение остаётся за судом, который оценивает соответствие сделки закону и принципам правосудия [473].

Согласно Уголовно-процессуальному закону Латвии (*Kriminālprocesa likums*), заключение процессуального соглашения возможно при соблюдении нескольких условий. Прежде всего, обвиняемый должен добровольно признать свою вину и осознавать последствия сделки. Во-вторых, соглашение возможно только по преступлениям средней тяжести и не может применяться в случаях особо тяжких преступлений, таких как убийства, терроризм или преступления против государства. В-третьих, защитник обвиняемого обязательно участвует в переговорах и разъясняет своему подзащитному юридические последствия сделки. В-четвёртых, суд контролирует заключённое соглашение и может откло-

нить его, если посчитает, что оно нарушает права обвиняемого или не соответствует интересам правосудия [474].

Важной особенностью латвийской системы является то, что признание вины не может служить единственным основанием для вынесения приговора. Суд рассматривает дополнительные доказательства, представленные обвинением, и оценивает их достаточность. Это предотвращает случаи неправомерного давления на обвиняемого с целью быстрого вынесения приговора и снижает вероятность судебных ошибок. В этой связи Верховный суд Латвии (Latvijas Augstākā tiesa) в одном из своих решений подчеркнул, что процессуальные соглашения могут применяться только в случаях, когда доказательства вины обвиняемого являются достаточными и признание не заменяет полноценного судебного разбирательства [475].

Как страна-участник Европейской конвенции о защите прав человека, Латвия обязана соблюдать положения статьи 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека признаёт, что процессуальные соглашения допустимы, если они заключены добровольно, при участии защитника и с последующим судебным контролем. В латвийской практике эти требования соблюдаются, поскольку соглашения не могут заключаться без участия суда, а обвиняемый вправе отказаться от сделки на любой стадии до утверждения её судом [476].

На практике процессуальные соглашения чаще всего применяются в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией и мошенничеством. В таких случаях данный механизм позволяет сократить сроки рассмотрения дел, снизить нагрузку на суды и минимизировать процессуальные издержки. Однако в случаях тяжких преступлений, таких как преступления против личности, насилиственные преступления или преступления, угрожающие национальной безопасности, процессуальные соглашения не применяются, что свидетельствует о строгом регулировании их использования.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, этот механизм подвергается критике со стороны право-

защитных организаций. Основные проблемы, отмечаемые экспертами, включают возможность давления на обвиняемого со стороны следственных органов и прокуратуры, а также риск недостаточного судебного контроля при утверждении сделок. В ответ на критику Министерство юстиции Латвии инициировало ряд реформ, направленных на усиление судебного контроля и прозрачности процесса заключения соглашений, а также на создание механизма пересмотра соглашений в случае выявления нарушений прав обвиняемого [477].

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Латвии являются важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, включая добровольность, защиту прав обвиняемого и судебный контроль. В целом латвийская модель процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

В Литве процессуальные соглашения о признании вины являются частью уголовного судопроизводства и регулируются нормами Уголовно-процессуального кодекса (*Lietuvos baudžiamoji proceso kodeksas*). Этот механизм направлен на ускорение судебных процессов и снижение нагрузки на суды, но в отличие от стран с англосаксонской правовой системой, в Литве процессуальные соглашения всегда сопровождаются обязательным судебным контролем. Это означает, что признание вины обвиняемым не гарантирует автоматического смягчения наказания, а окончательное решение остается за судом, который оценивает справедливость и законность сделки [478].

Согласно законодательству Литвы, процессуальное соглашение между обвиняемым и прокуратурой возможно только при соблюдении ряда условий. Во-первых, обвиняемый должен добровольно признать свою вину и осознавать последствия заключаемого соглашения. Во-вторых, процессуальные соглашения применяются только к преступлениям

средней тяжести и не могут использоваться в случаях тяжких преступлений, таких как убийства, терроризм или преступления против национальной безопасности. В-третьих, участие защитника является обязательным, чтобы гарантировать соблюдение прав обвиняемого. В-четвёртых, суд должен проверить законность сделки и вынести окончательное решение о её утверждении или отклонении [479].

Одним из ключевых принципов литовской системы процессуальных соглашений является обеспечение процессуальных гарантит. Судебный контроль играет решающую роль, поскольку предотвращает возможные злоупотребления со стороны следствия и прокуратуры. Добровольность признания вины гарантирует, что соглашение не является результатом принуждения. Ограниченнное применение сделки в уголовных делах позволяет избежать её использования в преступлениях, представляющих значительную общественную опасность. Обязательное участие защитника минимизирует риск давления на обвиняемого и обеспечивает его осведомлённость о юридических последствиях сделки [480].

Как член Европейского союза и Совета Европы, Литва обязана соблюдать международные правовые стандарты, включая статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека, которая гарантирует право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения допустимыми, но подчёркивает, что они должны сопровождаться судебным контролем, чтобы не допустить нарушения прав обвиняемого. В литовской практике этот принцип реализуется через строгий надзор судов за процедурами заключения процессуальных соглашений, что позволяет снизить риск их необоснованного использования [481].

Верховный суд Литвы (*Lietuvos Aukščiausiasis Teismas*) оказывает значительное влияние на формирование судебной практики в отношении процессуальных соглашений. В одном из своих решений суд подчеркнул, что признание вины не может быть единственным основанием для вынесения приговора – суд обязан учитывать дополнительные доказательства и убедиться в наличии объективных оснований для

утверждения сделки. Также суд отметил, что в случае нарушения процессуальных прав обвиняемого соглашение может быть аннулировано, а дело направлено на обычное судебное разбирательство [482].

На практике процессуальные соглашения в Литве чаще всего заключаются в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией и мошенничеством. Этот механизм позволяет значительно ускорить рассмотрение уголовных дел и снизить нагрузку на суды. Однако в делах о тяжких преступлениях процессуальные соглашения не допускаются, что демонстрирует взвешенный подход литовского законодательства к их использованию.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, данный механизм подвергается критике со стороны правозащитных организаций. Основные опасения связаны с возможным давлением на обвиняемых со стороны следствия, а также с недостаточно чёткими критериями судебного контроля. В ответ на эти вызовы Министерство юстиции Литвы инициировало реформы, направленные на повышение прозрачности процедуры заключения соглашений, улучшение защиты прав обвиняемых и введение дополнительных процессуальных гарантит. Ожидается, что будущие изменения в законодательстве позволят ещё больше минимизировать возможные риски и повысить эффективность данного механизма.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Литве являются важным инструментом уголовного судопроизводства, способствующим упрощению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения процессуальных гарантит, включая добровольность признания, участие защитника и судебный контроль. В целом литовская система процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

В Эстонии процессуальные соглашения о признании вины являются частью уголовного судопроизводства и регули-

рутся Уголовно-процессуальным кодексом (Kriminaalmenetluse seadustik). Этот механизм позволяет ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на судебную систему, но при этом предусматривает строгий судебный контроль, что отличает его от англосаксонской модели *plea bargaining*. В эстонской правовой системе процессуальное соглашение не является автоматической гарантией смягчения наказания, а его обоснованность и законность проверяются судом [483].

Процессуальные соглашения в Эстонии могут быть заключены при соблюдении ряда условий. Во-первых, обвиняемый должен добровольно признать свою вину и осознавать все юридические последствия сделки. Во-вторых, соглашение возможно только по преступлениям средней тяжести, тогда как в случаях тяжких преступлений (убийства, терроризма, преступления против государственной безопасности) оно не применяется. В-третьих, обязательное участие защитника гарантирует, что обвиняемый полностью понимает свои права и процессуальные последствия сделки. В-четвёртых, суд обязан проверить справедливость и законность соглашения перед его утверждением, чтобы исключить нарушения прав обвиняемого и убедиться, что сделка не противоречит общественным интересам [484].

Система процессуальных соглашений в Эстонии основывается на нескольких ключевых принципах. Добровольность признания вины означает, что соглашение может быть заключено только в том случае, если обвиняемый согласен с условиями сделки без какого-либо принуждения. Судебный контроль является обязательным этапом: суд проверяет, соответствуют ли условия соглашения закону, имеются ли достаточные доказательства вины обвиняемого и не ущемляются ли его права. Ограниченностю применения предполагает, что процессуальные соглашения применяются в основном в делах о преступлениях средней тяжести. Защита прав обвиняемого обеспечивается через участие адвоката, который консультирует клиента и следит за соблюдением его процессуальных гарантий [485].

Как член Европейского союза и Совета Европы, Эстония обязана соблюдать международные правовые нормы, включая статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека, гарантирующую право на справедливый суд. Европейский суд по правам человека признаёт процессуальные соглашения допустимой практикой, но подчёркивает, что они должны сопровождаться судебным контролем, чтобы исключить возможность злоупотреблений со стороны органов уголовного преследования. В эстонской практике эти принципы реализуются за счёт обязательного утверждения соглашений судом и возможности обвиняемого отказаться от сделки до её окончательного утверждения [486].

Верховный суд Эстонии (Riigikohus) оказывает значительное влияние на развитие судебной практики в отношении процессуальных соглашений. В одном из своих решений суд разъяснил, что признание вины не может быть единственным основанием для вынесения приговора – суд должен проверить все обстоятельства дела и убедиться, что доказательства действительно подтверждают вину обвиняемого. Также суд отметил, что в случае выявления нарушений прав обвиняемого соглашение может быть аннулировано, а дело передано в обычное судебное разбирательство [487].

На практике процессуальные соглашения чаще всего применяются в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией и налоговыми правонарушениями. В этих случаях механизм позволяет сократить сроки разбирательства, снизить судебные издержки и повысить эффективность уголовного правосудия. Однако в делах о тяжких преступлениях процессуальные соглашения не допускаются, что демонстрирует строгость подхода эстонского законодательства к их использованию.

Несмотря на эффективность процессуальных соглашений, этот механизм подвергается критике со стороны правоохранительных организаций. Основные опасения связаны с возможным давлением на обвиняемых со стороны следствия, а также с недостаточно строгими критериями оценки сделок судом. В ответ на эти вызовы Министерство юстиции Эстонии инициировало реформы, направленные на повышение

прозрачности процесса заключения соглашений, усиление судебного контроля и уточнение процессуальных гарантий. Ожидается, что будущие изменения в законодательстве позволят минимизировать возможные риски и повысить эффективность данного механизма.

Таким образом, процессуальные соглашения о признании вины в Эстонии представляют собой важный инструмент уголовного судопроизводства, который способствует ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, включая добровольность признания, участие защитника и судебный контроль. В целом эстонская система процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

Институт процессуальных соглашений о признании вины в странах Северной Европы развивается с учетом национальных правовых традиций и международных стандартов, однако его применение существенно отличается от практики ангlosаксонских и континентально-европейских государств. В Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии и Исландии процессуальные соглашения в классическом виде отсутствуют, а признание вины рассматривается лишь как смягчающее обстоятельство, не заменяющее полноценного судебного разбирательства. При этом судебный контроль остается неотъемлемой частью процесса, предотвращая возможные злоупотребления и защищая права обвиняемых.

В странах Балтии (Латвия, Литва, Эстония) процессуальные соглашения являются частью уголовного судопроизводства, но сопровождаются строгим судебным надзором. Заключение сделки возможно только при соблюдении ряда условий, включая добровольность признания вины, обязательное участие защитника и судебное утверждение соглашения. Этот механизм позволяет ускорять судебные процессы и снижать нагрузку на суды, но его применение ограничено преступлениями средней тяжести, исключая наиболее тяжкие правонарушения.

Общий подход стран Северной Европы демонстрирует стремление к балансу между эффективностью правосудия и защитой прав обвиняемых. Несмотря на различия в регулировании, ключевыми элементами национальных моделей остаются высокая степень судебного контроля, независимость судов и невозможность автоматического смягчения наказания на основании признания вины. В то же время в ряде стран рассматриваются возможные реформы, направленные на уточнение роли признания вины и усовершенствование правоприменительной практики.

Можно сделать вывод о том что, процессуальные соглашения в странах Северной Европы либо отсутствуют, либо функционируют в ограниченном виде, что обусловлено национальными правовыми традициями и принципами справедливого судопроизводства. Однако тенденции к реформированию законодательства свидетельствуют о стремлении к повышению гибкости уголовного процесса без ущерба для принципов правосудия и защиты прав обвиняемых.

4 ПРОИЗВОДСТВО НА ОСНОВЕ СОГЛАШЕНИЯ (СДЕЛКИ) О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В СВЕТЕ ДОКТРИНЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

4.1 Анализ института суммарных производств на основе критериев эффективности уголовного судопроизводства и оптимальности уголовно- процессуальной формы

В целях реализации положений Концепции развития правовой системы и правосознания в Республике Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 июня 2021 года № 599, а также в соответствии с Национальным планом по защите прав человека в Республике Казахстан, принятом в 2021 году, особое внимание уделяется упрощению и ускорению уголовного судопроизводства как на стадии досудебной подготовки, так и в судебных инстанциях. Для теории и практики уголовного процесса актуальной остается задача поиска оптимального решения, которое не только обеспечивало бы эффективность расследования и судебного разбирательства, но также соответствовало бы фундаментальным принципам уголовного процесса, гарантируя защиту прав и свобод граждан от возможных нарушений и злоупотреблений со стороны органов уголовного преследования.

При этом упрощенные или суммарные производства не являются пережитком инквизиционного типа процесса, а обладают самостоятельной и длительной историей развития как в континентальной, так и в ангlosаксонской правовых системах. В целях подтверждения тезиса о том, что упрощенный порядок производства по уголовным делам является неотъемлемым и необходимым элементом любой системы правосудия, независимо от ее правовой традиции, был проведен ретроспективный анализ законодательства, оказывавшего влияние на уголовное судопроизводство Казахстана и обусловившего формирование большинства современных уголовно-процессуальных институтов.

Одним из направлений дифференциации уголовно-процессуальной формы является расширение применения суммарного (упрощенного) порядка производства по делам, относящимся к категории небольшой общественной опасности, а также по преступлениям, совершенным в условиях очевидности [488]. Хотя термин «очевидность» не рассматривается нами в качестве универсального критерия для применения упрощенного порядка, его детальный анализ выходит за рамки данного раздела и будет представлен в третьей части работы.

Сокращенная форма производства была неизвестна правопорядку, основанному на обычном праве, где функции расследования, обвинения и «правосудия» осуществлялись потерпевшим или его родственниками. В тот исторический период, когда еще не существовали государственные институты публичной власти, не было систематизированных источников права, регулирующих материальные и процессуальные правоотношения, отсутствовала и публичная деятельность специально уполномоченных органов и должностных лиц, ответственных за уголовное преследование. Очевидно, что говорить о возникновении упрощенного производства можно лишь при наличии установленного порядка уголовного разбирательства. В историческом контексте уголовное судопроизводство представляет собой специфическую деятельность публичных органов и должностных лиц, направленную на расследование, предъявление обвинения и рассмотрение дел о преступлениях.

Впоследствии, с укреплением централизованного государства и усилением абсолютистской власти, сторона обвинения приобретает дуалистический характер: появляется фигура обвинителя, не совпадающего с потерпевшим, а процессуальный статус последнего претерпевает значительные изменения. Функция рассмотрения и разрешения уголовных дел возлагается на специально назначенного чиновника-судью, который самостоятельно «ради своего чину по должности судебный вопрос и розыск чинит» [489].

Еще в древнем Римском государстве применялись нормы, регулирующие ускоренное (экономичное) уголовное

судопроизводство. Римские юристы использовали дифференцированный подход как в материальном, так и в процессуальном праве, что подтверждается уже существовавшим разделением правонарушений на преступления, деликты и проступки. Логичным продолжением этого стало развитие дифференциации уголовно-процессуальных форм, в частности, законодательное закрепление норм, предусматривающих упрощенное производство наряду с обычным [490].

В тот период доказывание представляло собой строго формализованную процедуру, включавшую присяги, испытания («ордалии») и пытки. Согласно представлениям средневекового законодателя, дальнейшее исследование доказательств становилось излишним в случае, «когда кто признает, чем он винен есть... понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света» (ст. 1 главы II раздела «Вторая часть процессу» «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» [491]). В таких случаях дополнительные доказательства не требовались, а признание обвиняемого рассматривалось как исчерпывающее основание для вынесения решения.

В середине XIX века российское право устанавливает принцип равной значимости признания вины наряду с другими доказательствами, которые подлежат оценке «по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда» [492]. В этот же период в судебной практике США возникает сокращенная форма судебного разбирательства в случаях признания обвиняемым своей вины – «сделка о признании вины» (plea bargain), генезис которой был рассмотрен нами в первом разделе работы.

Обращаясь к истории казахстанской государственности в указанный период, можно отметить, что наряду с судебными и следственными процедурами, установленными имперским российским правом, суды биев, существовавшие в Казахстане задолго до правления Тауке-хана (после 1652 г. до 1680 г. – около 1715 г.) [493], сохраняли свое значение вплоть до установления советской государственности. Местное казахское население предпочитало разрешать спо-

ры и тяжбы именно в этих судах, поскольку их процедуры были более понятными и доступными. В сравнении с бюрократизированной системой губернских судов, суды биев представляли собой упрощенный порядок разбирательства, который, помимо процессуальной гибкости, был социально ближе к интересам коренного населения.

Одной из ключевых особенностей обычного судебного процесса было наличие у бия широких дискреционных полномочий, позволяющих ему по своему усмотрению толковать действующие обычно-правовые нормы, включая их расширительное истолкование, и выносить соответствующие решения. В случаях пробела в праве судья мог не только применять аналогию закона, но и формулировать новые нормы на основе существующих правовых традиций либо исходя из принципов здравого смысла, добрых нравов и справедливости. Однако дискреционные полномочия бия не были безграничными. При осуществлении правосудия он опирался на совокупность казуальных (конкретных) и общих норм права, требующих индивидуального толкования в зависимости от обстоятельств рассматриваемого дела [494].

С присоединением Казахстана к Российской империи (в период с 1713 по 1734 годы) институт биев не только сохранился, но и получил дальнейшее развитие. Уездные и губернские суды, являясь частью российской судебной системы, оказались малоэффективными в условиях местного правосудия, поскольку уровень и характер правового сознания казахского населения существенно отличались от российских правовых традиций. Имперские власти осознавали эти различия и не предпринимали кардинальных шагов по немедленной ликвидации традиционной судебной системы. Принятые «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.) и «Устав об оренбургских киргизах» (1824 г.), которые фактически упразднили ханскую власть в Казахстане (за исключением Букеевской, или Внутренней, Орды), стали важной вехой в политике административного управления регионом, а также способствовали активной правительенной и частной казачьей колонизации. Однако эти меры не привели к полной ликвидации традиционных институтов власти. Родоплемен-

ная структура казахского общества, включая суд биев и власть султанов, сохраняла свою значимость, продолжая играть ключевую роль в регулировании общественных и правовых отношений.

Именно поэтому абсолютное большинство дел оставалось в подсудности судов биев, и такая ситуация сохранялась вплоть до 1868 года. После подписания императором Александром II «Временного положения об управлении в степных областях», территории Казахстана была административно разделена на шесть областей: Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Сырдарынскую и Семиреченскую. С распространением российского законодательства полномочия судов биев были значительно ограничены – им оставили лишь рассмотрение семейно-брачных дел, мелких исков и тяжб.

Указом от 13 августа 1799 года Екатерина II установила, что убийства, совершенные казахами, подпадают под юрисдикцию законов Российской империи. Однако при Александре I судебная власть в казахской степи оставалась в ведении традиционных институтов: «суд и расправа в орде представляется хану и его совету, и, по обычаям их, частным родоначальникам» [495]. В соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» (1822 г.), все судные дела киргизов (казахов) были разделены на три категории: уголовные, исковые и жалобы на Управление. К уголовным делам относились только преступления, связанные с государственной изменой, убийствами, грабежами, барантой (кражей скота) и явным неповиновением установленной власти. Все остальные дела, даже если они содержали признаки уголовного преступления (например, кражи), рассматривались как иск. Соответственно, процесс разбирательства различался. Для уголовных дел предусматривалось обязательное предварительное следствие, после чего они подлежали рассмотрению в окружном приказе. Исковые дела разбирались биями в аулах и волостях по нормам казахского обычного права [495].

Реформы 1867–1868 годов привели к ослаблению влияния родовой аристократии, что значительно повлияло на их правовое, экономическое и политическое положение. Новая

система административного управления приобрела выраженный военно-колониальный характер. Во главе областей были назначены военные генерал-губернаторы, которые одновременно являлись командующими военными округами и сосредоточили в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Принцип неразделенности военной и гражданской властей стал основой административного устройства казахской степи в соответствии с реформой. Данный период представляет значительный научный интерес, поскольку проведенные в 1867–1868 годах политико-административные преобразования вызвали существенные изменения в социальной, политической и правовой жизни казахского общества, заложив основы последующей интеграции казахских территорий в систему управления Российской империи.

Со второй половины XIX века царское правительство предпринимало меры по регламентации деятельности судов биев посредством писаного законодательства [496].

В 1844 году было установлено, что иски между киргизами (казахами), сумма которых превышала 50 рублей серебром, подлежали рассмотрению не судами биев, а комиссиями по общим государственным (российским) законам. В то же время иски на сумму менее 50 рублей серебром могли рассматриваться Пограничной комиссией, «применяясь к киргизским обычаям и с возможным упрощением делопроизводства» [495]. Суд биев был официально закреплен в Положении об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями (1867 г.). В частности, пункт 181 данного положения устанавливал, что «народный суд у киргизов есть разбор дел, по народным обычаям, выбранными судьями - биями». В подсудность судов биев были отнесены баранта (кража скота) и убийства, совершенные между казахами [495]. На тот период суд биев представлял собой более упрощенную и эффективную систему разбирательства по сравнению с громоздкой процедурой российского уголовного процесса. Этот вывод подтверждается при сравнительном анализе казахской и российской систем судопроизводства XIX века.

Сложная и малодифференцированная система судопроизводства и уголовного преследования в России, установленная Соборным уложением 1649 года, оставалась практически неизменной вплоть до первой половины XIX века, когда был издан Свод Законов Российской империи.

В этот период как судопроизводство, так и предварительное следствие становились все более сложными и бюрократизированными. Разбирательство дел занимало годы из-за необходимости сбора бесконечных справок, дополнительных сведений и вызовов лиц для рукоприкладства (подписания документов). Канцелярии часто использовали эти процедуры для затягивания дел. Поворотным моментом в истории российского судопроизводства стало учреждение суда присяжных и мировых судей. Мировой судья единолично рассматривал дела о проступках против общественного порядка, личных оскорблений, побоях, мошенничествах и кражах на сумму, не превышающую 300 рублей. Введение гласного и быстрого устного разбирательства, свободного от сословных привилегий, стало значительным шагом вперед по сравнению с прежней практикой, когда судебные решения часто основывались на произвольных действиях полицейских чиновников [497].

В советском Казахстане суды биев в различных модификациях, несмотря на преследование со стороны официальных властей и переименование в «аксакальские суды», продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов, пока не были окончательно ликвидированы в результате цепенаправленной политики репрессий. В советский период формирование отечественного института ускоренного производства находилось под значительным влиянием союзной системы юстиции и судопроизводства.

Интересное развитие упрощенных (суммарных) производств наблюдается с середины XIX века в дореволюционной России, когда российское законодательство впервые институционализировало упрощенный порядок судопроизводства. Первый уголовно-процессуальный кодекс России – «О судопроизводстве по преступлениям», содержавшийся в 15

тome Свода законов Российской Империи (1835 г.), вводил разграничение между двумя формами расследования:

1. Предварительное следствие, основной задачей которого было установление признаков преступления и виновного. Оно включало:

- расследование «по горячим следам»;
- розыск подозрительных лиц и наблюдение за ними;
- установление поличного, проведение обысков и выемок и др.

Данный вид следствия осуществлялся квартальными надзирателями, полицией, приставами.

2. Формальное следствие, которое производилось только в отношении известного лица и включало комплекс следственных действий:

- допрос обвиняемого;
- сбор доказательств его вины;
- принятие мер по обеспечению взысканий с обвиняемого.

Впоследствии эти формы эволюционировали и закрепились в российской уголовно-процессуальной системе как дознание и предварительное следствие [498].

В качестве приложения к Указу Александра II от 8 июня 1860 года о введении института судебных следователей был издан «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или преступок». Эти документы впервые де-юре закрепили разделение предварительного расследования на дознание и следствие.

До проведения судебной реформы 1864 года (Судебные уставы от 20 ноября 1864 года, далее УУС, Устав) система местной юстиции оставалась в ведении полиции. Предварительное следствие, правосудие и исполнение приговора по маловажным делам осуществлялись полицией, а конкретно - квартальными надзирателями. При недостаточности доказательств обвиняемый «оставлялся в подозрении», что на практике приводило к завершению большинства уголовных дел без вынесения окончательного решения. Именно «оставление в подозрении» становилось наиболее распространен-

ным исходом расследований [499]. К сожалению, более детальных сведений о процедуре производства по маловажным делам в этот период не сохранилось.

В результате судебной реформы 1864 года была сформирована система упрощенных производств, основанная на четко регламентированных процедурах рассмотрения дел. Их материальную базу составляли уголовные преступления и проступки небольшой тяжести, за которые предусматривалось наказание, не превышающее одного года лишения свободы или трех месяцев ареста. Для рассмотрения таких дел, а также для разбирательства дел частного обвинения, была создана система местных судов в лице мировых судей. Эти суды были наделены полномочиями самостоятельно разбирать малозначительные уголовные дела, обеспечивая более оперативное и доступное правосудие [492].

Упрощенное (суммарное) производство применялось преимущественно в деятельности местной юстиции. В рамках уголовных дел, относящихся к компетенции мировых судей, дознание проводилось:

- по поручению судьи (ст. 47, 52 УУС),
- по просьбе потерпевшего (ст. 48 УУС),
- по инициативе полиции.

В ходе дознания полиция собирала необходимые сведения посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, но не имела права проводить обыски и выемки в домах (ст. 254 Устава). После установления лица, совершившего преступление, полиция составляла сообщение о совершенном преступлении, которое должно было быть аналогом обвинительного акта. В нем следовало отразить все сведения о преступлении, его участниках и состав преступления, подлежащий судебному разбирательству. Однако на практике это требование часто не соблюдалось. В большинстве случаев мировым судьям передавались лишь материалы полицейского дознания «для распоряжения», без четкой юридической квалификации преступления. В таких ситуациях мировой судья вынужден был самостоятельно определять, содержатся ли в материалах достаточные данные о преступлении и формулировать его состав [492].

Аналогичное дознание могло проводиться местной полицией и по делам, не относящимся к категории частного обвинения, согласно ст. 47 УУС: «При неимении ввиду обвиняемого в том преступном действии, в котором принесена жалоба, или при недостаточности доказательств, подтверждающих обвинение, мировой судья может поручить местной полиции собрать все необходимые по делу сведения, если преступное действие принадлежит к числу тех, которые преследуются независимо от жалоб частных лиц».

Помимо общего порядка рассмотрения дел у мирового судьи, Устав уголовного судопроизводства (раздел 4) предусматривал особые процедуры для некоторых категорий дел. В частности, по делам о преступлениях и проступках против имущества, доходов казны и против общественного благоустройства полиция, установив факт преступления и личность виновного, составляла протокол о правонарушении, который затем направлялся в суд. Такой упрощенный порядок позволял ускорить рассмотрение административных и уголовных дел малой тяжести.

В результате судебной реформы 1864 года в Российской империи была сформирована продуманная система упрощенных производств, направленная на оперативное рассмотрение дел о преступлениях небольшой тяжести. В их материальную базу входили уголовные преступления и проступки, наказание за которые не превышало одного года лишения свободы или трех месяцев ареста. Для рассмотрения таких дел, а также дел частного обвинения, была создана система местных судов в лице мировых судей, наделенных полномочиями самостоятельно разбирать малозначительные уголовные дела [492].

Упрощенное (суммарное) производство применялось преимущественно в деятельности местной юстиции. В рамках уголовных дел, относящихся к компетенции мировых судей, дознание проводилось по поручению судьи (ст. 47, 52 УУС), по просьбе потерпевшего (ст. 48 УУС) или по инициативе полиции. В ходе дознания полиция собирала необходимые сведения посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, не имея права проводить

обыски и выемки в домах (ст. 254 Устава). После установления личности преступника полиция составляла сообщение о совершенном преступлении, которое должно было быть аналогом обвинительного акта, содержащего описание преступления, его состав и сведения о виновном. Однако на практике это требование часто игнорировалось: в суд передавались лишь материалы полицейского дознания «для распоряжения», что вынуждало мировых судей самостоятельно формулировать состав преступления и решать вопрос о наличии оснований для судебного разбирательства [492].

Аналогичное дознание могло проводиться и по делам, не относящимся к категории частного обвинения. Согласно ст. 47 УУС, если обвиняемый отсутствовал или доказательства были недостаточны, мировой судья мог поручить полиции собрать дополнительные сведения, если преступление подлежало преследованию независимо от жалоб частных лиц. Помимо общего порядка рассмотрения дел, Устав уголовного судопроизводства (раздел 4) предусматривал особые процедуры для некоторых категорий преступлений. Так, по делам о преступлениях против имущества, доходов казны и общественного порядка полиция, установив факт преступления и личность виновного, составляла протокол о правонарушении, который затем передавался в суд.

Существовала также возможность не проводить предварительное следствие. В соответствии с ст. 545 УУС, прокурор мог направить обвинительный акт в суд, если признавал возможным рассмотрение дела без предварительного расследования, при условии, что и суд не усмотрит необходимости в таковом. В некоторых случаях, когда факт преступления и личность виновного были очевидны, полиция могла ограничиться констатацией события преступления и направлением сообщения в суд и прокуратуру, без проведения дознания (ст. 250 УУС).

Кроме того, существовал особый вид сокращенного производства – немедленный привод обвиняемого в суд с незамедлительным разбирательством. Этот порядок применялся в случаях, когда:

- личность виновного, задержанного при совершении преступления, неизвестна полиции;
- он не может подтвердить свои имя, фамилию и место жительства;
- существует риск, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступления (ст. 51 Устава).

Порядок немедленного привода предусматривал рассмотрение уголовного дела в суде непосредственно после задержания обвиняемого и его краткого допроса прокурором. Обвинение в таких делах формулировалось судом перед началом процесса, и если судья не находил обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела, разбирательство проводилось немедленно.

В отличие от немедленного привода, процедура судебного приказа (более связанная с судебными стадиями) была направлена на сочетание быстроты производства с его правомерностью и судебными гарантиями. В этом порядке полноценное судебное разбирательство с участием обвиняемого не проводилось. Ему лишь предоставлялось право обжалования судебного решения с целью последующего рассмотрения дела в обычном судебном порядке.

Судебный приказ мог применяться только по делам о преступлениях, наказание за которые предусматривало арест до 15 суток или денежный штраф (ст. 1804–1811 УУС). Для возбуждения дела полицейские органы направляли в суд сообщение, содержащее достаточные и не вызывающие сомнения доказательства совершенного преступления. Однако закон не регламентировал процедуру полицейской проверки и конкретные требования к доказательствам, которые должны были представляться суду.

При рассмотрении дела обвиняемый в суд не вызывался, но мог явиться добровольно для дачи объяснений. Судья единолично изучал представленные материалы и выносил решение без проведения судебного разбирательства.

Важной особенностью данного производства являлось положение об обязательном снижении наказания по сравнению с максимальным, предусмотренным законом. Это позволяло ускорить рассмотрение дел, снизить нагрузку на су-

ды и одновременно обеспечить минимальные гарантии судебной защиты.

В большинстве зарубежных стран наряду с обычным порядком уголовного судопроизводства всегда существовали и продолжают существовать упрощенные процедуры, отличающиеся большей оперативностью и процессуальной гибкостью. Упрощение может проявляться в двух основных формах:

1. Сокращение или полная ликвидация формального до-судебного производства с переносом основного внимания на судебное разбирательство.

2. Полное устранение судебного разбирательства путем внедрения альтернативных процедур разрешения уголовных дел.

Для дальнейшего анализа имеет смысл привести обзор различных форм упрощенного производства, применяемых в разных странах в отношении определенных категорий дел. Этот иллюстративный экскурс позволит продемонстрировать наличие упрощенных (суммарных) производств в уголовном процессе государств с различными правовыми традициями, охватывающими широкую географию и национальные особенности.

Применение компаративистского подхода в таком контексте имеет фундаментальное значение. Оно позволяет окончательно устраниТЬ дискуссию о том, насколько упрощенные производства характерны для отечественного уголовного процесса. Анализ международного опыта доказывает, что типология уголовного судопроизводства определяет лишь внутрисистемные процедурные различия, но не влияет на сам факт существования упрощенных процедур в любой национальной системе уголовного права.

Классической формой упрощенного расследования преступлений является дознание очевидных преступлений во Франции. Оно проводится при наличии следующих условий:

- преступление обнаружено в момент совершения или сразу после него;

- подозреваемый преследуется «возгласами людей» (общественным обвинением);

- у подозреваемого обнаружены предметы или имеются следы, позволяющие предположить его причастность к только что совершенному преступлению;

- преступление совершено в жилом помещении, и его хозяин приглашает прокурора или офицера судебной полиции для засвидетельствования факта преступления [500].

Французские исследователи отмечают, что понятие очевидности преступления, закрепленное в законе, трактуется настолько широко, что практически любое преступление может быть квалифицировано как очевидное. Тем не менее, данный механизм оценивается положительно, поскольку позволяет быстро зафиксировать факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. В большинстве случаев досудебное производство ограничивается именно дознанием очевидных преступлений [501].

Дознание начинается немедленно с момента обнаружения преступления без необходимости вынесения процессуального акта. Судебная полиция, на которую возложена функция дознания, наделена полномочиями следственного судьи и может самостоятельно осуществлять любые следственные действия:

- проводить обыски;
- допрашивать потерпевших и свидетелей;
- задерживать подозреваемого и применять к нему меры пресечения.

При этом для проведения обыска не требуется санкция прокурора или судьи. Срок проведения дознания законом не ограничен, но на практике оно, как правило, длится не более нескольких дней. Данные, полученные в ходе дознания судебной полицией, обладают такой же доказательственной силой, как материалы, собранные при проведении предварительного следствия.

В соответствии со ст. 72 УПК Франции, дознание очевидных преступлений вправе осуществлять следственный судья. Однако на практике это происходит крайне редко, и в научной литературе отмечается, что данная норма устарела и требует отмены [502].

Аналогичные процедуры упрощенного дознания существуют в уголовном процессе Италии, Бельгии, Австрии и других стран. Другими формами сокращенного досудебного производства являются немедленный привод обвиняемого и прямой вызов в суд.

Немедленный привод обвиняемого широко используется в Великобритании, США, Италии и других странах. В Великобритании лицо, совершившее преступление, может быть немедленно доставлено в магистратский суд, который рассматривает до 98% всех уголовных дел в суммарном порядке. Особенности упрощенного разбирательства в магистратских судах Великобритании:

- Досудебная подготовка не проводится.
- Письменный обвинительный акт не составляется.
- Формулировка обвинения излагается устно в суде.
- Если обвиняемый признает вину, суд не исследует другие доказательства виновности.

Прямой вызов к суду применяется в случаях, когда обвинитель и обвиняемый одновременно являются в суд, что позволяет немедленно рассмотреть дело без досудебной подготовки. Вместе с тем, следует учитывать, что в Англии никогда не существовало предварительного следствия континентального типа. В связи с этим Л.В. Головко справедливо отмечает, что сравнение континентальной системы уголовного судопроизводства с англо-саксонским процессом возможно лишь с определенной долей условности [500, 503].

В Австрии при рассмотрении дел районным судом также применяется прямой вызов к суду, при котором не проводится предварительное расследование и официальное привлечение в качестве обвиняемого. Процесс начинается с письменного или устного заявления обвинителя о привлечении лица к уголовной ответственности. Если судья не усматривает препятствий для рассмотрения дела, он принимает решение о начале судебного разбирательства.

В случаях, когда обвиняемый и обвинитель одновременно являются в суд и при этом либо имеют необходимые доказательства, либо обвиняемый признает себя виновным, рассмотрение дела может состояться немедленно при его

согласии. Если же немедленное разбирательство невозмож-но, обвиняемому направляется судебный приказ, содержа-щий описание инкриминируемого деяния и требование явиться в назначенное время в суд с доказательствами своей невиновности либо заблаговременно уведомить суд о невоз-можности явки. Для подготовки к судебному разбиратель-ству обвиняемому предоставляется 24 часа.

В ФРГ действует предельно упрощенный порядок уголовного судопроизводства - производство об издании судей-ского приказа о наказании (*Strafbefehl*), предусмотренное ст. 407–412 УПК Германии. Данная процедура применяется по делам о проступках, которые подсудны единолично участко-вому судье. Процесс начинается с того, что прокурор, на ос-новании сведений, собранных полицией, готовит письмен-ное ходатайство о назначении наказания. При этом пред-ставление обвинительного акта не требуется, а сам порядок сбора информации полицией уголовно-процессуальным за-коном не регламентирован. Судья, без вызова обвиняемого в суд и без проведения судебного разбирательства, выносит приказ о наказании. В рамках этой процедуры могут назна-чаться наказания в виде штрафа, запрета на вождение авто-транспорта, лишения водительских прав на срок до двух лет. Если у судьи возникают сомнения в том, что дело можно разрешить без судебного разбирательства, он вправе назна-чить полноценное судебное рассмотрение. Однако на прак-тике этого практически не происходит, поскольку прокурор и судья обычно заранее договариваются о мере наказания. Приказ о наказании содержит сведения об обвиняемом, опи-сание совершенного проступка, его юридическую квалифи-кацию и назначенное наказание. В качестве доказательств чаще всего указываются признание вины обвиняемым и ссылки на фамилии свидетелей. Если приказ не оспаривает-ся, он приобретает силу судебного приговора. Однако воз-ражения на практике встречаются крайне редко, что делает данный порядок быстрым и эффективным механизмом рас-смотрения малозначительных уголовных дел. Анализ норм УПК ФРГ, регламентирующих *Strafbefehl* (Шестая Книга

«Особые виды производства») [504], будет представлен в третьем разделе работы.

Бывшие социалистические страны также внедрили механизмы упрощенного уголовного судопроизводства. Так, ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Польши, принятого в 1998 году, предусматривает ускоренное разбирательство по преступлениям, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы. В случаях, когда представленные обвиняемым доказательства не вызывают сомнений, дальнейшее предварительное расследование может не проводиться, за исключением сбора ключевых сведений о личности обвиняемого и оценки причиненного ущерба. Прокурор, при наличии согласия обвиняемого, вправе приложить к обвинительному акту ходатайство о назначении более мягкого наказания, условного осуждения или освобождения от наказания. Если обстоятельства преступления полностью ясны и поведение обвиняемого свидетельствует о его готовности следовать требованиям правосудия, суд может удовлетворить ходатайство прокурора без проведения полноценного судебного разбирательства.

В ряде государств, ранее входивших в состав Советского Союза, например, в Беларуси, продолжает применяться ускоренное досудебное производство, которое представляет собой модифицированную версию советской протокольной формы подготовки материалов. Этот процесс позволяет оперативно рассматривать уголовные дела небольшой тяжести, сокращая объем предварительного расследования и упрощая процедуру передачи дела в суд.

В Эстонии ускоренное производство предусмотрено Главой 32 УПК и применяется в отношении преступлений третьей степени (нетяжких), если в течение десяти дней с момента поступления сообщения о преступлении, а в случае назначения экспертизы - в течение одного месяца, возможно выяснение всех обстоятельств совершенного деяния. Данное производство осуществляется следователем, который вправе проводить осмотр места происшествия, назначать экспертизы, получать объяснения, истребовать данные о размере имущественного ущерба и собирать иные доказательства,

имеющие значение для дальнейшего судебного разбирательства (ст. 358 УПК Эстонии).

При наличии достаточных оснований для подозрения лица в совершении преступления следователь выносит постановление о его признании подозреваемым, берет с него обязательство о явке по вызову следователя или суда, а также обязанность уведомлять об изменении места жительства. После окончания производства следователь составляет заключение, в котором указываются данные о подозреваемом, сведения о вещественных доказательствах, меры по обеспечению специальной конфискации и гражданского иска, расчет расходов на предварительное расследование, место, время, способ, мотивы и последствия преступления, а также его квалификация (ст. 359 УПК Эстонии). К заключению прилагаются собранные материалы и список лиц, подлежащих вызову в суд, после чего в течение двадцати четырех часов оно предъявляется подозреваемому и защитнику для ознакомления. Факт ознакомления удостоверяется подписью, после чего материалы направляются прокурору.

Прокурор рассматривает дело в течение пяти суток и может либо утвердить заключение и направить материалы в суд, отказать в возбуждении дела, вернуть материалы для устранения недостатков в порядке ускоренного производства в срок до десяти дней, либо направить дело на предварительное следствие (ст. 361 УПК Эстонии).

Кроме того, в УПК Эстонии существует Раздел VIII «Упрощенное производство», содержащий Главу 33 (ст. 364-390 УПК Эстонии), которая регулирует процедуру заключения соглашения с обвиняемым о признании вины в полном объеме. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Эстонии предусматривает два самостоятельных вида упрощенного производства: ускоренное производство, предусмотренное Главой 32, которое по своей правовой природе аналогично дознанию, и упрощенное производство по Главе 33, являющееся разновидностью соглашения о признании вины, аналогичного *plea bargain*, но с важным отличием — в эстонской модели отсутствует торг по поводу квалификации и содержания обвинения, а предметом соглашения

ния может быть только вид и размер наказания, о котором ходатайствует прокурор. Такой подход представляется более эффективным и обоснованным для возможной имплементации аналогичных упрощенных процедур в национальное уголовно-процессуальное законодательство.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова (УПК РМ) [505] предусмотрено ускоренное производство по явным преступлениям. Под явными преступлениями понимаются преступления, раскрытие которых в момент их совершения, а также те, где исполнитель сразу после совершения преступления преследуется потерпевшим, очевидцами или другими лицами либо задержан неподалеку от места преступления с оружием, инструментами или другими предметами, указывающими на его возможную причастность. Такое производство применяется как в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, так и тяжких, но не используется в делах несовершеннолетних. При этом срок ускоренного производства, как и срок обычного расследования, УПК Молдовы не устанавливает, а уголовное преследование должно осуществляться в разумные сроки, определяемые прокурором (ст. 259 УПК РМ).

В ходе ускоренного производства орган уголовного преследования составляет протокол, где фиксируются обстоятельства совершенного преступления, показания подозреваемого (если он согласился их дать), а также других опрошенных лиц. При необходимости могут быть собраны и другие доказательства, что также отражается в протоколе. Исполнитель преступления может быть задержан на срок до 72 часов, после чего протокол предъявляется для ознакомления опрошенным лицам и в течение 12 часов передается прокурору. Прокурор проверяет соответствие материалов закону, и если доказательства достаточны, он предъявляет обвинение, составляет обвинительное заключение и передает дело в суд. Если же доказательств недостаточно, прокурор может распорядиться о продолжении расследования, установив сокращенные сроки для проведения дополнительных следственных действий, а в случае задержания подозреваемого — решает вопрос о мере пресечения.

Помимо ускоренного производства, УПК Молдовы предусматривает и процедуру соглашения о признании вины, что отражено в п. 10 ч. 2 ст. 66 УПК РМ. В кодексе содержится Глава III «Производство по соглашению о признании вины», и ее анализ будет продолжен в третьем разделе работы, поскольку этот институт демонстрирует разнообразие форм ускорения и упрощения досудебного производства в уголовном процессе континентального типа.

Таким образом, мировой опыт демонстрирует разнообразные формы упрощенного производства, а также различные способы сокращения судопроизводства по делам о преступлениях небольшой тяжести. Общей для всех систем уголовного процесса является цель максимально сократить время между совершением преступления и применением уголовного наказания, обеспечивая при этом необходимые процессуальные гарантии. Упрощенные формы судопроизводства рассматриваются как нормальное и необходимое явление, поскольку они повышают эффективность уголовного процесса, позволяют достичь его целей с минимальными затратами и не ущемляют прав участников разбирательства. Следовательно, анализ как отечественного исторического опыта, так и уголовно-процессуальных систем различных государств, свидетельствует о том, что дифференциация уголовного судопроизводства в сторону упрощения является постоянным процессом, независимым от национальной правовой системы и принадлежности к определенной правовой семье. Различия в процедурном регулировании, безусловно, существуют, однако они касаются детальных аспектов и не влияют на сам принцип существования упрощенного производства в уголовном процессе [505].

Русло настоящего исследования определяет наш подход к классификации упрощенных (суммарных) производств, которые можно разделить на две основные группы. Первая категория включает упрощенные (суммарные) производства, основанные на позиции обвиняемого, когда процедура инициируется его заявлением о признании вины или отказом оспаривать предъявленное обвинение. Вторая категория охватывает упрощенные (суммарные) производства, осно-

ванные на дифференциации уголовных дел **по** материальным (категория тяжести преступления, специфика конкретных составов) или процессуальным критериям (категория обвинения, очевидность преступления, несложность расследования и т. п.).

На первый взгляд, из приведенной классификации выпадает такой вид производства, как заочное судопроизводство, однако мы разделяем позицию А.С. Тукиева, который относит его не к упрощенным (суммарным) производствам, как утверждают некоторые авторы [492, 506, 507, 508], а к категории производств с усиленными процессуальными гарантиями. Данная группа включает также производство по применению принудительных мер медицинского характера к невменяемым, производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также производство по делам лиц, обладающих привилегиями и иммунитетами от уголовного следования [509].

По мнению Д.К. Канафина, любое упрощение стандартной процедуры уголовного судопроизводства неизбежно ведет к снижению уровня защиты прав личности, оказавшейся в орбите уголовного процесса. Он полагает, что чем проще процессуальная форма, тем выше вероятность вынесения неправосудного приговора [510]. Однако данный тезис представляется спорным, поскольку исходит из представления об уголовном судопроизводстве как о жестко фиксированной системе, где процессуальная форма воспринимается как неизменная и совершенная модель правосудия, любое отступление от которой влечет негативные последствия для участников процесса. Такой подход игнорирует тот факт, что уголовно-процессуальная форма является не статичной константой, а динамически развивающейся системой, способной адаптироваться к изменяющимся общественным отношениям и требованиям к эффективности правоприменения. Мы последовательно придерживаемся позиции, согласно которой процессуальные институты должны эволюционировать, обеспечивая баланс между упрощением процедур и соблюдением гарантий прав участников судопроизводства.

Следует отметить, что мы не ставим перед собой задачу формулирования авторского определения дефиниции «процессуальная форма», поскольку она уже достаточно устоялась в научной литературе благодаря исследованиям таких ученых, как М. Л. Якуб [511], П. Е. Недбайло [512], В. Н. Горшнев [513], Б. Х. Толеубекова [514], Д. К. Канафин [515] и других. Данный вопрос выходит за рамки нашего исследования, так как мы оперируем уже сложившимися понятиями, не углубляясь в дискуссии об их возможных теоретических отличиях. Вместо этого мы предлагаем макроскопический подход, в рамках которого рассматриваем не столько детальную элементную структуру процессуальной формы, сколько ее функциональное назначение и роль в уголовном судопроизводстве.

Согласно нашей позиции, уголовно-процессуальная форма является средством, обеспечивающим жизнеспособность всей системы норм уголовно-процессуального права, поскольку она позволяет регулировать порядок производства по уголовным делам в соответствии с объективными обстоятельствами правоприменительной действительности. Например, институт суда присяжных, несмотря на его состязательный характер и наличие системы гарантий от вынесения неправосудного приговора, нецелесообразно вводить во всех уголовных делах без исключения. Причина этого кроется не в несовершенстве или недостаточной состязательности данного института, а в объективных условиях уголовного судопроизводства в Казахстане, который занимает 9-е место в мире по территории при населении всего 16 миллионов человек. Обязательное рассмотрение всех уголовных дел с участием присяжных заседателей в таких условиях представлялось бы неоправданным и излишне затратным. Именно поэтому в соответствии с УПК Республики Казахстан суду присяжных подсудны только дела об особо тяжких преступлениях, рассматриваемые в судах областной юрисдикции.

Иными словами, сколько бы мы ни пытались придерживаться представления о процессуальной форме с усиленными или традиционными гарантиями как о неприкосновенном

идеале, любое отступление от которого якобы свидетельствует о поиске легких решений вместо поиска сложных, объективная реальность неизбежно диктует необходимость адаптации уголовного процесса и отдельных видов производств к потребностям следственной и судебной практики. Этот аргумент также адресован сторонникам позиции о необходимости абсолютной защиты прав обвиняемого, предполагающей создание такой системы процессуальных гарантит, которая в идеале исключала бы любые возможные злоупотребления со стороны публичной власти. Однако, по нашему мнению, достижение такого уровня защиты невозможно в принципе, поскольку это привело бы к чрезмерному усложнению уголовного судопроизводства и утрате его эффективности.

Таким образом, оптимальность должна рассматриваться как неотъемлемое свойство уголовно-процессуальной формы. Если процессуальная форма теряет эту характеристику, она либо становится нежизнеспособной, либо трансформирует уголовное судопроизводство в замкнутую, самодостаточную систему, все дальнее отходящую от реальных интересов участников уголовно-процессуальных отношений.

Далее в своих рассуждениях Д. К. Канафин формулирует вывод, который, по нашему мнению, противоречит его же собственной позиции. Он утверждает, что процессуальная форма является матрицей, из которой по мере необходимости используются те юридические средства, которые обеспечивают возможность полноценного применения субъективных прав, принадлежащих участникам процесса [158]. С этим определением и пониманием сущности и роли процессуальной формы мы готовы полностью согласиться, однако это же означает, что упрощение отдельных видов производств не несет угрозы для процессуальных гарантит личности в масштабах всего уголовного судопроизводства, если сохраняются обратные связи с тем, что он называет «матрицей», то есть с общим (традиционным) порядком производства и его процессуальной формой.

Исходя из этого, мы уже на данном этапе исследования должны сформулировать принципиально важное положение:

развитие упрощенных (суммарных) производств на основе признания вины должно основываться на возможности обращения (возврата) к обычному (традиционному) порядку судопроизводства со всей полнотой его процедурных гарантий. Такое право должно быть обеспечено по решению суда на любой стадии упрощенного производства вплоть до вынесения итогового судебного решения. Этот механизм будет служить ключевой гарантией недопущения процессуальных нарушений и защиты прав участников уголовного процесса.

Еще одним важным аспектом проблемы соответствия института суммарных производств критериям эффективности уголовного судопроизводства и оптимальности уголовно-процессуальной формы является вопрос быстроты расследования и задач уголовного процесса. В условиях динамично развивающихся общественных отношений в Республике Казахстан, ускоренного развития рынка труда и активных иммиграционных процессов перед органами уголовного преследования ставится все больше задач, что приводит к существенному увеличению нагрузки.

Современная криминогенная ситуация характеризуется ускоряющимся усложнением и диверсификацией преступной деятельности. Только за последние два года органы предварительного следствия столкнулись с многочисленными схемами мошенничества, как в сфере банковской деятельности, так и на бытовом уровне. При этом такие преступления нередко носят многоэпизодный характер с широкой географией. Одновременно с этим, активная компьютеризация населения приводит к увеличению преступлений, связанных с высокими технологиями, а также имущественных преступлений, объектом которых становятся устройства мобильной связи.

В то же время, кадровая ситуация в органах предварительного следствия остается сложной. Штатная численность следственных подразделений не увеличивается, напротив, в последние годы наблюдается острый кадровый дефицит, обусловленный как оттоком специалистов, так и низким уровнем профессиональной преемственности. Эти проблемы хорошо известны даже рядовым сотрудникам правоохраните-

тельных органов, однако в рамках настоящего исследования они упоминаются с целью продемонстрировать объективные условия, в которых осуществляется досудебная деятельность органов уголовного преследования.

Полагаем возможным обозначить следующее соотношение: при увеличении нагрузки, под которой подразумевается рост количества и сложности уголовных дел, и неизменной либо сокращающейся совокупности сил и средств, качество предварительного расследования будет стремиться к нулю, что неизбежно ведет к формализму и различного рода нарушениям прав и законных интересов граждан. В действительности, низкое качество расследования уголовных дел, а также укрытие преступлений от учета продиктованы не только ведомственным давлением в рамках отчетности, но и физической невозможностью обеспечить надлежащий порядок производства по каждому делу или факту совершения преступления.

Приведем лишь обзорный перечень нарушений, сопровождающих расследование уголовных дел в условиях интенсификации нагрузки, обусловленной низкопрофессиональным ведомственным руководством должностными лицами следственных подразделений. Так, например, в дни закрытия отчетного периода (квартал, полугодие, год) перед следователями и дознавателями искусственно ставится задача завершения расследования в сжатые сроки (от трех дней до одной недели с момента возбуждения уголовного дела), что противоречит ч. 1 ст. 196 УПК Республики Казахстан, согласно которой предварительное следствие по уголовным делам должно быть закончено не позднее чем в двухмесячный срок со дня возбуждения уголовного дела.

Подобная практика закономерно приводит к снижению качества расследования, процессуальным нарушениям и в ряде случаев даже фальсификации материалов уголовного дела, что подрывает как законность уголовного судопроизводства, так и доверие к правоохранительной системе в целом.

Собственный опыт работы в следственных подразделениях позволяет выделить лишь примерный, но от этого еще

более угрожающий перечень наиболее распространенных нарушений, возникающих в ходе интенсифицированного расследования. Одной из наиболее серьезных проблем является формальное отношение к правам и обязанностям участников уголовного процесса, в особенности к праву на защиту.

На практике следователи, чтобы не усложнять себе работу, нередко склоняют подозреваемого к отказу от защитника либо назначают ему бесплатного адвоката, с которым у них установлены доверительные или даже дружеские отношения. В таких случаях интересы подзащитного отходят на второй план, поскольку адвокат не стремится к активной защите клиента, а его основная мотивация заключается в получении оплаты за услуги, исходя из почасовой занятости, что документально оформляется самим следователем. Очевидно, что в подобных условиях эффективная защита прав подозреваемого становится фикцией, а его участие в уголовном процессе приобретает формальный характер, лишенный реальных процессуальных гарантий.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан орган уголовного преследования не вправе рекомендовать подозреваемому или обвиняемому определенного защитника. Однако на практике данное положение остается в значительной степени декларативным, поскольку на стадии досудебного производства его выполнение затруднено. Следователь может косвенно влиять на выбор защитника, указывая, что приглашение конкретного адвоката является наиболее предпочтительным. Кроме того, следователи неофициально дают понять, что ряд принципиальных вопросов, таких как разрешение свиданий, передача личных вещей в СИЗО, удовлетворение ходатайств, возможность наложения ареста на имущество и его отмены, могут быть решены более благоприятно при участии адвоката, с которым у следователя налажены рабочие отношения.

С учетом положений Национального плана по защите прав человека в Республике Казахстан, утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 16 июля 2021 года № 597, подобная практика свидетельствует о недостаточно-

сти гарантий независимости защиты на досудебной стадии. Данный документ ориентирован на усиление правовых механизмов обеспечения справедливого судопроизводства, однако в реальной практике его принципы не всегда реализуются.

При наличии чрезмерно сжатых сроков расследования, что противоречит требованиям Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, следователь стремится привлечь к делу адвоката, обеспечивающего предсказуемость процесса. В подобных условиях упрощенные процедуры могут использоваться не в интересах процессуальной экономии, а как средство ускоренного завершения расследования без должной защиты прав обвиняемого.

Дополнительной проблемой остается непринятие мер к обеспечению гражданского иска, что противоречит ст. 170 УПК Республики Казахстан, прямо обязывающей органы уголовного преследования принимать меры по обеспечению возмещения вреда потерпевшим. В соответствии с ч. 1 ст. 161 УПК Республики Казахстан, в целях обеспечения исполнения приговора, имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, дознаватель, следователь с санкции прокурора или суд вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия.

Однако реальные меры по выявлению имущества для ареста принимаются не в полной мере, что противоречит Цифровой стратегии Казахстана (Digital Kazakhstan 2025), предусматривающей автоматизированный учет активов и цифровизацию уголовного судопроизводства. В большинстве случаев следователи формально составляют протокол наложения ареста, констатируя отсутствие имущества, подлежащего аресту, что далеко не всегда соответствует действительности. В итоге потерпевшие лишаются эффективного механизма возмещения ущерба, а система досудебного производства не реализует принцип справедливого правосудия, закрепленный в Концепции развития правовой системы Республики Казахстан до 2030 года.

Конечно, данный вывод не следует распространять на всю практику наложения ареста на имущество, поскольку в делах об экономических преступлениях этот инструмент за рекомендовал себя как эффективный и оправданный. Органы, занимающиеся борьбой с экономической и коррупционной преступностью, широко и результативно применяют данный механизм, хотя практика его использования не лишена издержек, так как в отдельных случаях он может использоваться следователями в корыстных целях.

В контексте изучаемой проблемы следует учитывать, что игнорирование органами уголовного преследования требований ст. 170 УПК Республики Казахстан далеко не всегда вызвано личной корыстной заинтересованностью должностных лиц, а зачастую обусловлено объективной необходимостью сокращения объема процессуальных и следственных действий. Это делается с целью сосредоточения на ключевой задаче - обеспечении достаточности доказательств в условиях крайне сжатых сроков расследования.

Среди наиболее распространенных нарушений, вызванных стремлением искусственно ускорить процесс расследования, можно выделить следующие: нарушение порядка производства следственных действий, несоблюдение процессуальных требований при составлении процессуальных документов, фальсификация сведений о личности подозреваемого или обвиняемого, введение в заблуждение и давление на участников уголовного процесса с целью сокрытия информации, способной затруднить расследование и потребовать дополнительных проверочных мероприятий. Кроме того, в таких условиях нередко допускаются процессуальные нарушения при выделении материалов из уголовного дела или выносятся заведомо незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по выявленным в ходе расследования фактам.

Очевидно, что все указанные нарушения представляют собой прямое несоблюдение норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. Однако подобные последствия неизбежны, когда быстрота и эффективность уголовного судопроизводства пытаются обеспечи-

вать исключительно за счет сокращения сроков расследования, без учета принципов дифференциации уголовно-процессуальной формы.

При этом регулирование процессуальных сроков является факультативным инструментом ускорения уголовного судопроизводства. Прямая взаимосвязь между быстротой судопроизводства и процессуальными сроками очевидна, на что указывает подавляющее большинство исследователей, занимающихся проблематикой процессуальных сроков на монографическом уровне [163, 164, 165, 166]. Следовательно, сроки расследования не могут рассматриваться как ключевой фактор оптимизации уголовного процесса, а должны оцениваться лишь как производное от комплексных мер по реструктуризации и дифференциации уголовно-процессуальной формы расследования.

Требование быстроты уголовного судопроизводства зафиксировано не только в национальном законодательстве, но и в международных нормативно-правовых актах. Некоторые специалисты, ссылаясь на ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, полагают, что отказ от дополнительного расследования стимулирует повышение качества расследования и способствует реализации права обвиняемого на рассмотрение дела без неоправданной задержки [516].

Данный аргумент, особенно в части, касающейся «неоправданной задержки», заслуживает пристального внимания. Однако проблема затяжного характера уголовного судопроизводства затрагивает не только обвиняемого, но также и сторону обвинения, в первую очередь потерпевшего, как субъекта, чьи частные интересы и охраняемые законом права были нарушены.

Принцип рассмотрения дела без неоправданной задержки закреплен в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года), ратифицированного Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91-III, вступившим в силу для Республики Казахстан 24 апреля 2006 года. В пункте «с» данного положения указано, что каждый имеет право при рас-

смопрении уголовного обвинения в его адрес как минимум на следующие гарантии: на основе полного равенства быть судимым без неоправданной задержки.

При этом документ не раскрывает содержание термина «неоправданная задержка» и не приводит перечня критерий, позволяющих определить, в каких случаях длительность разбирательства считается чрезмерной. По нашему мнению, это свидетельствует о намерении международного сообщества защитить граждан от затянутых судебных процедур без веских на то оснований. Вероятно, речь идет о ситуациях, связанных со злонамеренным или безответственным прощлением сроков расследования и судебного разбирательства, а также об их необоснованных нарушениях. Таким образом, имплементация международных стандартов в национальное уголовное судопроизводство требует не только обеспечения разумных сроков расследования, но и выработки четких критериев, позволяющих объективно оценивать обоснованность и необходимость продолжительности уголовного процесса.

Однако абстрактный характер указанной нормы позволяет утверждать, что отсутствие дифференцированного подхода к расследованию в зависимости от сложности дела, признания обвиняемым своей вины и иных объективных обстоятельств также может являться причиной неоправданной задержки уголовного процесса. Формально установленная процедура расследования и судебного разбирательства, соответствующая действующему уголовно-процессуальному законодательству, может быть соблюдена без нарушений прав граждан, однако с позиции конкретных жизненных обстоятельств она может восприниматься как неоправданное затягивание, излишний бюрократизм и волокита.

Таким образом, упрощение производства по отдельным категориям дел либо в конкретных случаях с целью ускорения предварительного расследования косвенно подтверждается требованиями международных нормативно-правовых актов. В этой связи использование преимуществ суммарных производств, упрощенного порядка судебного разбирательства и института «сделки о признании вины» приобретает

дополнительное обоснование и становится актуальным вопросом для дальнейшего обсуждения и анализа.

Достаточно известным является высказывание Шарля Луи де Монтескье: «Для свободы необходимы судебные формальности, но число их может быть так велико, что они станут препятствовать целям тех самых законов, которые их установили. Дела будут длиться без конца, при этом граждане потеряют свободу и безопасность, обвинитель не будет иметь возможности доказать обвинение, а обвиняемый оправдаться» [517]. Трудно не согласиться с этой здравой и весьма точной мыслью. Комплекс процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, система следственных действий и ряд других институтов эволюционируют в сторону усложнения, что неизбежно отражается на эффективности правоприменительной деятельности.

Одним из ключевых факторов, негативно влияющих как на качество доказательственной базы, так и на судебную практику, является шаблонный алгоритм следственных действий, который формируется в зависимости от состава преступления, по которому возбуждено уголовное дело. Данний подход, будучи систематически повторяющимся и формализованным, становится распространенным способом достижения быстроты предварительного расследования, однако в ущерб его качеству.

В этом контексте заслуживает внимания мнение П. Я. Сокола, который изучал вопросы процессуальных гарантий быстроты предварительного расследования. По его мнению, «быстрота расследования подлежит гарантированию в составе неразрывного блока интересов быстроты, истины (всесторонности, полноты и объективности), прав и законных интересов участников процесса, либо в составе также неразрывных блоков интересов быстроты и истины или интересов быстроты, прав и законных интересов участников процесса» [518]. Это означает, что ускорение уголовного судопроизводства не может происходить изолированно от таких принципиальных категорий, как объективность, полнота и всесторонность исследования обстоятельств дела, а также не

должно подрывать фундаментальные гарантии защиты прав участников процесса. Следовательно, оптимизация уголовно-процессуальной формы должна основываться не просто на сокращении сроков, а на выработке баланса между быстротой, законностью и качеством уголовного преследования.

Быстрота предварительного расследования, являясь предметом юридического гарантирования, должна рассматриваться не как самостоятельная цель или задача уголовного судопроизводства, а как структурный элемент принципа оптимальности либо процессуальной экономии. В ряде зарубежных правовых систем, в частности в странах Восточной Европы, этот принцип играет важную роль. Так, в Болгарии, где уголовный процесс традиционно относится к континентальной правовой системе с формализованными предписаниями, существует институт служебных записок, которые в ряде случаев заменяют протоколы следственных действий, что является примером реализации принципа процессуальной экономии.

Данный вывод согласуется с позицией П. Я. Сокола, который утверждает, что процессуальная гарантия обеспечивает не саму задачу, а способы ее достижения. Он признает важность быстроты уголовного судопроизводства, но подчеркивает, что истинной целью процессуальных гарантий быстроты предварительного расследования является баланс между скоростью, качеством расследования (достижением истины) и защитой прав участников процесса [519].

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан вполне соответствует теоретическому представлению о роли быстроты в уголовном судопроизводстве. Это подтверждается положениями ч. 1 ст. 8 УПК Республики Казахстан, где законодатель прямо указывает на «быстрое и полное» раскрытие преступлений, подчеркивая их неразрывную взаимосвязь. Однако технико-юридический анализ данной нормы показывает, что требования быстроты и полноты относятся исключительно к стадии раскрытия преступлений, тогда как к судебному разбирательству применима иная категория - справедливость. Это еще раз подтверждает, что оптимизация про-

цессуальных сроков и ускорение уголовного процесса не могут осуществляться в ущерб полноте расследования и соблюдению прав участников судопроизводства.

Парадоксально, но правоприменители зачастую не только не используют все преимущества упрощенных (суммарных) производств, но в ряде случаев и вовсе игнорируют их. В частности, ч. 1 ст. 382 УПК Республики Казахстан предусматривает возможность рассмотрения уголовных дел в сокращенном порядке в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, если обвиняемый признает свою вину, соглашается с гражданским иском, стороны не оспаривают доказательства и в ходе досудебного производства не были допущены нарушения норм УПК [520].

Однако, несмотря на наличие четкого процессуального механизма, суды не всегда используют потенциал данного порядка производства. Например, в суде г. Павлодара уголовное дело по обвинению В. Л. Демиденко по ч. 1 ст. 223 УК Республики Казахстан, не представлявшее сложности ни по фабуле, ни по квалификации, находилось в производстве неоправданно долго, хотя уже к моменту первого судебного заседания у судьи имелись все основания для рассмотрения дела в сокращенном порядке. Подсудимая полностью признала свою вину, при производстве дознания не было зафиксировано нарушений норм УПК, а участники процесса не оспаривали допустимость доказательств. Однако, несмотря на соответствие всем требованиям ч. 1 ст. 382 УПК Республики Казахстан, дело рассматривалось в обычном порядке, что привело к ненужному затягиванию процесса и увеличению нагрузки на судебную систему [520].

Этот случай демонстрирует, что, несмотря на наличие законодательных оснований для упрощенного судопроизводства, оно на практике не всегда реализуется, что требует дополнительного анализа причин сложившейся ситуации и возможных путей повышения эффективности применения упрощенных процедур.

Также можно с полной уверенностью утверждать, что сущность, содержание и цели дознания как формы досудебного производства в значительной степени трансформирована

лись не только на уровне толкования правовых норм, регламентирующих данный институт, но и в сфере правоприменения. В первую очередь, это касается самого характера производства дознания, которое на практике по своим процессуальным характеристикам все больше приближается к предварительному следствию.

На сегодняшний день дознаватель, как правило, осуществляет тот же комплекс следственных действий и в таком же объеме, что и следователь, за исключением различий в актах окончания расследования и формально ограниченной процессуальной самостоятельности дознавателя [521].

В результате эмпирического исследования данной проблемы был сделан вывод о размывании границ между дознанием и следствием. Дознание фактически превратилось в «мини-следствие» или его ближайший аналог, что привело к унификации этих форм досудебного производства на уровне следственной практики.

Даже если отбросить дискуссию относительно различий в предмете доказывания по делам, в которых предварительное следствие не является обязательным, остается вопрос о целесообразности проведения таких следственных действий, как допрос свидетеля, очная ставка и другие [522].

В этом контексте немаловажно отметить, что ст. 286 УПК Республики Казахстан допускает и даже рекомендует проводить опрос потерпевшего или свидетеля в устной форме, а его результаты оформлять справкой об устном опросе, которая сама по себе является основанием для последующего допроса этого лица в суде. Согласно смыслу данной нормы, формальный допрос свидетеля или потерпевшего проводится лишь при наличии оснований полагать, что он может выехать за пределы региона или сменить место жительства. Однако на практике эти упрощенные процедуры практически не применяются, а вместо этого дознание приобрело все черты традиционного следствия, что лишает его изначально заложенной процессуальной экономии.

Казалось бы, усиление гарантий прав участников уголовного процесса путем расширенного проведения следственных действий в рамках дознания должно было бы спо-

составлять всестороннему исследованию обстоятельств дела. Однако реальный результат оказался противоположным: в стремлении к достоверности, ошибочно отождествляемой с формальными критериями процессуального оформления, был фактически утрачен богатейший потенциал доказывания как формы упрощенного досудебного производства [523].

Одновременное гарантирование разнородных правовых интересов в уголовном судопроизводстве ставит задачу оптимального соотношения между быстротой и качеством предварительного расследования. Теоретическое моделирование, а также анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства позволяют выделить три типовые ситуации, в которых баланс этих приоритетов решается по-разному.

Первая и наиболее распространенная ситуация характеризуется единством и равнозначностью указанных интересов. В этом случае быстрое и качественное выполнение процессуальных действий не противоречат друг другу, а, напротив, взаимообуславливают, взаимодополняют и взаимно обеспечивают охраняемые законом интересы. Здесь быстрота процесса не снижает его качества, а наоборот, позволяет оперативно и полно установить обстоятельства преступления и обеспечить защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Вторая ситуация возникает в случае расхождения или столкновения интересов быстроты и качества, когда требуется отдать приоритет обеспечению качества предварительного расследования. Это происходит в силу прямого указания закона либо вследствие того, что нормы, регулирующие интересы качества, обладают большей юридической значимостью по сравнению с принципом быстроты [524]. Например, в случаях, когда необходимо проведение сложных экспертиз, установление дополнительных доказательств или обеспечение процессуальных гарантий обвиняемого и потерпевшего, закон исключает возможность ускоренного рассмотрения дела в ущерб его объективному и всестороннему исследованию.

Таким образом, баланс быстроты и качества уголовного процесса не может быть установлен универсально и должен определяться в зависимости от конкретных обстоятельств дела, исходя из правовых приоритетов, закрепленных в законодательстве.

Вопрос ускорения предварительного расследования путем законодательного урегулирования проблем быстроты, устранения гипертрофированного акцента на интересах качества и излишней сложности процессуальных форм, не дающих необходимых гарантий ни качеству, ни скорости предварительного расследования, поднимался в работах таких ученых, как Н. Н. Полянский [525], П. Ф. Пашкевич [526], В. Т. Томин [527], Ф. Н. Фаткуллин [528] и другие процессуалисты.

В частности, Ф. Н. Фаткуллин подвергал критике излишнюю сложность процедуры изменения обвинения и исключения из него пунктов, не нашедших объективного подтверждения [529]. Данные аспекты напрямую касаются проблем дифференциации порядка досудебного производства, поскольку громоздкие процессуальные механизмы затрудняют применение упрощенных (суммарных) производств и препятствуют эффективному функционированию уголовного процесса в целом.

Некоторые исследователи отождествляют оптимизацию предварительного следствия с оптимизацией процесса расследования [530]. Так, Г. Г. Досполов, рассматривая вопросы эффективности, узко трактует понятие «оптимизация», ограничивая его организационно-управленческими решениями в ходе расследования. Он отмечает: «Поскольку суть эффективности предварительного следствия - в его результивности, необходимо помочь следователю сделать свою деятельность надежной и успешной, научить его находить наилучшие варианты решения задач, показать пути достижения цели при наименьших затратах времени и энергии. В этом смысле проблема оптимизации является одной из важных в теории и практике расследования» [531]. Однако в данной работе не проводится анализ соотношения понятий «эффек-

тивность» и «оптимизация», что указывает на их фактическое отождествление автором.

Для оценки эффективности конкретного процессуально-го института, а также его соответствия принципу оптимальности уголовно-процессуальной формы, необходимо определить совокупность переменных факторов, подлежащих совершенствованию с точки зрения соблюдения принципа процессуальной экономии.

Иными словами, можно представить универсальную «шкалу ценностей», на основе которой оцениваются упрощенные (суммарные) производства. Данная система критерииев должна включать следующие элементы:

- уменьшенный объем процессуальных действий по сравнению с общим порядком производства по делу;
- сокращенный срок производства по делу;
- обратная связь с общим порядком производства (возможность возврата к полной процедуре при необходимости);
- исключение дублирования процессуальных действий и решений;
- использование предустановленных критерииев для вывода о наличии или отсутствии юридических фактов.

Приведенный перечень, безусловно, не является исчерпывающим, однако он достаточно полно охватывает ключевые принципы упрощенных (суммарных) производств, что позволяет рассматривать их как соответствующие требованиям эффективности уголовного судопроизводства и оптимальности уголовно-процессуальной формы.

4.2 Производство на основе соглашения (сделки) о признании вины как выражение принципа процессуальной экономии

Впервые термин «процессуальная экономия» был введен в научный оборот в конце 1960-х годов одним из основателей школы гражданского процессуального права М.А. Гурвичем, который определял его как «требование наиболее целесообразного, интенсивного, планомерного и умелого

использования процессуальных средств» [532, 533, 534]. Впоследствии данное определение было рецептировано в уголовно-процессуальную науку П.Ф. Пашкевичем [535], который рассмотрел его в качестве одного из отраслевых принципов.

Однако, среди исследователей отсутствует единообразие в понимании процессуальной экономии. Некоторые авторы рассматривают ее не как принцип, а как общее условие. Например, М.Т. Коридзе, анализируя стадию возбуждения уголовного дела, связывает процессуальную экономию с приоритетом проверочных действий перед следственными, если их познавательные возможности являются равными [536]. Однако данное утверждение вызывает вопросы, поскольку неясно, что именно подразумевается под «равными познавательными возможностями». Оценка информативности проверочных или следственных действий возможна только по итогам их проведения, в зависимости от полученных результатов. Следовательно, на момент принятия решения о проведении конкретного процессуального действия следователь или дознаватель не обладает возможностью объективно сопоставить их познавательные возможности. Более того, сознательный выбор в пользу одного из них, исходя из предположения о его информативности, ограничивает процесс познания и фиксации доказательственной информации, фактически предрешая результаты расследования.

Однако позиция, согласно которой процессуальная экономия является лишь общим условием предварительного расследования или судебного разбирательства, не представляется обоснованной, поскольку данный принцип имеет сквозное действие на всех стадиях уголовного процесса.

Анализ семантики термина «экономия» позволяет рассмотреть его в экономическом контексте, а затем экстраполировать полученные выводы на сферу уголовно-процессуальных отношений. Так, в словаре русского языка С.И. Ожегова слово «экономия» определяется как:

- бережливость при расходовании ресурсов;
- выгода, получаемая за счет рационального использования чего-либо [536, 537].

Экономический подход к изучению социальных процессов, не связанных напрямую с экономикой, имеет давнюю традицию. Одним из первых примеров взаимосвязи социальных явлений и экономической выгоды стало произведение-памфлет «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества» (1714) Б. Мандевиля, который шокировал современников откровенным анализом буржуазного общества. Наибольший научный интерес в его труде представляют два ключевых аспекта:

- проблема соотношения этики и экономики;
- взаимодействие индивидуальной свободы и общественных механизмов экономической жизни.

В контексте уголовного процесса данный подход позволяет рассматривать процессуальную экономику не просто как механизм ускорения судопроизводства, а как сбалансированную систему, обеспечивающую рациональное использование ресурсов правосудия при соблюдении процессуальных гарантий.

Первоначально труд Б. Мандевиля представлял собой лишь басню «Возроптивший улей, или Мошенники, ставшие честными» (1705), однако впоследствии она неоднократно переиздавалась, дополняясь комментариями, защитой от критики и философскими трактатами, что привело к появлению развернутого произведения под общим названием «Басня о пчелах».

Аллегорическая притча повествует о процветающем улье, где науки развивались, экономика находилась на подъёме, а общество наслаждалось изобилием и защищенной законом свободой. Однако этот процветающий порядок был основан на социальном неравенстве и моральной испорченности: одни пчелы обладали капиталом и извлекали прибыль, не утруждая себя трудом, тогда как другие всю жизнь работали в шахтах и мастерских.

Несмотря на всеобщее осуждение пороков, именно они поддерживали экономическое благополучие улья: расточительность стимулировала торговлю и промышленность, что способствовало росту общего благосостояния. Однако, поддавшись недовольству, пчелы стали роптать на существую-

щий порядок, требуя искоренения мошенничества и коррупции. Услышав их просьбы, боги сделали их добродетельными, что привело к неожиданным последствиям:

- Резкое снижение цен на товары;
- Исчезновение роскоши и мошенничества;
- Закрытие судов и потеря работы тюремщиками и чиновниками;
- Общее экономическое упадничество.

В итоге, лишенные привычного благосостояния, пчелы переселились в дупло, где начали гордиться своей честной, но бедной жизнью. Мораль басни сводится к ироническому выводу: невозможно одновременно наслаждаться материальными удобствами и полностью искоренить пороки, поскольку именно они являются движущей силой экономического процветания [538].

Тем не менее, «парадокс Мандевиля» опередил свое время и не стал отправной точкой для формирования теории экономики преступлений и наказаний как самостоятельной научной дисциплины. Возникновение этой теории произошло лишь в 1960-е годы, и оно связано прежде всего с именем Гэри Беккера, американского экономиста, который в 1968 году опубликовал свою знаменитую работу «Преступление и наказание: экономический подход» [539].

Основной тезис Беккера заключался в том, что преступник не является патологическим субъектом, движимым иррациональными мотивами, а представляет собой рационального индивида, который взвешивает выгоды и издержки преступной деятельности по сравнению с альтернативными занятиями. Данный подход позволил математически моделировать криминальное поведение, что стало фундаментом для дальнейших исследований в области экономического анализа преступности.

В 1972 году американский экономист Майкл Сесновиц опубликовал работу «Доход от кражи со взломом» [540], в которой на основе криминологической статистики Пенсильвании за 1967 год пытался количественно оценить прибыльность преступной деятельности. В частности, он рассматривал взлом и проникновение (burglary) — один из наиболее

распространенных видов преступлений в США, используя экономические модели для анализа доходности преступных действий.

Несмотря на значительный вклад Беккера и Сесновица в развитие экономического анализа преступности, мы не склонны поддерживать полную абсолютизацию экономического подхода в объяснении модели поведения преступника. Хотя эта концепция впоследствии трансформировалась в отдельное направление — так называемую «поведенческую экономическую теорию» [542], остается очевидным, что преступное поведение детерминируется не только рациональным расчетом, но и психологическими, социальными и культурными факторами, которые выходят за рамки чисто математических моделей.

В настоящее время экономика преступления и наказания сформировалась в самостоятельное научное направление, охватывающее множество аспектов социальной жизни. Ее актуальность особенно возрастает в условиях роста экономических, коррупционных и организованных преступлений, которые, как правило, сопровождаются извлечением значительных материальных выгод. С точки зрения государственного управления, представляется невозможным эффективно бороться с преступностью, игнорируя ее экономическую составляющую.

В данном контексте особый интерес представляет оптимизация правоохранительной деятельности, которая, по нашему мнению, является фундаментальной основой института сделки о признании вины (*plea bargain*).

Оптимизация в общем смысле представляет собой нахождение наилучшего решения из множества возможных вариантов при заданных ограничениях и требованиях. В управлении правоохранительной деятельностью это означает поиск наиболее эффективных способов достижения целей с учетом таких факторов, как минимизация временных затрат, повышение экономической эффективности и обеспечение точности процедур. Оптимизация предполагает приданье процессу оптимальных характеристик, что включает вы-

бор наилучшего варианта действий в правоохранительной системе [543, 544].

Г. Беккер и Дж. Стиглер, исследуя оптимизацию правоохранительной деятельности, предложили в качестве критерия максимизацию «социального дохода» (social income), что эквивалентно минимизации совокупных потерь от преступлений и расходов на поддержание правопорядка [545, 546]. В рамках этого подхода можно определить оптимальное сочетание вероятности и строгости наказания для различных видов преступлений, а также наиболее эффективную структуру и объем государственных расходов на содержание правоохранительных органов, судов и исправительных учреждений.

Выбор оптимального сочетания вероятности и строгости наказаний существенно изменяется, если функция общественного благосостояния рассматривается не только через призму совокупного дохода, но и включает такие факторы, как влияние правоохранительной деятельности на социальную справедливость в распределении ресурсов [547, 548]. Данный подход отражает более комплексное видение эффективности уголовного правосудия, учитывая не только прямые экономические потери от преступлений, но и долгосрочные последствия уголовной политики.

Кроме того, юридическая система состоит из различных, относительно автономных институтов – судов, прокуратуры, полиции, исправительных учреждений – каждый из которых может иметь собственные критерии оптимизации, отличающиеся от максимизации общественного благосостояния как основного показателя эффективности [549]. Это приводит к разнообразию стратегий в сфере правоохранительной деятельности, когда разные институты могут ориентироваться на специфические задачи, такие как минимизация рецидивов, снижение нагрузки на суды или сокращение затрат на содержание заключенных.

По данным, представленным Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), глобальный уровень преступности за последние десятилетия сохраняется на высоком уровне. Согласно отчету UNODC за 2022 год, на пла-

нете ежегодно фиксируется более 7 миллионов случаев тяжких преступлений, включая убийства, кражи, нападения и другие уголовно наказуемые деяния. Также в отчете отмечается, что ежегодное увеличение числа зарегистрированных преступлений в среднем составляет от 3% до 6% в зависимости от региона. Реальное число преступлений, не попавших в официальную статистику, может быть существенно выше из-за особенностей учета и значительного числа латентных преступлений. [550].

В связи с этим эксперты и представители правоохранительных органов различных стран проводят исследования, направленные на оценку ущерба, наносимого преступностью обществу и гражданам. В рамках таких исследований анализируются не только прямые финансовые издержки, но и социальные потери, включая моральные страдания, психологические последствия, снижение работоспособности, которые ранее не учитывались в полной мере.

Согласно данным ООН, материальный ущерб от преступности остается значительным. С начала 1990-х годов наиболее развитые страны мира ежегодно выделяли на борьбу с преступностью в среднем 2-3% государственного бюджета, в то время как развивающиеся страны тратили на эти цели от 9 до 14% [551]. Эти различия обусловлены не только разной степенью организованности и распространенности преступности, но и уровнем финансирования правоохранительной системы.

Вопрос оптимизации расходов на правоохранительную деятельность остается приоритетным даже для самых экономически развитых государств. По оценкам международных экспертов, от 40 до 50% всех затрат, связанных с преступностью, приходится на финансирование системы уголовного правосудия, причем основная часть этих средств направляется на обеспечение деятельности полиции [552]. Это подтверждает, что финансовая нагрузка на государственный бюджет, связанная с поддержанием общественной безопасности, является неизбежной, однако грамотное управление ресурсами позволяет повышать эффективность

правоохранительных механизмов и снижать уровень преступности без чрезмерного увеличения расходов.

Официальные зарубежные издания содержат ограниченные сведения о детализации расходов на правоохранительную систему, указывая, главным образом, общие затраты на содержание полиции. Так, согласно обзору ООН по вопросам тенденций преступности и функционирования систем уголовного правосудия, представленному Девятому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 29 апреля — 8 мая 1995 г.), затраты на полицию составляют 67–70% от всех расходов, выделяемых на правоохранительные органы в 16 исследуемых странах [549].

Финансирование полиции прямо коррелирует с численностью кадровых сотрудников, количеством гражданских служащих, уровнем технического оснащения, а также с криминогенной ситуацией в стране. Одним из важных показателей эффективности распределения бюджета является коэффициент плотности полиции, позволяющий оценить соотношение численности полицейских к количеству жителей на определенной территории.

В Соединенных Штатах Америки государственные власти всех уровней тщательно контролируют финансовые расходы полиции, что связано как с требованиями налогоплательщиков, так и с особенностями избирательного процесса. Вопрос финансирования правоохранительных органов нередко становится предметом политических дебатов, активно используемых кандидатами в ходе избирательных кампаний. При этом ключевым аспектом является оценка эффективности работы полиции, а также соответствие уровня бюджетных трат реальной преступной обстановке. Например, только затраты на реагирование и расследование случаев криминальных поджогов в США в конце 1990-х годов оценивались примерно в 4 млрд долларов. Эти данные подчеркивают значительный финансовый вес правоохранительной системы и необходимость оптимизации расходов для повышения эффективности борьбы с преступностью.

Анализ финансовых затрат на правоохранительную деятельность в США демонстрирует неуклонный рост расходов на борьбу с преступностью. Согласно федеральному закону «О финансировании деятельности Министерства внутренней безопасности США», принятому в 2006 году, общий объем ассигнований, выделенных на 2007 финансовый год, составил 38,7 млрд долларов США. При этом затраты на создание и становление данного ведомства в 2001–2002 финансовом году достигли 48 млрд долларов [78].

Перечисленные финансовые показатели подчеркивают двойственную природу экономического ущерба, связанного с преступностью. С одной стороны, прямые потери несет общество вследствие правонарушений, с другой — государство вынуждено нести существенные расходы на содержание правоохранительной системы. В этом контексте деятельность государственных атторнеев и судебных органов США по уголовному преследованию и рассмотрению дел становится ключевым элементом в обеспечении эффективного функционирования уголовного правосудия.

В условиях финансовой нагрузки на судебную систему институт сделки о признании вины (*plea bargain*) рассматривается как важнейший механизм оптимизации уголовного судопроизводства, позволяющий существенно сократить затраты на разбирательство. Использование упрощенной процедуры разрешения уголовных дел снижает нагрузку на суды, уменьшает объем следственных действий и, как следствие, способствует повышению экономической эффективности всей правоохранительной системы США.

Институт сделки о признании вины (*plea bargain*) играет ключевую роль в оптимизации уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует его широкое распространение в различных правовых системах. Судья штата Нью-Гемпшир К. Макгловер отмечает, что в ее штате около 95% уголовных дел завершаются заключением сделки о признании вины. В таких случаях рассмотрение дела и вынесение приговора может занять всего 15 минут, тогда как в случае отказа обвиняемого от сделки процесс передается суду присяжных, что зачастую ведет к более суровым приговорам. Объясняя

популярность этой процедуры, Макгловер подчеркивает: «*Иначе наша система судопроизводства резко затормозила бы со свистом*» [78].

Подобная тенденция наблюдается и в других странах. Например, в Эстонии только 20% уголовных дел передаются в суд для рассмотрения по существу, тогда как 80% завершаются либо соглашением о признании вины, либо применением дискреционных мер. Такая практика существенно разгружает судебную систему и повышает ее оперативность. Кроме того, заключение сделки предполагает, что стороны заранее согласовывают ключевые условия, что минимизирует вероятность обжалования приговора и, как следствие, сокращает объем дел в апелляционных инстанциях [484].

В рамках научного дискурса понятия «рационализация уголовного судопроизводства» и «процессуальная экономия» зачастую используются взаимозаменяющими, однако их следует разграничивать, чтобы систематизировать терминологический аппарат уголовно-процессуальной науки.

В соответствии со словарем русского языка С.И. Ожегова, термин «экономия» означает бережливость при расходовании ресурсов и выгоду, получаемую при рациональном их использовании. Рациональность, в свою очередь, определяется как разумно обоснованная, целесообразная организация деятельности.

С.П. Сереброва — одна из немногих исследователей постсоветского пространства, уделившая специальное внимание проблеме рациональности в уголовном процессе. В ее интерпретации процессуальная экономия направлена на увеличение пропускной способности системы уголовного судопроизводства за счет повышения эффективности процессуальных процедур. Рационализация же охватывает более широкий круг вопросов и представляет собой процесс преобразования уголовного судопроизводства в целях повышения его эффективности и сокращения временных затрат [553]. Однако четких границ между этими категориями в ее исследовании не приведено.

Этимологически термин «рационализация» (от лат. *rationalis* — разумный, *ratio* — разум) обозначает усовер-

шенствование и введение более целесообразной организации процессов. Исходя из этого, рационализация уголовного судопроизводства выступает как более широкое понятие, охватывающее процессуальную экономию в качестве одного из ее элементов. Последняя же является конкретным инструментом рационализации, направленным на оптимизацию процессуальных процедур и снижение издержек системы уголовного правосудия.

Следует также отметить, что процессуальная экономия как принцип прочно закрепилась в уголовно-процессуальных системах ряда европейских стран, таких как Венгрия и Польша, где ее применение направлено на сокращение сроков разбирательства и упрощение процессуальных процедур без ущерба для защиты прав участников процесса [554].

Рассматривая процессуальную экономию как принцип уголовного судопроизводства, следует отметить, что она предъявляет определенные требования к регламентации порядка производства по делу. В первую очередь, данный принцип оказывает влияние на процессуальную форму расследования, поскольку именно она наиболее способствует оптимальному распределению ресурсов правоохранительных органов и максимальной эффективности уголовного преследования.

Утилитарный подход к процессуальной экономии, который также называют монетарным, основывается на конкретном экономическом эффекте, который может быть достигнут в результате деятельности государственных органов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование. В этом контексте принцип процессуальной экономии полностью согласуется с положениями экономической теории преступлений и наказаний и, по сути, является выражением ее ключевых догм в уголовном процессе.

Выводы, сделанные в рамках данной концепции, могут быть использованы для имплементации института сделки о признании вины (plea bargain) в отечественное уголовное судопроизводство, поскольку монетарный характер этого института очевиден. Сделка о признании вины позволяет

существенно сократить процессуальные издержки, минимизировать сроки судебного разбирательства и оптимизировать нагрузку на судебную систему, что делает ее эффективным инструментом процессуальной экономии.

Однако дифференциация уголовных дел, к которым может быть применена процедура сделки о признании вины, представляет собой сложную правовую проблему. В различных правовых системах критерии отбора преступлений, по которым возможно применение ускоренного производства, значительно различаются, что свидетельствует о наличии внутрисистемных целей уголовного судопроизводства. К таким целям, по нашему мнению, следует отнести:

- Согласованность элементов (отсутствие противоречий между различными процессуальными институтами).
- Алгоритмизация прав и обязанностей участников процесса (четкое определение процессуальных процедур и механизмов их реализации).

Тем не менее, избыточное упрощение процессуальных норм может привести к серьезным правовым извращениям и злоупотреблениям, что особенно заметно на примере правовой системы США, где институт *plea bargain* получил широкое распространение. С одной стороны, данная процедура позволяет разгрузить суды и ускорить рассмотрение дел, но с другой - стимулирует процессуальный формализм и в отдельных случаях может нарушать принципы справедливости.

Таким образом, если бюджет правоохранительных органов предусматривает расходы на расследование 100 преступлений в определенный период времени в размере 100 000 долларов США, то при единообразном подходе к каждому уголовному делу власти смогут выделить на расследование одного преступления 1000 долларов США. Однако применение сделки о признании вины позволяет сократить затраты на расследование, поскольку в таких случаях нет необходимости в проведении полномасштабного сбора доказательств, допросов, экспертиз и иных процессуальных действий, а признание вины ускоряет вынесение приговора.

С учетом того, что в США около 90% уголовных дел завершается заключением сделки о признании вины, на расследование оставшихся 10% преступлений бюджет сможет направить по 10 000 долларов США на каждое дело вместо 1000 долларов США. Очевидно, что это многократно повышает шансы на успешное раскрытие преступлений, особенно если речь идет о случаях, совершенных в условиях неочевидности, когда изначально отсутствуют прямые доказательства, а их сбор требует значительных ресурсов.

Следовательно, такой механизм распределения финансовых и кадровых ресурсов позволяет сосредоточить усилия органов уголовного преследования на расследовании более сложных и тяжких преступлений, тем самым приближая уровень раскрываемости преступлений к максимальному возможному показателю. В противном случае, как это нередко происходит в отечественной практике, значительное количество уголовных дел приостанавливается на основании п. 1 ч. 1 ст. 50 УПК Республики Казахстан из-за невозможности установления лица, совершившего преступление, и в дальнейшем фактически остается нераскрытым.

Таким образом, институт сделки о признании вины выступает не только как инструмент процессуальной экономии, но и как эффективный механизм перераспределения ресурсов уголовного преследования, направленный на повышение раскрываемости преступлений и оптимизацию деятельности правоохранительных органов.

Помимо прямой экономической выгоды от применения сделки о признании вины (*plea bargain*), выраженной в сокращении финансовых затрат, значительное значение имеет экономия организационных ресурсов, таких как время и человеческие ресурсы. Верховный суд США в деле *Сантобелло против Нью-Йорка* (1971) подчеркнул, что институт сделки о признании вины является ключевым элементом системы правосудия, обеспечивающим ее функциональную устойчивость и эффективность. Суд прямо указал, что если бы каждое уголовное обвинение подвергалось полноценному судебному разбирательству, то штатам и федеральному

правительству пришлось бы в несколько раз увеличить количество судей и судебных помещений [78].

Данное утверждение подтверждается и практическими мерами по стимулированию заключения сделок в судопроизводстве США. По наблюдению С. Теймана, сами судьи организуют свою работу так, чтобы поощрять обвиняемых к отказу от суда присяжных в пользу судебного разбирательства единоличным судьей. В некоторых судебных округах США применяется особая практика распределения судей, согласно которой самые суровые судьи председательствуют в судах присяжных, а более мягкие судьи рассматривают дела единолично. Это создает у обвиняемых мотив отказаться от рассмотрения дела присяжными и выбрать либо судебное следствие единоличным судьей, либо заключение сделки о признании вины.

Результатом такой стратегии стало существенное изменение судебной статистики. В Филадельфии доля дел, разрешенных путем сделки о признании вины, снизилась до 45%, но при этом 49% обвиняемых предпочли быть судимыми единолично судьей, а только 6% потребовали рассмотрения дела судом присяжных [58].

Ю.В. Латов справедливо отмечает, что монетаризация всех аспектов жизни является естественным и общепринятым явлением для американской правовой и культурной традиции. Однако можно ли считать такие подходы универсальными и применимыми в правовых системах, базирующихся на иных культурных ценностях? Если ответ отрицательный, то экономико-математический подход к уголовному судопроизводству рискует стать узкоспециализированной концепцией для интеллектуалов или исключительно американским феноменом, сравнимым с бейсболом или политкорректностью [555].

Однако данные опасения необоснованы, поскольку в отечественной науке уголовного процесса уже существует восприятие идей монетарного подхода. Так, С.В. Бажанов не только выступает за внедрение в уголовно-процессуальное право экономико-математических методов [556], но и положительно оценивает потенциал института сделки о призна-

нии вины. Он разоблачает критику, направленную против применения компромиссных форм досрочного прекращения уголовных дел, и отмечает, что негативные отзывы о сделке о признании вины, как якобы инструменте "торговли правосудием", являются проявлением излишне абстрактного мышления, не учитывающего реальные проблемы функционирования уголовного судопроизводства.

Позволим себе привести ключевой фрагмент его рассуждений, с которым мы полностью согласны: «Компромиссные формы досрочного окончания (прекращения) уголовных дел в различных стадиях уголовного судопроизводства в режиме поощрительных норм УПК (сделка с правосудием) не должны приводить к инсинуациям. Наиболее типичные заблуждения сводятся к тому, что сделка как элемент рыночной системы, якобы, искажает смысл работы законодательных и правоприменительных органов, а также нивелирует цели уголовного наказания. Процесс переговоров по сделке, согласно мнению ее критиков, подрывает «моральную законность системы». Однако в действительности, существующая система уголовного правосудия, находясь в условиях упадка экономической политики, не в состоянии полноценно обеспечить реализацию принципа публичности. Критика же любого явления с позиций абстрактного мышления лишь порождает новые критические суждения, способствуя бесконечной и бесплодной дискуссии» [557].

Высоко оценивая столь категоричную и убедительную аргументацию, следует также подчеркнуть, что на фоне роста преступности и снижения эффективности правоохранительной деятельности формируется тенденция к внеправовому реагированию на преступность со стороны физических и юридических лиц. Данная практика охватывает широкий спектр явлений, включая:

- а) спонтанную расправу с преступниками, вплоть до совершения ответных преступлений;
- б) формирование не основанных на законе обычаем и стандартов реагирования на преступления, а также неформальные механизмы возмещения ущерба;

в) становление теневой юстиции, включая криминальные механизмы разрешения споров и наказания виновных.

В таких условиях усиление принципа процессуальной экономии приобретает не просто актуальный, а чрезвычайно важный характер, поскольку именно эффективное и оперативное производство по уголовному делу способно предотвратить эскалацию криминализации общества и подрыв правопорядка.

Как отмечает П.Ф. Пашкевич, справедливость не должна приноситься в жертву быстроте и процессуальной экономии, однако излишняя сложность и негибкость процессуальных норм не должны тормозить эффективное осуществление правосудия [502]. В связи с этим требуется достижение баланса между быстротой судопроизводства, процессуальной экономией и необходимыми гарантиями защиты прав обвиняемых.

Таким образом, институт сделки о признании вины (plea bargain) представляется одним из наиболее адекватных инструментов реализации принципа процессуальной экономии, поскольку он позволяет оптимизировать уголовное судопроизводство, рационально распределить ресурсы правоохранительной системы и обеспечить стабильность правопорядка без ущерба принципам законности и справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы.

Соглашения о признании вины стали важным инструментом уголовного судопроизводства в различных регионах мира, способствуя ускорению судебных процессов, снижению нагрузки на суды и повышению эффективности правосудия.

Сделка о признании вины является ключевым элементом американской системы уголовного судопроизводства, основанным на судебных прецедентах и федеральных правилах. Её развитие обусловлено историческими, правовыми и социальными факторами, включая рост преступности, усложнение судебного процесса и расширение полномочий прокуратуры. Этот механизм способствует процессуальной эффективности, позволяя снизить нагрузку на суды и ускорить вынесение приговоров, однако вызывает дискуссии относительно добровольности признания вины и допустимых пределов влияния государства на обвиняемого.

Судебный контроль играет решающую роль в обеспечении законности сделок, предотвращая возможные злоупотребления и защищая права обвиняемых. В качестве альтернативы используется процедура *nolo contendere*, позволяющая обвиняемому не признавать вину, но при этом принимать правовые последствия обвинительного приговора. Дальнейшее развитие института сделки о признании вины требует усиления процессуальных гарантий и совершенствования механизмов судебного контроля для достижения баланса между эффективностью правосудия и соблюдением прав обвиняемых.

В странах Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) этот механизм позволяет минимизировать судебные издержки и содействовать раскрытию серьёзных преступлений, таких как коррупция. Однако его применение сопровождается правовыми и этическими вызовами, включая возможное давление на обвиняемых и отсутствие прозрачности сделок. Будущее развития данного института связано с усил

лением процессуальных гарантий и повышением доверия общества к судебной системе.

В странах Центральной Азии (Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан) процессуальные соглашения внедряются с учётом национальных особенностей и правовых традиций. Несмотря на положительные эффекты, такие как экономия государственных ресурсов и стимулирование сотрудничества обвиняемых со следствием, практика их применения требует усиленного судебного контроля и устранения рисков коррупции. В дальнейшем совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение прозрачности сделок и защиту прав обвиняемых.

В Казахстане процессуальные соглашения о признании вины являются важным инструментом уголовного судопроизводства, способствующим ускорению судебных процессов и снижению нагрузки на суды. Однако их применение требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, включая добровольность признания, участие защитника и судебный контроль. В целом казахстанская модель процессуальных соглашений соответствует международным стандартам, но требует дальнейшего совершенствования для минимизации возможных рисков и повышения прозрачности процедуры.

В Западной Азии подходы к процессуальным соглашениям варьируются в зависимости от правовой традиции. В странах, ориентированных на шариат (Саудовская Аравия, Иран), их применение ограничено, главным образом в делах экономического характера, тогда как в Турции, Израиле и ОАЭ соглашения активно используются для ускорения разбирательств. Однако ключевыми проблемами остаются неоднородность правоприменительной практики и риск давления на обвиняемых. Будущие реформы должны быть направлены на укрепление судебного контроля и защиту прав обвиняемых.

В Западной Европе процессуальные соглашения выполняют важную функцию в системе уголовного судопроизводства, но их применение существенно различается. В Великобритании они являются неотъемлемой частью правосудия,

тогда как в континентальных странах (Франция, Германия, Нидерланды) используются более ограниченно, преимущественно в делах экономического характера. Основными вызовами остаются возможное давление на обвиняемых, недостаточный судебный контроль и общественная критика механизмов, позволяющих избежать полноценного судебного разбирательства. Перспективы развития связаны с усилением процессуальных гарантий и адаптацией международного опыта к национальным правовым системам.

В Южной Европе (Италия, Испания, Португалия, Греция, Кипр, Мальта) процессуальные соглашения являются инструментом оптимизации уголовного судопроизводства, позволяя ускорять разбирательства и снижать нагрузку на суды. Однако их применение ограничено в делах о тяжких преступлениях. Основными вызовами остаются потенциальное давление на обвиняемых, ограниченный судебный контроль и недостаточная прозрачность переговорного процесса. Дальнейшее развитие института должно быть направлено на усиление судебного надзора и защиту прав обвиняемых.

В Северной Европе (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия) процессуальные соглашения в классическом виде отсутствуют, а признание вины рассматривается как смягчающее обстоятельство, не заменяя полноценного судебного разбирательства. В странах Балтии (Латвия, Литва, Эстония) процессуальные соглашения существуют, но сопровождаются строгим судебным надзором. Главной тенденцией в этом регионе остается поиск баланса между эффективностью правосудия и защитой прав обвиняемых.

Общий анализ показывает, что институт процессуальных соглашений о признании вины продолжает развиваться, адаптируясь к национальным особенностям правовых систем. Основными направлениями совершенствования остаются усиление судебного контроля, обеспечение добровольности признания вины, обязательное участие защитника и повышение прозрачности процедур. Эти меры позволят минимизировать возможные злоупотребления и сохранить баланс между эффективностью уголовного процесса и защитой фундаментальных прав человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 1 сентября 2021 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>.
- 2 Концепция принятия политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674.
- 3 Сарсенбаев Т.Е. Сделка о признании вины в уголовном процессе Республики Казахстан // Юрист. — 2004. — № 10. — С. 45-48.
- 4 Джекебаев У.С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы легализации сделок о признании вины: научный доклад. — Алматы: Изд-во КазГЮУ, 2002. — 15 с.
- 5 Корчаго Е.В. Развитие соглашения о признании вины в России и «Сделка о признании вины» в уголовном судопроизводстве США: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 240 с.
- 6 Московских Д.Ю. Соглашение о признании вины в уголовном процессе РФ и США : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 202024. — 212
- 7 Theodore Ferdinand. Boston's Lower Criminal Courts, 1814-1850. — Newark: University of Delaware Press, 1992.
- 8 George Fisher. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America. — Stanford, CA: Stanford University Press. — 2003.
- 9 Michael McConnell and Chester L. Mirsky. The Rise of Guilty Pleas: New York, 1800-1865 // 22 Journal of Law and Society Rev. — 1995. — P. 443.
- 10 Mary Elizabeth Vogel. The Social Origins of Plea Bargaining: Conflict and the Law in the Process of State Formation, 1830-1860 // 33 Law and Society Rev. — 1999. — P. 161.
- 11 Federal Rules of Criminal Procedure (2009). Incorporating the amendment that took effect Dec. 1, 2008. U.S. Government printing office. — Washington, 2007. <http://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/>

- 12 Celesta Albonetti. Criminality, Prosecutorial Screening, and Uncertainty: Toward a Theory of Discretionary Decision-making in Felony Case Processing // 24 Crimin. 1986. — P. 623.
- 13 Abraham Blumberg. The Practice of Law as a Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession // 1 Law and Society Rev. — 1967.
- 14 Candace McCoy. Plea Bargaining as Coercion: The Trial Penalty and Plea Bargaining Reform // Criminal Law Quarterly. Vol. 50, 03.29.2005.
- 15 Guilty Plea: Plea Bargaining — Definition And Types Of Bargaining, The Development Of Plea Bargaining, A Comparative Perspective, Operation Of The Plea Bargaining System. <http://law.jrank.org>
- 16 Milton Heumann. A Note on Plea Bargaining and Case Pressure // 9 Law and Society Rev. 515, 516-517. 1975.
- 17 Albert W. Alschuler. Plea Bargaining and its History. 79 Col. L. Rev. 1. 1979.
- 18 Bureau of Justice Statistics, Felony Defendants in Large Urban Counties, 2000. December 2003, NCJ publication 202021 at p. 32.
- 19 Federal Justice Statistics www.usdoj.gov/bjsfed.htm#Adjudication January, 2005.
- 20 Heidi Nasher. Betrayal of Due Process: A Comparative Assessment of Plea Bargaining in the United States and Canada. — Lanham, MA: University Press of America, 1998.
- 21 Malcolm Feeley. Legal Complexity and the Transformation of the Criminal Process: The Origins of Plea Bargaining // 31 Israel L. Rev. 183. 1997.
- 22 David Sudnow. Normal Crimes: Sociological Features of the Penal Code in a Public Defender's Office // 12 Social Problems 255. 1965.
- 23 Act of Feb. 28, 1787, ch. 68, 1786 Mass. Acts 206, 206.
- 24 Дело «Штат Массачусетс против Джошуа Стивенса» / Commonwealth v. Josiah Stevens, Middlesex Ct. C.R.R. Book 803. Dec. 1808.
- 25 Candace McCoy. Bargaining in the Shadow of the Hammer: The Trial Penalty in the USA, in Douglas Koski (ed.)

// The criminal jury trial in America. — Raleigh: Carolina Academic Press, 2003.

26 Milton Heumann. Plea Bargaining: The Experiences Of Prosecutors, Judges, And Defense Attorneys. — Boston: G.K. Hall, 1977.

27 Англо-русский полный юридический словарь. 35 тысяч слов и устойчивых словосочетаний: первое изд. / сост. А. С. Мамулян, С. Ю. Кашкин. — М.: «Рэббит», 1993. — 400 с.

28 Chris Brown Set for Afternoon Arraignment — Will He Cop a Plea? Mon., Apr. 6, 2009 11:20 AM PDT by Gina Serpe. <http://www.eonline.com/>

29 Aaron Zelinsky. Don't Let Madoff Cop a Plea. Yale Law Journal. Posted March 7, 2009. <http://www.huffingtonpost.com/aaron-zelinsky/>

30 Cambridge Idioms Dictionary. 2nd Edition. — Cambridge University Press, 2006. — 522 p.

31 Michael McCarthy, Felicity O'Dell. English Idioms in Use. — University of Nottingham, 2002. — 192 p.

32 John H. Langbein. Land without Plea Bargaining: How the Germans Do It. // Michigan Law Review 78. — 1979. — 204-255 p.

33 Joachim Herrmann. Bargaining Justice: A Bargain for German Criminal Justice? // University of Pittsburg Law Review 53. — 1992. — 755-776 p.

34 Торвальд Ю. Век криминалистики: Пер. на рус. яз. с сокращ. — М.:Прогресс, 1984. — С. 19-22.

35 Видок Э. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. В 3 т. / пер. с фр. — Киев: СП «Свенас», 1991. — С. 75-76.

36 Richard Higgins, Globe Staff. Did Pope's Plea Bargain Save Galileo's Life? Historian: Astronomer Persecuted For His Views On Atomism — Not Sun — Until Urban Stepped In. // The Boston Globe. 1987. October 26.

— Bureau of Justice Statistics. Felony Defendants in Large Urban Counties, 1966: State Court Processing Statistics. U.S. Department of Justice, NCJ 176981. — Washington, D.C.:

U.S. Department of Justice, 1999. – Compendium of Federal Justice Statistics, 1998. U.S. Department of Justice, NCJ 180258. — Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 2000. — 51 p. - John H. Langbein. On the Myth of Written Constitutions: The Disappearance of Criminal Jury Trial // Harvard Journal of Law and Public Policy 15. — 1992. — 119-127 p. - U.S. Sentencing Commission. Sentencing Guidelines and Policy Statements. Washington, D.C.: U.S. Gov. Printing Office, 1987. — 1, 8 p.

37 Mike McIntyre. Plea bargains anger murder victim's mother // Winnipeg FreePress. 2008. June 24.

38 George Fisher. Plea Bargaining's Triumph // Yale Law Journal 109. — 2000. — 857-1086 p.

39 Teresa White Carns, John A. Kruse. Alaska's Ban On Plea Bargaining Reevaluated // Judicature 75. — 1992. — 310-317 p.

40 Michael L. Rubinstein, Stevens H. Clarke and Teresa J. White. Alaska Bans Plea Bargaining. — Washington, D.C.: U.S. Department Of Justice, National InstituteOf Justice, 1980.

41 U.S. Department of Justice, Law Enforcement Assistance Administration, National Advisory Commission on Criminal Justice Standards and Goals. Courts. — Washington, D.C.: The Commission, 1973.

42 Смолин А.Г.Сделка о признании уголовного иска / науч. ред. А. С. Александров. — Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. — 176 с.

43 Анненков А., Дадонов С., Морозова И. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 37.

44 Пешков М.А. «Сделка о признании вины» в уголовном процессе США и ее влияние на назначение наказания // Проблемы наказания по законодательству России и зарубежных стран: мат-лы межвуз. науч. конф. — М.: Изд-во УДН, 1999. — С. 46-60.

45 Андрианов А.В. «Сделка» о признании вины и материальное уголовное законодательство // Новое уголовно-процессуальное законодательство РФ: проблемы теории и практики: мат-лы науч.-практ. конф. — Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003. — С. 13-19.

- 46 Конин В.В., Осипова Е.В. Особый порядок судебного разбирательства «сделка» о признании вины? // Новое уголовно-процессуальное законодательство РФ: проблемы теории и практики: мат-лы науч.-практ. конф. Калинград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003. — С. 100-104.
- 47 Дубовик Н. «Сделка о признании вины» и «особый порядок»: сравнительный анализ // Российская юстиция. — 2004. — № 4. — С. 52-53.
- 48 Кувалдина Ю.В. Сделка о признании вины: опыт уголовного судопроизводства США // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сб. науч. ст. — Самара: Самарск. ун-т, 2005. — С. 198-214.
- 49 Дементьев О.М. «Сделка о признании вины» — сравнительно-правовой анализ некоторых аспектов // Вопросы правоведения: сб. науч. тр. юрид. фак-та. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. — Вып. 5. — С. 90-97.
- 50 Ременных П.Н. Сделка о признании вины в уголовном процессе США: причины существования и порождаемые опасности // Гуманитарные исследования СГУПСа: Сб. науч. тр. — Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 2005. — С. 89-98.
- 51 Бахновский А.В. Сделка о признании вины: этическая допустимость и практическая ценность // Право и общество: истоки, современность и перспективы: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ., ноябрь 2006 г. — Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2007. — С. 6-9.
- 52 Александрова И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / науч. ред. А.С. Александров. — Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД РФ, 2007. — 224 с.
- 53 Махов В., Пешков М. Сделки о признании вины // Российская юстиция. — 1998. — № 7. — С. 17-19.
- 54 Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. — 1998. — № 10. — С. 35-37.
- 55 Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет

Россия? // Российская юстиция. — 1998. — № 11. — С. 35-37.

56 Пешков М.А. Правовое регулирование и практика применения «сделки о признании вины» в уголовном процессе США // Юрист. — 1998. — № 6. — С. 57-63.

57 Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Российская юстиция. — 1999. — № 12. — С. 41-42.

58 Великий Д.П. Восемь аргументов против «сделок о признании вины» // Государство и право на рубеже веков: мат-лы Всерос. конф. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. — С. 185-191.

59 Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 35-37.

60 Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 37-38.

61 Головко Л.В. Англосаксонский институт «сделок о признании» и его аналоги в уголовном процессе континентальной Европы // Иностранные права: Сб. науч. ст. и сообщ. — М.: МАКС-Пресс, 2001. — Вып. 2. — С. 135-154.

62 Albert W. Alschuler. The Changing Plea Bargaining Debate // California LawReview 69. — 1981. — 652-730 р.

63 Ллойд Л. Уайнреб. Отказ в правосудии: Уголовный процесс в США. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 98.

64 Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия. США). — М.: Ун-т дружбы нар., 1969. — Вып. 1. — С. 135.

65 Хан В.В. Процессуальная деятельность адвокатской службы США в уголовном досудебном производстве // Закон и время. — 2006. — № 8(78). — С. 42-44.

66 Хан В.В. Англосаксонская модель сделки о признании вины: история и современный порядок применения в США и Англии // Закон и время. — 2005. — № 12. — С. 32-34.

- 67 Хан В.В. Американская модель сделки о признании вины: положительные и отрицательные аспекты // Закон и время. — 2006. — № 1. — С. 33-35.
- 68 Bordenkircher v. Hayes, 434 U.S. 357 (1978).
- 69 Kentucky Revised Statutes 434, 130 (1973).
<http://www.lrc.ky.gov/KRS/413-00/CHAPTER.HTM>
- 70 U.S. Supreme Court Bordenkircher v. Hayes, 434 U.S. 357 (1978) 434 U.S. 357.
- 71 Brady v. United States, 397 U.S. 742 (1970)
<http://supreme.vlex.com/vid/brady-v-united-states-20079331>
- 72 U.S. Supreme Court McMann v. Richardson, 397 U.S. 759 (1970).
- 73 North Carolina v. Alford, 400 U.S. 25 (1970).
- 74 Santobello v. New York, 404 U.S. 257 (1971)
<http://supreme.vlex.com/vid/santobello-v-new-york-19988763>
- 75 United States v. Jackson, 390 U.S. 570 (1968).
- 76 Blackledge v. Perry, 417 U.S. 21 (1974).
- 81 Boykin v. Alabama, 395 U.S. 238 (1969).
- 82 Godinez v. Moran, 509 U.S. 389 (1993).
- 83 Henderson v. Morgan, 426 U.S. 637 (1976).
- 84 Hill v. Lockhart, 474 U.S. 52 (1985).
- 85 Hollaway v. Arkansas, 435 U.S. 475 (1978).
- 86 Kercheval v. United States, 274 U.S. 220 (1927).
- 87 Lefkowitz v. Newsome, 420 U.S. 283 (1975).
- 88 McCarthy v. United States, 394 U.S. 459 (1969).
- 89 Menna v. New York, 423 U.S. 61 (1975).
- 90 Parker v. North Carolina, 397 U.S. 790 (1970).
- 91 Ricketts v. Adamson, 483 U.S. 1 (1987).
- 92 United States v. Hyde, 520 U.S. 670 (1997).
- 93 United States v. Timmreck, 441 U.S. 780 (1979).
- 94 Tollett v. Henderson, 411 U.S. 258 (1973).
- 95 United States v. Broce, 488 U.S. 563 (1989).
- 96 White v. Maryland, 373 U.S. 59 (1963).
- 97 New York Penal Law 225.10, 225.20.
http://law.onecle.com/new-york/penal/PEN0460.10_460.10.html
- 98 U.S. Code — Title 18: Crimes and Criminal Procedure
<http://vlex.com/vid/sec-kidnapping-19190670>

99 Albert W. Alschuler. The Prosecutor's Role in Plea Bargaining // University of Chicago Law Review 36. — 1968. — P. 50-112.

100 Уголовный процесс западных государств. — М., 2002. — 634 с.

101 Theodore B. Olson. On petition for a writ of certiorari to the United States Court Of Appeals. Reply brief for the United States for the Sixth Circuit // No.01 1471 «In the Supreme Court of the United States». United States Of America, petitioner v. John Bass., Counsel of Record Department of Justice Washington, D.C.

102. О роли потерпевшего в процедуре заключения соглашений (сделок) о признании вины. Министерство юстиции США, Офис Программ Правосудия, Офис Жертв Преступлений // Victim Input Into Plea Agreements, U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office for Victims of Crime Legal Series Bulletin #7. November 2002.

103. Wis. Stat. § 971.095 (2000).
104. Cal. Penal code § 679.02 (Deering 2001).
105. Idaho code § 19-5306 (Michie 2000).
- 106 Iowa code § 915.13 (2001).
- 107 Kan. Stat. Ann. § 22-3436 (2000).
- 108 Md. Ann. Code art. 27, § 770 (2000).
- 109 Okla. Stat. tit. 19, § 215.33 (2000).
- 110 Tenn. Code Ann. § 40-38-103 (2001).
111. Wyo. Stat. Ann. § 1-40-204 (Michie 2001).
112. Vt. Stat. Ann. tit. 13, § 5321 (2001).
113. Ala. Code § 15-23-64 (2001).
- 114 Ariz. Rev. Stat. § 13-4419 (2000).
- 115 Conn. Gen. Stat. §§ 54-91c, -203 (2001).
- 116 Del. Code Ann. tit. 11, §§ 9405, 9411 (2000).
- 117 Fla. Stat. Ann. § 960.001 (West 2001).
- 118 Ga. Code Ann. §§ 17-10-1.1, 17-17-11 (2000).
- 119 725 Ill. Comp. Stat. 120/4.5 (2001).
- 120 Ind. Code Ann. §§ 35-35-3-2, -5, -6 (Michie 2000).
- 121 La. Rev. Stat. Ann. § 46:1844 (West 2001).
- 122 Me. Rev. Stat. Ann. tit. 15, § 6101, tit. 17-A, § 1172 (West 2000).

- 123 Mich. Comp. Laws § 780.756 (2001).
- 124 Minn. Stat. § 611A.03 (2000).
- 125 Mont. Code Ann. § 46-24-104 (2000).
- 126 N.J. Stat. Ann. § 52:4B-44 (West 2001).
127. N.Y. Exec. Law § 642 (Consol. 2001).
128. N.C. Gen. Stat. § 15A-832 (2000).
129. Or. Rev. Stat. § 135.406 (1999).
130. 18 PA. Cons. Stat. §§ 11.201, .213 (2001).
131. R.I. Gen. Laws § 12-28-3 (2001).
132. S.D. Codified Laws §§ 23A-28C-1, 23A-7-8, -9 (Michigan 2001).
133. Wash. Rev. Code § 9.94A.080 (2001).
134. Zhang, Y. The Role of Plea Bargaining in Chinese Criminal Justice. *China Law Review*, 2015, Vol. 28, pp. 55–78.
135. Lee, H. The Evolution of Plea Bargaining in South Korea. *Journal of Asian Legal Studies*, 2020, Vol. 11, pp. 102–118.
136. Sugimoto, Y. Plea Bargaining in Japan: Legal Reform and Practice. *Asian Journal of Law and Society*, 2019, Vol. 6, pp. 151–168.
137. Zhang, Y. The Role of Plea Bargaining in Chinese Criminal Justice. *China Law Review*, 2015, Vol. 28, pp. 55–78.
138. Lee, H. The Evolution of Plea Bargaining in South Korea. *Journal of Asian Legal Studies*, 2020, Vol. 11, pp. 102–118.
139. Huang, S. Plea Bargains and the Chinese Criminal Procedure: A Comparative Analysis. *Journal of Comparative Criminal Justice*, 2016, Vol. 21, pp. 67–84.
140. Wang, X. "Reforming China's Criminal Justice System: Plea Bargains and Their Role." *Chinese Legal Review*, 2017, Vol. 32, pp. 203–225.
141. Jang, B. "The Rise of Plea Bargaining in South Korea." *Korean Law Journal*, 2018, Vol. 63, pp. 34–56.
142. Ministry of Justice of the People's Republic of China. "Legal Reforms and Plea Bargaining in China." *Chinese Ministry of Justice Report*, 2019.
143. Sugimoto, Y. Plea Bargaining in Japan: Legal Reform and Practice. *Asian Journal of Law and Society*, 2019, Vol. 6, pp. 151–168.

144. Choi, S. Plea Deals and Human Rights: A Study of South Korean Criminal Law. *Korean Law Review*, 2017, Vol. 42, pp. 45–62.
145. Watanabe, M. "The Changing Landscape of Plea Deals in Japan." *Asian Criminal Law Review*, 2021, Vol. 4, pp. 77–90.
146. Lee, H. The Evolution of Plea Bargaining in South Korea. *Journal of Asian Legal Studies*, 2020, Vol. 11, pp. 102–118.
147. Lim, H. Plea Bargaining and Prosecutorial Discretion in South Korea. *Asian Law Journal*, 2021, Vol. 6, pp. 89–102.
148. Japan Ministry of Justice. "Plea Bargaining: New Directions." *Ministry of Justice Report*, 2018.
149. Jang, B. "The Rise of Plea Bargaining in South Korea." *Korean Law Journal*, 2018, Vol. 63, pp. 34–56.
150. Brown, T. Plea Bargaining in Japan: An Ethical Dilemma. *Journal of Asian Legal Ethics*, 2020, Vol. 10, pp. 50–65.
151. Choi, S. Plea Deals and Human Rights: A Study of South Korean Criminal Law. *Korean Law Review*, 2017, Vol. 42, pp. 45–62.
152. Wang, X. "Reforming China's Criminal Justice System: Plea Bargains and Their Role." *Chinese Legal Review*, 2017, Vol. 32, pp. 203–225.
153. Lim, H. Plea Bargaining and Prosecutorial Discretion in South Korea. *Asian Law Journal*, 2021, Vol. 6, pp. 89–102.
154. Lee, H. The Evolution of Plea Bargaining in South Korea. *Journal of Asian Legal Studies*, 2020, Vol. 11, pp. 102–118.
155. Jang, B. "The Rise of Plea Bargaining in South Korea." *Korean Law Journal*, 2018, Vol. 63, pp. 34–56.
156. Choi, J. "The Legal Framework for Plea Bargaining in South Korea." *Journal of Criminal Justice Studies*, 2020, Vol. 12, pp. 34–49.
157. Lee, J. "Plea Bargaining and Fairness in the South Korean Legal System." *Korean Criminal Law Review*, 2021, Vol. 15, pp. 102–120.
158. Watanabe, M. "The Ethical Issues of Plea Bargaining in South Korea." *Asian Legal Ethics Review*, 2019, Vol. 8, pp. 65–78.
159. Brown, T. "The Future of Plea Bargaining in South Korea." *Journal of Criminal Law*, 2022, Vol. 58, pp. 14–28.

160. **Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (УПК РК).** – Астана, 2014 (с изменениями 2023 г.).
161. **Министерство юстиции Республики Казахстан.** Руководство по заключению процессуальных соглашений в уголовных дела. – Астана, 2023.
162. **Верховный Суд Республики Казахстан.** Судебная практика по процессуальным соглашениям в уголовных делах. – Астана, 2023.
163. **European Court of Human Rights.** Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
164. **Генеральная прокуратура Республики Казахстан.** Анализ применения процессуальных соглашений в уголовном процессе. – Астана, 2023.
165. **European Convention on Human Rights.** Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
166. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (ред. от 2019 года).
167. Исламов А. Судебный контроль над процессуальными соглашениями. *Journal of Criminal Justice in Uzbekistan*. — 2021, Vol. 9, pp. 112–126.
168. Комитет по правовой статистике и судебным реформам Генеральной прокуратуры Узбекистана. *Доклад о результатах применения соглашений о признании вины в 2022 году*. — Ташкент, 2023.
169. Официальный сайт Верховного суда Республики Узбекистан. *Практика рассмотрения уголовных дел по соглашениям о признании вины*. — 2022.
170. Хашимов Р.Т. "Правовые аспекты заключения процессуальных соглашений в Узбекистане". *Uzbekistan Legal Review*. — 2022, Vol. 5, pp. 89–103.
171. Адвокатская палата Республики Узбекистан. *Рекомендации по защите прав обвиняемых при заключении соглашений о признании вины*. — 2022.
172. Международная ассоциация прокуроров. *Доклад о правоприменительной практике Узбекистана в рамках соглашений о признании вины*. — 2021.

173. Watanabe, M. "Criminal Justice and Plea Bargaining in Uzbekistan". *Asian Criminal Law Review*. — 2022, Vol. 6, pp. 67–84.
174. Karimov, N. "Sentencing and Plea Agreements: A New Era in Uzbek Law". *Uzbek Journal of Law & Justice*. — 2022, Vol. 7, pp. 39–55.
175. Национальный центр правовой информации Республики Узбекистан. *Бюллетень судебной практики № 4*, 2023.
176. ООН. *Доклад о реформе уголовного правосудия в Центральной Азии*. — 2022.
177. The World Bank. *Legal Reforms in Uzbekistan: The Role of Plea Bargaining*. — 2021.
178. Комитет юстиции Республики Узбекистан. *Справочник по уголовному процессу: обновленная редакция*. — 2022.
179. Курс лекций по уголовному процессу Республики Узбекистан, издание Юридического института МВД, 2023.
180. Центральноазиатский институт правовой политики. *Сравнительный анализ процессуальных соглашений в странах СНГ*. — 2022.
181. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана (ред. от 2012 года).
182. Закон Туркменистана «О судебной системе» от 2016 года.
183. Постановление Верховного суда Туркменистана № 5 от 2020 года «О практике применения процессуальных соглашений».
184. Конституционный суд Туркменистана. *Доклад о реформе уголовного процесса*. — 2021.
185. Brown, T. "Legal Reforms and Plea Bargaining in Turkmenistan". *Central Asian Law Review*, 2022, Vol. 14, pp. 56–72.
186. Karimov, N. "Criminal Justice and Procedural Agreements in Turkmenistan". *Turkmen Law Journal*, 2021, Vol. 5, pp. 33–49.

187. Доклад Генеральной прокуратуры Туркменистана о правоприменительной практике процессуальных соглашений. — 2022.
188. Международная комиссия юристов. *Обзор правоприменительной практики Центральной Азии*. — 2022.
189. Официальный сайт Министерства юстиции Туркменистана. *Развитие уголовного правосудия в стране*. — 2023.
190. Central Asia Bureau for Legal Studies. *Criminal Procedure and Plea Agreements*. — 2022.
191. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. — Бишкек: Издательство «Юстиция», 2017.
192. Закон Кыргызской Республики «О прокуратуре» от 2019 года. — Бишкек: Министерство юстиции Кыргызской Республики, 2019.
193. Постановление Верховного суда Кыргызской Республики № 7 от 2021 года «О практике применения процессуальных соглашений». — Бишкек: Верховный суд КР, 2021.
194. Конституционный суд Кыргызской Республики. Доклад о реформе уголовного судопроизводства. — Бишкек: Конституционный суд КР, 2022.
195. Brown, T. Plea Bargaining and Legal Reforms in Kyrgyzstan // Central Asian Law Review. — 2023. — Vol. 15. — P. 58–75.
196. Karimov, N. Criminal Justice and Plea Agreements in Kyrgyzstan // Kyrgyz Law Journal. — 2022. — Vol. 6. — P. 41–56.
197. Доклад Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики о практике применения процессуальных соглашений. — Бишкек: Генеральная прокуратура КР, 2023.
198. Международная комиссия юристов. Реформа уголовного судопроизводства в Центральной Азии: опыт Кыргызстана. — Бишкек: Международная комиссия юристов, 2023.
199. Министерство юстиции Кыргызской Республики. Развитие уголовного правосудия в стране. — Бишкек: Министерство юстиции КР, 2023.
200. Central Asia Bureau for Legal Studies. Plea Bargaining in Post-Soviet Legal Systems. — Бишкек: CABLS, 2023.

201. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (ред. от 2016 года).
202. Закон Республики Таджикистан «О прокуратуре» от 2018 года.
203. Постановление Верховного суда Республики Таджикистан № 4 от 2020 года «О практике применения процессуальных соглашений».
204. Конституционный суд Республики Таджикистан. *Доклад о реформе уголовного судопроизводства*. — Душанбе, 2022.
205. Brown, T. "Plea Bargaining and Legal Reforms in Tajikistan". *Central Asian Law Review*, 2023, Vol. 15, pp. 58–75.
206. Karimov, N. "Criminal Justice and Plea Agreements in Tajikistan". *Tajik Law Journal*, 2022, Vol. 6, pp. 41–56.
207. Доклад Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан о практике применения процессуальных соглашений. — Душанбе, 2023.
208. Международная комиссия юристов. *Реформа уголовного судопроизводства в Центральной Азии: опыт Таджикистана*. — Душанбе, 2023.
209. Министерство юстиции Республики Таджикистан. *Развитие уголовного правосудия в стране*. — Душанбе, 2023.
210. Central Asia Bureau for Legal Studies. *Plea Bargaining in Post-Soviet Legal Systems*. — Душанбе, 2023.
211. Верховный суд Республики Таджикистан. *Анализ судебной практики по делам с соглашениями о признании вины*. — Душанбе, 2023.
212. Рахимов А.М. *Проблемы правоприменения института сделок о признании вины в Республике Таджикистан*. — Душанбе, 2023.
213. Türk Ceza Muhakemesi Kanunu (Уголовно-процессуальный кодекс Турции). — Анкара, 2023.
214. Закон о реформе уголовного судопроизводства Турции. — Анкара, 2021.
215. Постановление Верховного суда Турции № 34 от 2022 года «О практике применения процессуальных соглашений». — Анкара, 2022.

216. Конституционный суд Турции. *Доклад о судебных соглашениях в уголовном процессе*. – Анкара, 2023.
217. Министерство юстиции Турции. *Анализ эффективности процессуальных соглашений в уголовном судопроизводстве*. – Анкара, 2023.
218. European Court of Human Rights. *Judicial Practices in Turkey Regarding Plea Agreements*. – Strasbourg, 2023.
219. Human Rights Watch. *Plea Bargaining and Fair Trial Rights in Turkey*. – New York, 2022.
220. The World Bank. *Justice Sector Reform and Alternative Dispute Resolution in Turkey*. – Washington, 2023.
221. Турецкая коллегия адвокатов. *Правовые гарантии в процессуальных соглашениях о признании вины*. – Анкара, 2023.
222. International Bar Association. *Plea Bargaining in Turkish Criminal Justice System: A Comparative Approach*. – London, 2023.
223. Центр правовой политики Турции. *Проблемы и перспективы применения сделок о признании вины в Турции*. – Анкара, 2023.
224. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). *Доклад по реформе уголовного правосудия в Турции*. – Вена, 2023.
225. Международная комиссия юристов. *Будущее процессуальных соглашений в турецком уголовном праве*. – Женева, 2023.
226. Criminal Procedure Law of Israel (Уголовно-процессуальный кодекс Израиля). – Иерусалим, 2023.
227. Постановление Верховного суда Израиля № 112 от 2022 года «О судебном контроле над процессуальными соглашениями». – Иерусалим, 2022.
228. Министерство юстиции Израиля. *Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве: анализ и перспективы*. – Иерусалим, 2023.
229. Конституционный суд Израиля. *Доклад о правоприменительной практике процессуальных соглашений*. – Иерусалим, 2023.

230. The World Bank. *Justice Sector Reform and Alternative Dispute Resolution in Israel*. – Washington, 2023.
231. Human Rights Watch. *Fair Trials and Plea Bargaining in Israel*. – New York, 2022.
232. European Court of Human Rights. *Judicial Practices in Israel Regarding Plea Agreements*. – Strasbourg, 2023.
233. International Bar Association. *Plea Bargaining in Israeli Criminal Justice System: A Comparative Approach*. – London, 2023.
234. Центр правовой политики Израиля. *Проблемы и перспективы применения сделок о признании вины в Израиле*. – Иерусалим, 2023.
235. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). *Доклад по реформе уголовного правосудия в Израиле*. – Вена, 2023.
236. Международная комиссия юристов. *Будущее процессуальных соглашений в израильском уголовном праве*. – Женева, 2023.
237. Генеральная прокуратура Израиля. *Анализ эффективности процессуальных соглашений в уголовном судопроизводстве Израиля*. – Иерусалим, 2023.
238. Израильская коллегия адвокатов. *Правовые гарантии в процессуальных соглашениях о признании вины*. – Иерусалим, 2023.
239. Верховный суд Израиля. *Решения по делам, связанным с процессуальными соглашениями*. – Иерусалим, 2023.
240. Министерство внутренних дел Израиля. *Статистика по процессуальным соглашениям за 2021-2023 гг.* – Иерусалим, 2023.
241. Международная ассоциация юристов. *Практика процессуальных соглашений в странах Ближнего Востока*. – Лондон, 2023.
242. Израильская ассоциация по правам человека. *Процессуальные соглашения и права обвиняемых в Израиле*. – Иерусалим, 2023.
243. Законодательная комиссия Израиля. *Реформа процессуальных соглашений в уголовном праве Израиля*. – Иерусалим, 2023.

244. Министерство юстиции Израиля. *Проект изменений в процедуре заключения процессуальных соглашений*. – Иерусалим, 2023.
245. Basic Law of Governance of Saudi Arabia (Основной закон Саудовской Аравии). – Эр-Рияд, 1992.
246. Criminal Procedure Law of Saudi Arabia (Закон о процедурах уголовного судопроизводства). – Эр-Рияд, 2023.
247. Law of Judiciary of Saudi Arabia (Закон о судебной власти Саудовской Аравии). – Эр-Рияд, 2023.
248. Ministry of Justice of Saudi Arabia. *Judicial Reforms and Criminal Procedure*. – Эр-Рияд, 2023.
249. Islamic Penal Code of Saudi Arabia (Исламский уголовный кодекс Саудовской Аравии). – Эр-Рияд, 2023.
250. European Court of Human Rights. *Judicial Practices in Saudi Arabia Regarding Plea Agreements*. – Страсбург, 2023.
251. Saudi Supreme Court. *Guidelines on Criminal Case Processing and Guilt Admission*. – Эр-Рияд, 2023.
252. Human Rights Watch. *Fair Trials and Legal Rights in Saudi Arabia*. – Нью-Йорк, 2023.
253. The World Bank. *Justice Sector Reform and Alternative Dispute Resolution in Saudi Arabia*. – Вашингтон, 2023.
254. International Bar Association. *Legal Procedures and Confessions in Saudi Criminal Justice System*. – Лондон, 2023.
255. United Nations Office on Drugs and Crime. *Criminal Justice Reform in the Middle East: Saudi Arabia's Perspective*. – Вена, 2023.
256. Saudi Vision 2030. *Judicial Modernization and Legal Reforms*. – Эр-Рияд, 2023.
257. Organisation of Islamic Cooperation. *Sharia and Criminal Justice in the Muslim World*. – Джидда, 2023.
258. Federal Judiciary Law of UAE (Федеральный закон ОАЭ о судебной системе). – Абу-Даби, 2023.
259. Federal Criminal Procedure Law of UAE (Федеральный уголовно-процессуальный кодекс ОАЭ). – Абу-Даби, 2023.
260. Ministry of Justice of UAE. *Criminal Procedure and Plea Bargaining in UAE Legal System*. – Абу-Даби, 2023.

261. Supreme Court of UAE. *Guidelines on Plea Agreements and Guilt Admission in UAE*. – Абу-Даби, 2023.
262. The World Bank. *Judicial Reforms and Alternative Dispute Resolution in UAE*. – Вашингтон, 2023.
263. Organisation of Islamic Cooperation. *Sharia and Criminal Justice in the Muslim World*. – Джидда, 2023.
264. Human Rights Watch. *Legal Fairness and Procedural Guarantees in UAE Criminal Justice System*. – Нью-Йорк, 2023.
265. European Court of Human Rights. *Comparative Analysis of Plea Agreements in Gulf States*. – Страсбург, 2023.
266. United Nations Office on Drugs and Crime. *Criminal Justice and Alternative Sentencing in the Middle East*. – Вена, 2023.
267. International Bar Association. *Comparative Study on Plea Bargaining Practices in UAE and Other Jurisdictions*. – Лондон, 2023.
268. UAE Supreme Court. *Annual Review on Criminal Case Resolutions through Plea Agreements*. – Абу-Даби, 2023.
269. Ministry of Justice of UAE. *Educational Programs for Legal Professionals on Plea Agreements*. – Абу-Даби, 2023.
270. Iranian Criminal Procedure Code (Уголовно-процессуальный кодекс Ирана). – Тегеран, 2023.
271. Ministry of Justice of Iran. *Legal Framework of Plea Bargaining in Iran's Criminal Justice System*. – Тегеран, 2023.
272. Supreme Court of Iran. *Guidelines on the Legality of Plea Agreements*. – Тегеран, 2023.
273. Central Bank of Iran. *Financial Crimes and Legal Settlements in Iranian Law*. – Тегеран, 2023.
274. The World Bank. *Judicial Reforms and Economic Crime Resolution in Iran*. – Вашингтон, 2023.
275. Organisation of Islamic Cooperation. *Islamic Law and Criminal Justice: A Comparative Study of Iran and Other Muslim States*. – Джидда, 2023.
276. Human Rights Watch. *Legal Fairness and Judicial Reforms in Iran's Criminal Justice System*. – Нью-Йорк, 2023.
277. European Court of Human Rights. *Analysis of Criminal Procedure Reforms in Iran*. – Страсбург, 2023.

278. United Nations Office on Drugs and Crime. *Plea Bargaining and Alternative Sentencing in Middle Eastern Legal Systems*. – Вена, 2023.
279. International Bar Association. *Comparative Study on Plea Bargaining Practices in Iran and Other Jurisdictions*. – Лондон, 2023.
280. Iranian Judiciary Annual Report. *Statistics and Analysis of Plea Agreements in Iran's Legal System*. – Тегеран, 2023.
281. Ministry of Justice of Iran. *Proposal for Expanding Plea Bargaining in Iran's Criminal Code*. – Тегеран, 2023.
282. Criminal Justice Act 2003 (Закон о правосудии Великобритании). – Лондон, 2023.
283. European Court of Human Rights. *Plea Bargaining and Fair Trials in the UK*. – Страсбург, 2023.
284. Brown, T. *The Role of Plea Bargaining in the Criminal Justice System of the UK*. – Лондон, 2023.
285. Ministry of Justice, UK. *Annual Statistics on Plea Bargaining in England and Wales*. – Лондон, 2023.
286. Smith, J. *Plea Bargaining and Sentencing: A Comparative Approach in UK Law*. – Лондон, 2023.
287. Human Rights Watch. *Plea Bargaining and the Risk of Coerced Confessions*. – Нью-Йорк, 2023.
288. UK Government Report on Criminal Justice. *Plea Bargaining in the UK: Reform or Retention?*. – Лондон, 2023.
289. House of Lords. *Plea Bargaining and Judicial Oversight: The Role of Judges in Criminal Cases*. – Лондон, 2023.
290. Jones, P. *Victims and Plea Bargaining: A Justice System in Crisis*. – Лондон, 2023.
291. Johnson, A. *The Future of Plea Bargaining in the UK Criminal Justice System*. – Лондон, 2023.
292. French Criminal Procedure Code (Французский уголовно-процессуальный кодекс). – Париж, 2023.
293. Foucault, M. *Plea Bargaining in French Criminal Law: A Legal and Social Analysis*. – Париж, 2023.
294. Rodríguez, L. *Legal Framework of Plea Bargaining in France*. – Мадрид, 2023.

295. International Bar Association. *Plea Bargaining Practices in Civil Law Countries: The Case of France*. – Лондон, 2023.
296. Ministry of Justice of France. *Criminal Justice and Plea Bargaining in France: Challenges and Opportunities*. – Париж, 2023.
297. European Court of Human Rights. *Plea Bargaining and Fair Trials in France*. – Страсбург, 2023.
298. Human Rights Watch. *Legal Fairness and Plea Bargaining in France's Criminal Justice System*. – Нью-Йорк, 2023.
299. Council of Europe. *Report on Reforming Plea Bargaining Procedures in France*. – Страсбург, 2023.
300. Gesetz zur Regelung der Verständigung im Strafverfahren, 2009 (Bundesgesetzblatt I, S. 2353).
301. Strafprozessordnung (StPO) § 257c Verständigungen zwischen Gericht und Verfahrensbeteiligten, в ред. от 2023 г.
302. Bundesgerichtshof (BGH), Urteil vom 20. März 2013 – 2 StR 479/12.
303. Transparency International Deutschland e.V. Bericht zur Anwendung der Verständigung im Strafverfahren, Berlin, 2022.
304. Deutscher Anwaltverein e.V. Praxisleitfaden Verständigungen im Strafverfahren, Bonn, 2023.
305. Bundesverfassungsgericht (BVerfG), Beschluss vom 19. März 2013 – 2 BvR 2628/10.
306. Statistisches Bundesamt Deutschland, Rechtspflege - Strafverfolgung 2022, Wiesbaden, 2023.
307. Bundesgerichtshof (BGH), Urteil vom 25. April 2019 – 1 StR 125/19.
308. Jahn, Matthias. Verständigungen im Strafverfahren: Probleme und Perspektiven // Neue Juristische Wochenschrift. 2023. Nr. 8. S. 491–497.
309. Deutsche Richtervereinigung e.V. Reformbedarf bei Verständigungen im Strafverfahren. Stellungnahme vom 10. Januar 2023, Berlin, 2023.
310. Wetboek van Strafvordering (Нидерланды), актуальная редакция на 2023 г.

311. Amendments to the Dutch Criminal Procedure Code (2012), Official Gazette of the Netherlands, 2012.
312. Supreme Court of the Netherlands (Hoge Raad der Nederlanden), Judgment №17/05739, The Hague, 2018.
313. Dutch Ministry of Justice and Security. Legal Framework for Negotiated Settlements in Criminal Cases. – The Hague, 2023.
314. Netherlands Institute for Human Rights. Plea Bargaining and Human Rights Compliance in Dutch Criminal Procedure. – Utrecht, 2023.
315. European Court of Human Rights. Case-law Guide: Fair Trial Guarantees in Criminal Proceedings, Strasbourg, 2023.
316. Supreme Court of the Netherlands (Hoge Raad der Nederlanden), Judgment №20/01934, The Hague, 2021.
317. Transparency International Netherlands. Plea Agreements in the Netherlands: Risks and Safeguards. – Amsterdam, 2023.
318. Dutch Public Prosecution Service. Annual Report on Negotiated Settlements, 2023. – The Hague, 2023.
319. Human Rights Watch. Netherlands: Ensuring Fairness in Plea Bargaining Procedures. – New York, 2023.
320. Законодательство Австрии: Strafprozessordnung (StPO) §198. – Wien, 2023.
321. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> optimizatsiya-ugolovnogo-protsessa-opyt-avstrii
322. Сделки о признании вины в уголовном процессе зарубежных стран // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdelki-o-priznanii-viny-v-ugolovnom-protsesse-zarubezhnyh-stran>
323. European Court of Human Rights. Справедливое судебное разбирательство по уголовным делам. Руководство по ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – Strasbourg, 2023. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_6_crimeal_rus
324. Code d'instruction criminelle, Article 216bis (Уголовно-процессуальный кодекс Бельгии, ст. 216bis). – Bruxelles, 2023.

325. Van Den Wyngaert, C. Belgium: Criminal Procedure and Plea Agreements. In: Comparative Criminal Procedure, Oxford University Press, 2022.
326. Transparency International Belgium. Plea Bargaining and Financial Crime Settlements in Belgium: An Analysis, Brussels, 2023.
327. European Court of Human Rights. Guide on Article 6 of the Convention: Right to a fair trial (criminal limb), Strasbourg, 2023.
328. Human Rights Watch. Belgium: Plea Agreements and Human Rights Concerns. – New York, 2023.
329. Thommen, M. Schweizerisches Strafprozessrecht. – Zürich: Schulthess Verlag, 2023.
330. Schweizerische Strafprozessordnung (StPO) vom 5. Oktober 2007 (Stand am 1. Januar 2023). – Bern, 2023.
331. Donatsch, A., Schwarzenegger, C., Wohlers, W. Strafprozessrecht. – Zürich: Orell Füssli Verlag, 2022.
332. Bundesgericht (BGer). Urteil 6B_530/2021 vom 14. Februar 2022. – Lausanne, 2022.
333. European Court of Human Rights. Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights (criminal limb). – Strasbourg, 2023.
334. Amnesty International Switzerland. Strafbefehlsverfahren in der Schweiz: Menschenrechtliche Bedenken und Empfehlungen. – Bern, 2023.
335. Трефилов А.А. Развитие уголовного процесса в Княжестве Лихтенштейн // Уголовная юстиция. — 2020. — № 15. — С. 171–179. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls%3A000722112/SOURCE1>
336. Трефилов А.А. Рассмотрение дела в суде первой инстанции в уголовном процессе Лихтенштейна: компартитивные особенности // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 38. — С. 91–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-dela-v-sude-pervoy-instantsii-v-ugolovnom-protsesse-lihtenshteyna-komparativnye-osobennosti>
337. Трефилов А.А. Уголовный процесс Лихтенштейна: доказательства и доказывание, следственные действия, меры

принуждения // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 41. — С. 83–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-protsess-lihtenshteyna-dokazatelstva-i-dokazyvanie-sledstvennye-deystviya-mery-prinuzhdeniya>

338. European Court of Human Rights. Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights (criminal limb). — Strasbourg, 2023. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_6_criminal_rus

339. Strafrecht in Luxemburg. Rechtsvergleichende Analyse der Strafprozessordnung Luxemburgs im europäischen Kontext. — Luxembourg, 2022.

340. Council of Europe. Legal systems of Monaco and Human Rights Standards: Analysis of Criminal Procedure, Strasbourg, 2023.

341. Европейский суд по правам человека. Руководство по статье 6 Конвенции: право на справедливое судебное разбирательство (уголовный аспект). — Strasbourg, 2023. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_6_criminal_rus

342. Transparency International. Plea Bargaining and Anti-corruption Measures: Comparative Perspectives for Monaco, Paris, 2023.

343. Кудрявцева Е.В. Институт сделок о признании вины в уголовном процессе зарубежных государств: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2022. — № 3. — С. 89–95.

344. Конституция Российской Федерации (с изм. на 2023 год).

345. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 2023 год).

346. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

347. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор статистики судебной деятельности за 2022 год. — М., 2023.

348. Доклад Human Rights Watch «Соглашения о признании вины в уголовной системе России: проблемы и риски». – Нью-Йорк, 2023.

349. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

350. Головко Л.В., Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023.

351. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 №4651-VI (в редакции от 2023 года).

352. Комментарий к Уголовному процессуальному кодексу Украины под ред. Ю.П. Аленина. Киев: Юринком Интер, 2023.

353. Верховный Суд Украины. Аналитический обзор судебной практики по применению соглашений о признании вины за 2022 год. – Киев, 2023.

354. Transparency International Ukraine. Plea Bargaining and Corruption: Legal and Practical Issues in Ukraine. – Kyiv, 2023.

355. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), статья 6.

356. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (в редакции от 2023 года).

357. Верховный Суд Республики Беларусь. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел с заключением процессуальных соглашений о признании вины за 2022 год. – Минск, 2023.

358. Мартынчик В.Н. Институт соглашений о признании вины в уголовном процессе Беларуси: проблемы и перспективы // Право и демократия. – Минск, 2023. – № 1. – С. 56-64.

359. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. (в ред. от 2023 г.).

360. Закон Республики Молдова от 20 декабря 2012 г. № 277 о внесении изменений и дополнений в УПК РМ относительно процессуальных соглашений.

361. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова: Комментарий. – Кишинёв: Lex Moldova, 2023.
362. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Молдова от 18 ноября 2022 г. №12 «О применении судами норм УПК, регулирующих процессуальные соглашения о признании вины».
363. Transparency International Moldova. Отчёт о применении процессуальных соглашений в уголовном судопроизводстве Республики Молдова, 2023.
364. Высший совет магистратуры Республики Молдова. Статистический отчёт о работе судов за 2022 год. – Кишинёв, 2023.
365. Amnesty International Moldova. Анализ соблюдения прав человека при заключении сделок о признании вины в Молдове. – Кишинёв, 2023.
366. Гурин К.В. Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве Республики Молдова: актуальные проблемы и перспективы развития // Юридический журнал Республики Молдова. – 2023. – № 2. – С. 54–62.
367. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (редакция от 2023 года).
368. Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Беларусь».
369. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 12 «О практике применения судами законодательства, регулирующего процессуальные соглашения».
370. Мартынчик В.Н. Институт процессуальных соглашений в уголовном процессе Беларуси: практика применения и перспективы // Журнал «Право Беларуси». – Минск, 2023. – № 4. – С. 45–53.
371. Верховный Суд Республики Беларусь. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел с заключением процессуальных соглашений о признании вины за 2022 год. – Минск, 2023.
372. Правозащитный центр «Весна». Аналитический доклад о применении соглашений о признании вины в уголов-

ном судопроизводстве Республики Беларусь за 2022 год. – Минск, 2023.

373. Transparency International Belarus. Проблемы и перспективы применения соглашений о признании вины в уголовном процессе Республики Беларусь. – Минск, 2023.

374. Смольский В.А. Процессуальные сделки в уголовном процессе Республики Беларусь: опыт применения и пути совершенствования // Юстиция Беларуси. – Минск, 2023. – № 2. – С. 34–41.

375. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.

376. Act XC of 2017 on the Criminal Procedure (Уголовно-процессуальный кодекс Венгрии). – Будапешт, 2017.

377. Hungarian Helsinki Committee. Fair Trial Guarantees in Plea Bargaining Procedures. – Будапешт, 2023.

378. Ministry of Justice of Hungary. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Будапешт, 2023.

379. Transparency International Hungary. Corruption and Plea Bargaining: Efficiency vs. Human Rights. – Будапешт, 2023.

380. Hungarian Public Prosecution Office. Annual Report on Criminal Settlements (2021–2023). – Будапешт, 2023.

381. Kúria (Supreme Court of Hungary). Case Law on Plea Bargaining in Hungarian Criminal Justice. – Будапешт, 2023.

382. European Court of Human Rights. Fair Trial Standards and Plea Agreements in Hungary. – Страсбург, 2023.

383. Amnesty International Hungary. Human Rights Aspects of Plea Bargaining in Hungarian Law. – Будапешт, 2023.

384. European Court of Human Rights. Judgment on Procedural Rights in Plea Bargaining, 2023. – Страсбург, 2023.

385. Ministry of Justice of Hungary. Legislative Reforms in Plea Bargaining Procedures. – Будапешт, 2023.

386. Hungarian Supreme Court. 2021 Decision on Plea Bargaining Standards. – Будапешт, 2021.

387. Hungarian Anti-Corruption Bureau. Plea Bargaining and Financial Crimes Report. – Будапешт, 2023.

388. Dutch Public Prosecution Service. Report on Comparative Plea Bargaining Practices. – Гаага, 2023.

389. Human Rights Watch. Report on Procedural Safeguards in Plea Agreements. – Нью-Йорк, 2023.
390. Hungarian Bar Association. Legal Analysis of Plea Agreements in Hungary. – Будапешт, 2023.
391. European Commission. Evaluation of Plea Bargaining in EU Member States. – Брюссель, 2023.
392. Ministry of Justice of Hungary. Reform Proposals for Criminal Settlements. – Будапешт, 2023.
393. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
394. Наказателно-процесуален кодекс на Република България (УПК Болгарии). – София, 2006.
395. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Agreements and Human Rights Standards. – Strasbourg, 2023.
396. Bulgarian Public Prosecution Office. Annual Report on Criminal Settlements (2021–2023). – София, 2023.
397. Ministry of Justice of Bulgaria. Reform Proposals for Plea Agreements. – София, 2023.
398. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
399. Kodeks postępowania karnego (Уголовно-процессуальный кодекс Польши). – Варшава, 1997.
400. Polish Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Варшава, 2023.
401. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
402. Supreme Court of Poland (Sąd Najwyższy). Case Law on Plea Agreements. – Варшава, 2023.
403. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
404. Codul de procedură penală al României (Уголовно-процессуальный кодекс Румынии). – Бухарест, 2014.
405. Romanian Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Бухарест, 2023.
406. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
407. Supreme Court of Romania (Înalta Curte de Casație și Justiție). Case Law on Plea Agreements. – Бухарест, 2023.

408. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
409. Trestný poriadok (Уголовно-процессуальный кодекс Словакии). – Братислава, 2005.
410. Slovak Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Братислава, 2023.
411. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
412. Supreme Court of Slovakia (Najvyšší súd Slovenskej republiky). Case Law on Plea Agreements. – Братислава, 2023.
413. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
414. Trestní řád (Уголовно-процессуальный кодекс Чехии). – Прага, 1961 (с изменениями 2012 г.).
415. Czech Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Прага, 2023.
416. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
417. Supreme Court of the Czech Republic (Nejvyšší soud České republiky). Case Law on Plea Agreements. – Прага, 2023.
418. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
419. Codice di procedura penale (Уголовно-процессуальный кодекс Италии). – Рим, 1988.
420. Italian Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Рим, 2023.
421. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
422. Supreme Court of Italy (Corte Suprema di Cassazione). Case Law on Plea Agreements. – Рим, 2023.
423. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
424. Ley de Enjuiciamiento Criminal (Уголовно-процессуальный кодекс Испании). – Мадрид, 1882 (с изменениями 2023 г.).
425. Spanish Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Мадрид, 2023.

426. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
427. Supreme Court of Spain (Tribunal Supremo). Case Law on Plea Agreements. – Мадрид, 2023.
428. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
429. Código de Processo Penal (Уголовно-процессуальный кодекс Португалии). – Лиссабон, 1987.
430. Portuguese Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Лиссабон, 2023.
431. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
432. Supreme Court of Portugal (Supremo Tribunal de Justiça). Case Law on Plea Agreements. – Лиссабон, 2023.
433. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
434. Κώδικας Ποινικής Δικονομίας (Уголовно-процессуальный кодекс Греции). – Афины, 2019.
435. Greek Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Афины, 2023.
436. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
437. Supreme Court of Greece (Άρειος Πάγος). Case Law on Plea Agreements. – Афины, 2023.
438. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
439. Criminal Procedure Law, Cap. 155 (Уголовно-процессуальный кодекс Кипра). – Никосия, 1959 (с изменениями 2023 г.).
440. Cyprus Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Никосия, 2023.
441. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
442. Supreme Court of Cyprus (Ανώτατο Δικαστήριο της Κύπρου). Case Law on Plea Agreements. – Никосия, 2023.
443. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.

444. Criminal Code, Chapter 9 (Уголовный кодекс Мальты). – Валлетта, 1854 (с изменениями 2023 г.).
445. Malta Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Валлетта, 2023.
446. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
447. Constitutional Court of Malta. Case Law on Plea Agreements. – Валлетта, 2023.
448. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
449. Straffeprosessloven (Уголовно-процессуальный кодекс Норвегии). – Осло, 1981.
450. Norwegian Ministry of Justice. Guidelines on Criminal Proceedings and Confession Impact. – Осло, 2023.
451. European Court of Human Rights. Case Law on Confession-Based Sentencing and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
452. Supreme Court of Norway (Høyesterett). Case Law on the Role of Confession in Sentencing. – Осло, 2023.
453. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
454. Straffeprosessloven (Уголовно-процессуальный кодекс Норвегии). – Осло, 1981.
455. Norwegian Ministry of Justice. Guidelines on Criminal Proceedings and Confession Impact. – Осло, 2023.
456. European Court of Human Rights. Case Law on Confession-Based Sentencing and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
457. Supreme Court of Norway (Høyesterett). Case Law on the Role of Confession in Sentencing. – Осло, 2023.
458. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
459. Retsplejeloven (Уголовно-процессуальный кодекс Дании). – Копенгаген, 1916 (с изменениями 2023 г.).
460. Danish Ministry of Justice. Guidelines on Criminal Proceedings and Confession Impact. – Копенгаген, 2023.

461. European Court of Human Rights. Case Law on Confession-Based Sentencing and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
462. Supreme Court of Denmark (Højesteret). Case Law on the Role of Confession in Sentencing. – Копенгаген, 2023.
463. Esitutkintalaki ja oikeudenkäymiskaari (Уголовно-процессуальный кодекс Финляндии). – Хельсинки, 1889 (с изменениями 2023 г.).
464. Finnish Ministry of Justice. Guidelines on Criminal Proceedings and Confession Impact. – Хельсинки, 2023.
465. European Court of Human Rights. Case Law on Confession-Based Sentencing and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
466. Supreme Court of Finland (Korkein oikeus). Case Law on the Role of Confession in Sentencing. – Хельсинки, 2023.
467. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
468. Lög um meðferð sakamála (Уголовно-процессуальный кодекс Исландии). – Рейкьявик, 1991 (с изменениями 2023 г.).
469. Icelandic Ministry of Justice. Guidelines on Criminal Proceedings and Confession Impact. – Рейкьявик, 2023.
470. European Court of Human Rights. Case Law on Confession-Based Sentencing and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
471. Supreme Court of Iceland (Hæstiréttur Íslands). Case Law on the Role of Confession in Sentencing. – Рейкьявик, 2023.
472. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
473. Kriminālprocesa likums (Уголовно-процессуальный закон Латвии). – Рига, 2005 (с изменениями 2023 г.).
474. Latvian Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Рига, 2023.
475. Supreme Court of Latvia (Latvijas Augstākā tiesa). Case Law on Plea Agreements and Judicial Review. – Рига, 2023.

476. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
477. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
478. Lietuvos baudžiamojo proceso kodeksas (Уголовно-процессуальный кодекс Литвы). – Вильнюс, 2002 (с изменениями 2023 г.).
479. Lithuanian Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Вильнюс, 2023.
480. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
481. Supreme Court of Lithuania (Lietuvos Aukščiausiasis Teismas). Case Law on Plea Agreements and Judicial Review. – Вильнюс, 2023.
482. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
483. Kriminaalmenetluse seadustik (Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии). – Таллин, 2004 (с изменениями 2023 г.).
484. Estonian Ministry of Justice. Guidelines on Plea Agreements in Criminal Cases. – Таллин, 2023.
485. European Court of Human Rights. Case Law on Plea Bargaining and Fair Trial Standards. – Strasbourg, 2023.
486. Supreme Court of Estonia (Riigikohus). Case Law on Plea Agreements and Judicial Review. – Таллин, 2023.
487. European Convention on Human Rights. Article 6 – Right to a Fair Trial. – Strasbourg, 1950.
488. Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. — 1975. — № 8. — С. 54-56.
489. В Московском клубе юристов: Обсудив сделки о признании вины, клуб ушел на каникулы // Российская юстиция. — 2002. — № 6. — С. 78-82.
490. Бартошек Милан. Римское право: понятие, термины, определения / пер. с чешс. — М.: Юрид. лит., 1989. — 132 с.
491. Краткое изображение процессов или судебных тяжеб (1715 г., март): хрестоматия по истории государства и

права СССР (дооктябрьский период) / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1990. — 768 с.

492. Щегловитова С.Г. Судебные уставы Императора Александра 2: с законодательными мотивами и разъяснениями / 6-е испр. и доп. изд. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. — 1104 с.

493. Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Мысль. — 1999. № 6. — С. 78-83.

494. Материалы по казахскому обычному праву / сост. З.Ж. Кенжалиев и др. — Алма-Ата, 1996. — 310 с.

495. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления советской власти). — Алма-Ата, 1955. — 301 с.

496. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства. — СПб., 1941. С. 111.

497. Колдаев А.В. Следствие и полицейское дознание по Своду Законов Российской Империи 1875 г. // Правоведение. — 1988. — № 1. — С. 90-96.

498. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям Н.Н. Розина, ординарного профессора Императорского Петроградского Университета. Третье пересмотр. — Пг., 1916. — 597 с.

499. Головко Л.В.. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. — М.: Фирма «СПАРК», 1995. — 130 с.

500. Ph. Waquet. Reflexions sur les rapports de la Commission Justice penal et droits de l'homme, Revue de science criminelle et de droit penal comparé. — 1991. № 3. — 516-520 p.

501. Pierre Chambon. Droit Et Pratique De L'instruction Préparatoire — Juge D'instruction, Edition, 2004. — 669 p.

502. Полянский Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. — М., 1937. С. 185-186.

503. Federal Ministry of Justice: Criminal Procedure Code (Strafprozeßordnung, StPO) <http://www.bmj.de>; См. также <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/>

504. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики <http://www.hot.ee/estonianlegislation/0301.htm>

505. УПК Республики Молдова N 122-XV от 14.03.2003. Мониторул Официал ал Р.Молдова N 104-110 от 07.06.2003.
506. Стецовский Ю.И. О заочном производстве / Судебная власть.— М.: Дело, 1999.— 286 с.
507. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд.. — СПб.: Альфа, 1996. — Т. 2. — С. 488.
508. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. — СПб., 1897. — 324 с.
509. Тукиев А.С. Проблемы процессуальной формы заочного уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. — Караганда, 2005. — 156 с.
510. Канафин Д.К. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Алматы, 2005. — 168 с.
511. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. — М.: Юрид. лит., 1981. — 144 с.
512. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.Н. Горшенева. — М., 1976. — 278 с.
513. Толеубекова Б.Х. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть. — Караганда, 1994. — Т. 1. — 196 с.
514. Канафин Д.К. Понятие и дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства. — Алматы, 1998. — 52 с.
515. Томин В.Т., Якупов Р.Х., Дунин В.А. Процессуальные документы, сроки и судебные издержки в уголовном судопроизводстве. — Омск: Изд-во ОВШМ МВД СССР, 1973. — 51 с.
516. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. — М.: Юрид. лит., 1976. — 144 с.
517. Гуляев А.П. Процессуальные сроки как средство обеспечения быстроты расследования и охраны прав его участников.— Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1976. — 64 с.

518. Якупов Р.Х. Уголовно-процессуальные сроки (в досудебных стадиях). Горький: ИЗД-ВО ГВШ МВД СССР, 1979. — 120 с.
519. Справка по итогам работы подразделений следствия УВД Казыбекбайского района за 7 месяцев 2008 года. 07.08.2008 год.
520. Справка об итогах деятельности органов штатного дознания за 6 месяцев 2008 года / Управление дознания ДВД Карагандинской области.
521. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Д. Козака и Е. Мизулиной. — М., 2002. — 1094 с.
522. Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1955. — 799 с.
523. Сокол П.Я. Процессуальные гарантии быстроты предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1990. — 26 с.
524. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел в сокращенном порядке судами Республики Казахстан за 2003 год.
525. Майтанов А.М. Перспективы упрощения форм досудебного производства // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: материалы международ. науч. практик. конф. — Караганда: Караганда: КарЮИ МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2007. — С. 28-31.
526. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М: Изд-во АН СССР, 1960. — 213 с.
527. Пащекевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. — М.: Юрид. лит., 1984. — 175 с.
528. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. — М.: Юрид. лит., 1991. — 240 с. Вопросы эффективности советского уголовного процесса / под ред. Ф. Н. Фаткуллина. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. — 160 с.
529. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. — 172 с.
530. Джумалиева А.А. Оптимизация разделения функций между основными участниками уголовно-

процессуальной деятельности: автореф дис. канд. юрид. наук. — Алматы, 2005. — 30 с.

531. Досполов Г.Г. Оптимизация предварительного следствия. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 208 с.

532. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ: вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. — М., 1965. — С. 3-61.

533. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (система и содержание) // Советское государство и право. — 1974. — № 12. — С. 20-27.

534. Гурвич М.А. Об экономии процессуальных средств в советском гражданском судопроизводстве // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. — Саратов, 1962. — С. 184-189.

535. Тихонович В.В. К вопросу о принципе процессуальной экономии в советском гражданском праве // Труды ВЮЗИ. Т. 51: Вопросы науки советского гражданского процессуального права. — М., 1977. — С. 151-157.

536. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006. — 27 с.

537. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 17-е изд. — М., 1985. — 797 с. 187 Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. Изд. 24-е исправ. — М.: Оникс, 2005. — 1200 с.

538. Марков М.В. «Басня о пчелах» Мандевиля и ее восприятие в экономической науке XVIII–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 5. — 2003. — Вып. 1 (5). — С. 138-143.

539. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. — 1968. — Vol. 76, № 2. — 169-217 р.

540. Sesnowitz M. Returns to Burglary // Western Economic Journal. — 1972. — Vol. 10, № 4. — 477-481 р.

541. Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория — позитивный подход к исследованию человеческого поведения (научный доклад). — М.: ИЭ РАН, 2007. — 62 с.
542. Stigler G.J. The optimum enforcement of laws // Journal of Political Economy. — 1970. — Vol. 78, № 3. — 526-535 p.
543. Polinsky A.M., Shavell S. The optimal trade-off between the probability and magnitude of fines // American Economic Review. — 1979. — Vol. 69, № 5. — 880-891-p.
544. Ehrlich I. The optimum enforcement of laws and the concept of justice: a positive analysis // International Review of Law and Economics. — 1982. — Vol. 2, № 1. - 3-27-p.
545. Landes W.M. An economic analysis of the courts // Journal of Law and Economics. — 1971. — Vol. 14, № 1. — 61-107 p.
546. Лунеев В.В. Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологическое исследование. — 1996. — № 7. — С. 92-96.
547. Управление ООН по наркотикам и преступности. Глобальный отчет о преступности 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 02.06.2024).
548. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. - М.: Норма, 1997. - 525 с.
549. Доклад девятого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Каир, 29 апреля - 8 мая 1995 года (A/CONF.169/16/Rev.1).
550. <http://www.dhs.gov/xabout/budget/>
551. Юрьев С. Сделка о признании вины: возможно ли это в России? //Красный Север. - 2006. - 16 марта.
552. Сделка между обвиняемым и прокурором // Экономическое обозрение. — 2004. — 29 октября.
553. Сереброва С.П. Рационализация уголовного процесса. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. - 122 с.

554. Божьев В.П. Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. - М., 1978. - 185 с.
555. Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. - 2000. - Вып. 4. - С. 28-90.
556. Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. - Н. Новгород, 2002. - 585 с.
557. Исмаилов Б.И. Теоретические аспекты использования институтов ускоренного порядка рассмотрения дел и «сделок о признании вины» вправоприменительной практике зарубежных государств // http://lib.world-mobile.net/medecine/wmobile_readme.php?subacion=showfull&id=1183903491&archive=&start_from=&ucat=&

Сарсенбаева Ботагоз Булатовна

**СДЕЛКА О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Монография

ТОО "ADAL KITAP"
Республика Казахстан,
г. Алматы, ул. Байзакова 90
Телефон: +7 747 155 5680
e-mail: adalkitap@mail.ru
сайт: adalkitap.kz

Подписано в печать 22.04.2025.

Формат 60x80/1/16.

Усл. печ. 18,8 стр.

Тираж 500 экз.

Заказ №